

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Princeton University Library

32101 067477461

Sidney Rheinstein

Class of 1907

Fund for the Advancement
of Social Justice and
International Understanding

*Sobranie materialov o napravlenii
" razlichnykh otstroev russkoj
slovesnosti*

СОБРАНИЕ МАТЕРИАЛОВЪ

О НАПРАВЛЕНІИ

РАЗЛИЧНЫХЪ ОТРАСЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

ЗА 1863 и 1864 г.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Напечатано по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

3024
86343

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Стр.

ВВЕДЕНІЕ

I. Лирическая поэзія	1.
Полемика о натуральной школѣ	4.
Полемика о свободномъ искусствѣ	12.
I. Поэты, слѣдовавшіе теоріи «свободнаго искусства»	23.
О. Тютчевъ 24. А. Фетъ 28. А. Майковъ 31. Н. Щербина 35.	
Я. Полонскій 39. Л. Мей 44. Гр. А. Толстой 45. Кн. Я.	
земскій 47.	
II. Поэты, развивавшіе сперва приемы нѣмецкаго романтизма, а	
потомъ, усвоившіе себѣ теоріи французскаго социализма .	52.
Н. Огаревъ 54. А. Плещеевъ 56. А. Григорьевъ 58	
III. Поэты, предметы пѣсеннѣй которыхъ суть по преимуществу	
народъ и разные общественные вопросы	61.
А. Хомяковъ 66. И. Аксаковъ 70. Т. Шевченко 74. В. Бене-	
диктовъ 80. Розенгеймъ 84. Некрасовъ 92. Никитинъ 103.	
II. Драматическая литература	110.
Приложеніе къ обзорѣ драматической литературы . . .	141.
III. Романъ, повѣсть и разсказъ	181.

188 J42670

Изданія Свѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія съ 22 іюня по 31 декабря 1863 года	199.
---	------

II. О изданіи періодической литературы вообще и замѣчательныхъ періодическихъ изданій въ особенности въ 1863 году	205.
---	------

Особенности 205. Характеристика изданій періодическихъ изданій 213. Предметы, о которыхъ говоритъ пресса въ 1863 г. 227. Польскій вопросъ 228. Вопросы внутренней политики 233. Финансовые вопросы 236. Экономическіе вопросы 237. Вопросы жизни общественной 237. Заключение 244.

Извлеченіе изъ Отчета о дѣятельности Свѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія за 1864 г.	246.
--	------

Приложеніе къ Отчету Свѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія за 1864 г.	252.
--	------

A. Изданія ежедневныя	252.
---------------------------------	------

Московскія Вѣдомости 257. С.-Петербургскія Вѣдомости 262. St.-Petersburger Zeitung 263. Голосъ 264. Биржевыя Вѣдомости и Народное Богатство 266. Сынъ Отечества 266.

B. Изданія еженедѣльныя.	267.
----------------------------------	------

День 267. Вѣсть 268. Народная газета 270. Петербургскій Листокъ 272. Торговый Сборникъ 272. Русскія Вѣдомости 273. Современный Листокъ 273. Якорь 274. Иллюстрированная газета 275. Воскресный Досугъ 276. Le Grelot 276. Revue Amusante 276. Волга 277. Рыбинскій Листокъ 277. Ростовскій Вѣстникъ 277. Виленскій Вѣстникъ 277. Кронштадтскій Вѣстникъ 278. Кіевлянинъ 278. Кіевскій Телеграфъ 279. Одесскій Вѣстникъ и Journal d'Odessa 279. Odessaer Zeitung 279.

В. Ежемесячные издания

Русскіе Вѣстникъ 279. Историческія свѣдѣнія 280. Мѣсяцъ-мѣснникъ 282. Библиотечка для чтенія 283. Современная Эпоха 286. Мировой вѣстникъ 287. Мировой вѣстникъ Юго-Восточной Россіи 288. Мировой вѣстникъ

Г. Повременныя изданія въ Прибалтійскомъ краѣ

Д. Сатирическія и развѣснныя изданія

**ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ, ДРАМА, РОМАНЪ
И РАЗСКАЗЪ.**

ОЧЕРКЪ НАПРАВЛЕНІЯ РАЗЛИЧНЫХЪ ОТРАСЛЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

съ 1854-го по 1864-й годъ включительно.

ВВЕДЕНІЕ.

Литература, подобно другимъ видамъ общественной дѣятельности, всегда и вездѣ имѣла свое собственное призваніе, свой собственный идеалъ, свои естественныя цѣли, отклоняясь отъ которыхъ она теряетъ самостоятельное значеніе и нисходитъ на степень рабскаго служенія. Разсматривая съ этой точки зрѣнія всю совокупность важнѣйшихъ явленій въ области русской литературы съ 1854-го по 1864-й годъ включительно, нельзя не убѣдиться, что общій уровень внутренняго достоинства и независимаго положенія нашей литературы значительно понизился въ теченіе этого короткаго періода времени. Оставя путь свободнаго развитія, литература наша значительно отклонилась въ несвойственную ей среду односторонняго служенія временнымъ политическимъ, гражданскимъ и общественнымъ вопросамъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого должно признать замѣчаемую въ новѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы, плохо скрытую тенденціозность, скудность творческой дѣятельности, а потому и повсемѣстное почти отсутствіе художественности. Немногія исключенія въ этомъ отноше-

ни составляют те современные писатели наши, талант которых получил уже определенное направление в минувшее время, когда наша литература развивалась самостоятельно и согласно высшим законам эстетики, не смотря на то, что условия, содействующия независимому развитию литературы, представляют в настоящее время повидимому больше удобств. Тесный круг деятельности, доступный в прежнее время у нас общественной инициативе, и больше сложный объем цензурных требований, не препятствовали однако нашей литературе блистать такими именами, как Гоголь, Лермонтов и Кольцовъ, и при том достоверно известно, что свобода творчества этих художников не встречала для себя стеснения, потому что ими почти ничего не было даже и написано такого, чтобы запрещено было печатать. Так истинная среда изящного может развиваться совершенно свободно помимо проходящих явлений жизни. Тоже самое можно сказать и относительно лучших современных писателей наших, каковы: Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій, графъ Л. Н. Толстой, кн. Вяземскій, Тютчевъ, Майковъ и другіе. Но нельзя также не согласиться, что самостоятельная и художественная деятельность этих писателей была в минувшее десятилетіе исключеніемъ, составляла меньшинство в общей сложности литературныхъ произведеній и не пользовалась популярностью на равнѣ съ другими, господствовавшими в нашей литературе направленіями. Явленіе это объясняется упомянутымъ выше уклоненіемъ литературы от преслѣдованія прямыхъ ея цѣлей, служеніемъ ея побочнымъ и временнымъ вопросамъ, что имѣло самое вредное вліяніе на вкусъ читающей публики и даже на общественную нравственность. Указывая на нѣкоторыя несовершенства

и крайности минувшаго, небольшой кружокъ литературныхъ дѣятелей нашихъ, имѣвшихъ въ виду совершенно не литературныя цѣли, легко приобрѣлъ себѣ въ глазахъ близорукой массы авторитетъ, и, обращая литературу въ слѣпое орудіе пропаганды, увлекъ многихъ неопытныхъ, но талантливыхъ писателей на ложный путь, развилъ въ публикѣ стремленіе искать въ изящныхъ произведеніяхъ слова заднюю мысль оппозиціи, обличенія и намека, и низвелъ большую часть новѣйшихъ явленій нашей литературы на степень фельетона, куплета, эпиграммы, каррикатуры и даже пасквиля. Съ другой стороны тѣже самыя стремленія выразились значительнымъ количествомъ произведеній въ духѣ матеріализма, социализма и разныхъ утопій, разлагающихъ семейный союзъ и нравственность. Такое направленіе не можетъ быть названо *публицистикою*, въ противоположность произведеніямъ изящной словесности, потому, что публицизмъ основанъ на томъ значеніи журналистики и на тѣхъ отношеніяхъ прессы къ общественному мнѣнію, которыя у насъ далеко еще недостигли правильнаго, желаемаго развитія. Извѣстно, что журналистика наша, за весьма слабыми исключеніями, стремится подчинить своему субъективному вліянію общество, вмѣсто того, чтобы изъ него почерпнуть свое значеніе.—Вышеупомянутые-же недостатки равно свойственны и поэзіи, и прозѣ минувшаго десятилѣтія. Всматриваясь внимательно въ характеръ литературы этого времени, нельзя не замѣтить еще какъ въ лирикѣ, такъ и въ драмѣ и въ повѣсти, одинаковаго отсутствія свободнаго, независимаго творчества. Все очевидно писано на подсказанную тему, все преслѣдуетъ извнѣ—поставленную цѣль; въ множествѣ произведеній—ясно стремленіе пропагандировать утопіи социа-

лизма и коммунизма, въ другомъ — намѣреніе вочто-бы то нистало унизить одно сословіе насчетъ другого, далѣе проглядываетъ явное желаніе обобщить отдѣльный, отрывочный прискорбный фактъ и послужить дѣлу обличенія въ ущербъ самой истинѣ; наконецъ бываетъ и то, что авторъ просто задается непремѣнной задачей подорвать кредитъ всѣхъ существующихъ нравственныхъ и соціальныхъ основъ, отрицать ради отрицанія, предлагая взамѣнъ недалековиднымъ читателямъ какую нибудь исполненную софизмовъ и легкой діалектики утопію. Къ сожалѣнію, большая часть произведеній нашей литературы, имѣвшихъ успѣхъ въ упомянутое десятилѣтіе и составлявшихъ главный балластъ въ отдѣлѣ изящной словесности С.-Петербургскихъ періодическихкихъ изданій, обнаруживаютъ именно эту самостоятельность въ дѣлѣ творчества и тяготѣніе къ предвзятому принципу или къ посторонней цѣли. Дошло даже до того, что произведенія не отличавшіяся подобнымъ характеромъ считались недостойными вниманія и похвалы, какъ произведенія *безъ направленія*. Но гдѣ же находился источникъ этого *направленія*, гдѣ тема, на которую почти вся изящная словесность наша была рядомъ болѣе или менѣе удачныхъ варіацій? Изъ обозрѣнія всей совокупности различныхъ литературныхъ направленій за минувшія десять лѣтъ, нѣ трудно усмотрѣть, что главнымъ, но въ то-же время, такъ—сказать, закулиснымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ была наша критика. Не многіе, но талантливые дѣятели создали изъ критики силу, которая, какъ судъ и какъ авторитетъ, отяготѣла съ одной стороны надъ литературой, увлекаая писателей къ нелитературнымъ цѣлямъ, съ другой стороны эта сила подчинила своему вліянію слѣпое большинство читателей, развивая въ нихъ ложный вкусъ

и желаніе видѣть въ литературѣ орудіе агитаціи или протеста; наконецъ, эта же критика приобрѣла власть надъ понятіями и даже надъ правами общества, потому что, подъ предлогомъ критическихъ разборовъ и рецензій, всѣ принципы и отправленія семейной и общественной жизни были низвергаемы или направляемы въ извѣстную сторону, смотря по надобности. Такое-то важное значеніе получила у насъ критика со времени Бѣлинскаго и не утрачивала его до Добролюбова и Чернышевскаго включительно, то-есть почти до настоящаго года.

Между тѣмъ цензура наша примѣняла свою дѣятельность по большей части къ отдѣльнымъ явленіямъ въ области печати и можно утвердительно сказать, что почти каждый цензоръ, за весьма рѣдкими исключеніями, наблюдая за тѣми періодическими изданіями, разсматриваніе которыхъ входило въ его прямую обязанность, не имѣлъ въ виду тѣхъ различныхъ направленій, которыя существовали въ нашей литературѣ, и потому для него оставались неизвѣстными тѣ цѣли, къ которымъ нѣкоторые дѣятели стремились посредствомъ литературной агитаціи и тѣ приемы, которые для этого употреблялись. Если-же уясненіе и общій обзоръ главныхъ литературныхъ направленій можетъ привести къ полезнымъ результатамъ при системѣ предупредительной цензуры, то тѣмъ болѣе серіозное примѣненіе можетъ быть изъ этого сдѣлано при томъ характерѣ, который должна усвоить себѣ цензурная дѣятельность въ силу Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 6 апрѣля сего года. Знаніе главныхъ направленій, существующихъ въ литературѣ и разумѣніе тѣхъ цѣлей, которымъ служатъ наиболѣе вліятельные писатели можетъ нерѣдко содѣйствовать къ

вѣрному взгляду на новое литературное произведеніе, къ справедливому заключенію о немъ и даже къ правильному примѣненію относительно его того или другаго цензурнаго постановленія.

I.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ.

Не подлежит сомнѣнію, что послѣ смерти Лермонтова въ 1841 г. (15 Іюля) и послѣ смерти Кольцова,—послѣдовавшей въ 1842 г. (19 Октября)—русская лирическая поэзія не имѣетъ до настоящаго времени представителя, который обладалъ-бы такимъ первокласснымъ поэтическимъ талантомъ, каковъ былъ у Лермонтова, или столь самобытнымъ направленіемъ, какое выразилось въ лучшихъ произведеніяхъ Кольцова. Обстоятельство это чрезвычайно важно: въ немъ главная причина той роли, которая выпала на долю нашей лирической поэзіи со дня исчезновенія двухъ упомянутыхъ поэтовъ со сцены русской литературы. Первоклассный талантъ или, по крайней мѣрѣ, талантъ отличающійся направленіемъ самобытнымъ, можетъ вносить свое личное вліяніе въ область лирической поэзіи, указывая ей путь, а иногда и увлекая направленіе ея за собою; но напротивъ, лишенная такихъ талантовъ и обладающая дѣтелями второстепеннаго свойства, лирическая поэзія не господствуетъ, но сама слѣдуетъ за тѣмъ общимъ направленіемъ, которому въ извѣстное время подчиняются всѣ стороны общественной дѣятельности. Въ такихъ условіяхъ находится наша лирическая поэзія уже болѣе двадцати лѣтъ, и потому не слѣдуетъ относиться къ этому періоду ея, какъ къ явленію самостоятельному, но разсматривать оный должно въ связи съ общимъ характеромъ нашей политической, гражданской и соціальной жизни, отъ котораго вмѣстѣ съ содержаніемъ наша лирика получила въ это время и направленіе свое. Упомянутое выше отсутствіе первокласснаго, или

самобытнаго таланта сознано и заявлено было нашей прессой еще въ 1848 г., въ статьѣ журнала «Современникъ», подъ заглавіемъ: *Взглядъ на русскую литературу за 1847 годъ*, и это явленіе, по смыслу статьи, равно относилось тогда не только къ лирической поэзіи, но и вообще ко *всѣмъ сторонамъ нашей литературы*. Вся она представляла произведенія не первостепенныхъ дѣятелей; Гоголь не задолго до того издалъ послѣднюю книгу свою— *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. Достойно однако вниманія, что на это отсутствіе серіознаго представителя въ нашей литературѣ, «Современникъ» смотрѣлъ какъ на явленіе, не только не возбуждающее сожалѣнія, но какъ на явленіе отрадное. Извѣстно, что въ то время, такъ называемые, *передовые* журналы наши стремились возвести въ принципъ неуваженіе къ какимъ бы то ни было авторитетамъ вообще и, если можно, совершенное отрицаніе ихъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ Искандера, напечатанной въ «Современникѣ» 1847 года, подъ заглавіемъ: *Новыя варіаціи на старыя темы*, читаемъ: что «лѣнь и привычка—два несокрушимые столба, на которыхъ покоится авторитетъ. Авторитетъ,» продолжаетъ статья, «представляетъ собственно опеку надъ недорослемъ; лѣнь у людей такъ велика, что они охотно сознаютъ себя несовершеннолѣтними, или безумными, лишь-бы ихъ взяли подъ опеку и дали-бы имъ досугъ ѣсть или умирать съ голоду, а главное—не думать и заниматься вздоромъ....Я вижу на твоёмъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ тебя почитать царемъ,—сказалъ Кентъ безумному Лиру. А мы, говоритъ г. Искандеръ, можемъ сказать многимъ, кичащимся своею умственною независимостью: «я вижу на твоёмъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ назвать тебя рабомъ». Такимъ эффектнымъ уподобленіемъ, заключается эта статья, направленная къ потрясенію всякаго авторитета и представляющая далеко не единственное явленіе

въ этомъ родѣ. Въ другой статьѣ того-же журнала серьезно заявляется убѣжденіе, что «Милтонъ, *самъ того не подозревая*, въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны, написалъ апопезу возстанія противъ авторитета, хотя и думалъ сдѣлать совсѣмъ иное». ¹⁾ Въ 1858 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 4) говорилось, что основы направленія тогдашняго времени были тѣ-же самыя, которыя существовали и въ концѣ сороковыхъ годовъ то-есть, «та-же вѣра въ человека, въ его будущее, въ независимость отъ авторитета». Удивительно-ли, что при этомъ настроеніи журналистива наша дошла до такого крайняго увлеченія, что одинъ изъ тогдашнихъ степенныхъ представителей нашей критики, обозрѣвая явленія русской литературы за 1846 годъ, признавалъ отраднымъ, что она не имѣла въ то время первоклассныхъ представителей и что, чуждая такимъ образомъ, подчиненія какому либо авторитету, свободная отъ вліянія какой либо личности, она могла всецѣло принадлежать обществу и быть орудіемъ для осуществленія его интересовъ. Литература наша, какъ выразился упомянутый критикъ, можетъ быть сравниваема «съ полями въ весеннемъ убранствѣ: хотя зелень не блистаетъ яркимъ колоритомъ, мѣстами она очень бѣдна и не роскошна, но она уже стелется повсюду; *прекрасное время года наступаетъ*». ²⁾ Судьбѣ однако угодно было, чтобы это пророчество о прекрасномъ времени года осталось для нашей литературы вообще, а для лирики въ особенности не исполненнымъ уже почти двадцать лѣтъ потому, что самыя лучшія произведенія этого періода блѣдны передъ произведеніями Гоголя и Лермонтова. Если-же литература и получила у насъ теперь болѣе вліянія на жизнь общества, если она принимаетъ болѣе преніяго

¹⁾ «Современникъ» 1848 г. № 1.

²⁾ Статья по поводу изданія г. Милюкова: *Очерки исторіи русской поэзіи*.

³⁾ «Современникъ» за 1847 г. № 1.

участіе въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики нашей, если она стала по преимуществу, такъ сказать, газетной, то съ другой стороны, прислуживая внѣшнимъ, практическимъ цѣлямъ, она отшатнулась отъ тѣхъ внутреннихъ началъ, на которыхъ почіють вѣчные законы искусства, она скудна истинно-художественными произведеніями и не проявила почти ни одного такого, которое могла-бы смѣло завѣщать потомству. Эта подчиненность литературы внѣшнимъ цѣлямъ, при отсутствіи могучихъ талантовъ, выразилась вскорѣ фактомъ, имѣвшимъ весьма печальное вліяніе на нашу литературу вообще, а по преимуществу на лирическую поэзію нашу, ощущающую и до настоящаго времени на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія этого факта, который заключался въ томъ направленіи, которое стало господствовать у насъ въ литературѣ подъ именемъ *натуральной школы*, и въ возстаніи большинства противъ теоріи *искусства ради искусства*.

ПОЛЕМИКА О НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

Горячая полемика о «натуральной школѣ» и объ «искусствѣ ради искусства» относится собственно къ концу сороковыхъ годовъ, и продолжается почти до 1860 г. и потому, для уразумѣнія истиннаго характера нашей лирической поэзіи и ея направленія за послѣднія десять лѣтъ,—необходимо вспомнить хотя главныя черты этой полемики, изъ которой видно, какъ литература наша отшатнулась отъ идеализма и впала въ крайній реализмъ, подчинившій ее практическимъ, временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ. Что могло быть гибельнѣе подобнаго направленія для судьбы лирической поэзіи? Въ концѣ сороковыхъ годовъ еще существовалъ однако споръ, еще слышались голоса противъ того, чему представители нашей критики *условились* дать названіе «натуральная школа». «Какая критика

теперь (т. е. въ 1848 г.) болѣе сообразна съ мнѣніемъ и вкусомъ публики какъ не та, которая стоитъ за «натуральную школу» противъ «риторической»? Такъ спрашивалъ тогда журналъ «Современникъ», какъ-бы еще сомнѣваясь, хотя и провозглашая вмѣстѣ съ тѣмъ, что «натуральная школа стоитъ на первомъ планѣ русской литературы». И такъ противоположное «натуральной школѣ» направленіе названо было «школой риторической». Смыслъ-же «натуральной школы» т. е. задача ея, по словамъ той-же статьи, ясна изъ слѣдующаго отзыва о Гоголѣ, который былъ не задолго до того, признанъ главою нашей «натуральной школы». «Всѣ произведенія его, (то-есть—Гоголя) обнаруживаютъ въ немъ *какое-то умышленное, насмѣшливое пренебреженіе къ прежнимъ знаніямъ, опытамъ и образцамъ; онъ читаетъ только книгу природы, изучаетъ только міръ дѣйствительный; онъ, какъ будто, забывъ исторію, подобно древнимъ, начинаетъ новый міръ искусствъ; потому - то его искусство словно не знаетъ, не понимаетъ стыдливости*».... Не говоря уже о томъ, что здѣсь имя Гоголя очевидно принято только какъ *знамя* извѣстнаго направленія, потому что его собственное направленіе охарактеризовано очень невѣрно, изъ всего вышеизложеннаго категорически слѣдуетъ, что «натуральная школа», какъ проповѣдывалъ ее главный органъ этого направленія въ 1848 г., журналъ «Современникъ»,—должна заключать въ себѣ противорѣчіе «риторической школѣ», «умышленное, насмѣшливое пренебреженіе къ прежнимъ знаніямъ, опытамъ и образцамъ (не признаваніе авторитета), изученіе только дѣйствительности, отрицаніе исторіи и не пониманіе стыдливости». Къ сожалѣнію, эта программа, заданная нашей литературѣ ея критиками-законодателями, была ею довольно точно выполнена; относительно-же «изученія дѣйствительности», должно еще упомянуть, что дѣйствительность была изучаема, но крайне односторонне.

Эта односторонность была замѣчена уже въ концѣ сороковыхъ годовъ противниками нашей «натуральной школы», то-есть въ то время, когда она вступала въ полновластіе въ нашей литературѣ. По свидѣтельству «Современника», противники «натуральной школы», или, какъ ихъ обозвали—«риторы», вѣняли этой школѣ въ главный недостатокъ ея крайность и односторонность, а именно: постоянныя нападки на чиновниковъ, стремленіе изображать *исключите*!ю людей низкаго званія, избраніе героями повѣстей по преимуществу мужиковъ, описываніе *улюговъ*—убѣжищъ голодной нищеты и часто всякой безнравственности, пристрастное сопоставленіе высшихъ сословій съ низшими, бѣдныхъ—съ богатыми, колебаніе всѣхъ возможныхъ авторитетовъ, протестъ и отрицаніе въ отношеніи къ общественному строю и изложеніе тѣхъ результатовъ въ эстетикѣ, которые получили уже кредитъ. Съ другой же стороны наука наша разрабатывалась подъ вліяніемъ крайняго реализма: поверхностныя выводы изъ области естествознанія (матеріализмъ) и цѣлая фаланга экономическихъ утопій (соціализмъ и проч.) легко приобрѣли себѣ авторитетъ въ общественномъ мнѣніи, пользуясь привлекательностью запретнаго плода. Все это въ совокупности доставило такой окончательный триумфъ такъ называемой «натуральной школѣ», что даже еще въ 1858 году «Отечественныя Записки», (журналъ менѣе односторонній и не столько гонявшійся тогда за популярностью—сколько «Современникъ») — «Отечественныя Записки» рѣшились помѣстить на своихъ страницахъ статью г. Ахшарумова—*О порабоженіи искусства*, написанную въ защиту свободнаго искусства и направленную противъ крайнихъ тенденцій нашей «натуральной школы»,—не иначе какъ съ оговоркой, что статья эта помѣщена въ уваженіе къ искренности, высказанныхъ въ ней мнѣній, отвѣтственность за которыя редакція оставляетъ за авторомъ. А между тѣмъ, въ этой статьѣ находимъ свидѣ-

тельство современнаго наблюдателя объ успѣхахъ «натуральной школы» и о результатахъ этихъ успѣховъ. Г. Ахшарумовъ утверждаетъ, что «со времени Бѣлинскаго, и во многомъ подчиняясь его вліянію, наша литература стала серьёзно смотрѣть на себя, какъ на няньку или гувернантку несовершеннолѣтней публики. Самая критика, *забывъ, что ея непосредственному надзору подчинено вовсе не читающее, а только пишущее сословіе*, принялась за то-же дѣло и чему она не учила насъ съ тѣхъ поръ, о чемъ не говорила, придираясь къ какойнибудь маленькой книжонкѣ или важному, толстому сочиненію! Нѣсколько словъ о дѣлѣ,—а тамъ длинная лекція de omnibus rebus et aliis quibusdam. Съ той поры, безъ малаго почти все, что у насъ ни было писано по части изящной и неизящной словесности, все пропахло аптекою современнаго, цѣлительнаго направленія. Не имѣя какойнибудь лекарственной цѣли въ виду, никто и за перо не хочетъ браться (въ 1858 г.); нельзя,—скажутъ: несовершенно, нѣтъ никакого *направленія*. Существованіе въ то время подобнаго настроенія, провозглашеннаго «натуральной школой» и вредное вліяніе его на литературу высказывалъ, къ удивленію, какъ-бы невольно и самъ «Современникъ», столько стремившійся къ торжеству этого самаго же настроенія. «Въ наше время (т. е. въ 1848 г.) искусство и литература», говорилось въ «Современникѣ», «больше чѣмъ когда-либо сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общіе, доступнѣе, яснѣе всѣмъ, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, *не могло не измѣнить общаго направленія искусства во вредъ ему*. Такъ, самые гениальные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику сочиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту,

или по крайней мѣрѣ обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянuto, вяло, скучно». ¹⁾ Далѣе, та-же статья выражаетъ убѣжденіе, что, «духъ партій, сектантизмъ, вредятъ таланту, портятъ его произведенія и потому-то серіозный талантъ долженъ быть органомъ не той или другой партіи или секты, осужденной можетъ быть на эфемерное существованіе, но сокровенной думы всего общества. Поэтъ,» читаемъ далѣе, «долженъ выражать не частное или случайное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ. И больно, и жалко, и смѣшно смотрѣть на даровитаго поэта, захотѣвшаго сдѣлаться плохимъ резонеромъ.» ²⁾ Какъ согласовать эти понятія, съ тѣмъ направленіемъ, которое въ томъ-же «Современникѣ» предлагалось нашимъ писателямъ, какъ истинный путь, и которое наша критика условилась назвать «натуральной школой»? Дѣло въ томъ, что въ отсутствіи, какъ было замѣчено выше, серіознаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей литературѣ, чистые интересы искусства были отодвинуты на задній планъ и это осталось незамѣченнымъ близорукимъ большинствомъ публики. Выработанныя прежде, твердыя основанія искусства не были опровергнуты и ими даже при случаѣ пользовались, какъ это доказываетъ вышеприведенная выдержка изъ «Современника». Но въ сущности искусство было только предлогомъ и полемика-объ искусствѣ была принята, какъ единственное средство, дававшее возможность высказывать и популяризировать начала и понятія, не имѣвшія прямого отношенія къ истиннымъ интересамъ искусства. Такимъ образомъ, критика *условила*сь, помимо свѣдѣнія о томъ большинства публики и даже писателей, дать названіе «натуральной школы» собственно

¹⁾ Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г. «Современникъ» (1848 г. № 7 стр. 30).

²⁾ Тамъ же стр. 29 и 30.

протесту и отрицанію. Изученіе дѣйствительности во имя этой «натуральной школы» заключалось съ одной стороны въ собираніи всѣхъ возможныхъ аргументовъ способныхъ доказать полную неудовлетворительность и негодность тогдашняго государственнаго, гражданскаго и общественнаго строя нашего, а съ другой стороны,—въ поклоненіи матеріализму и реализму, съ цѣлью дѣйствовать разрушительно на нѣкоторыя религіозныя и нравственныя убѣжденія, имѣвшія у насъ авторитетъ въ то время. И такъ, вотъ въ чемъ состояло направленіе, которое ложно было названо «натуральной школой». И это направленіе было тогда дѣйствительно новостью и оно было встрѣчено съ симпатіей. Борьба же противъ этого направления открытымъ оружіемъ не было никакой возможности, потому что оно прикрылось маской литературной цѣли, интересовъ искусства: подъ именемъ «натуральной школы». И тутъ-то искусство, а въ томъ числѣ и лирическая поэзія, было принесено въ жертву политическимъ и социальнымъ тенденціямъ. Это было то время, когда съ одной стороны, писаніе для *чтенія между строкъ* достигло у насъ великаго умѣнія и тонкости, а съ другой стороны когда возникла цѣлая литература откровенная, безъ маски, но *писанная*. Предохранить искусство, а съ нимъ и лирику нашу отъ низведенія его до значенія оружія, въ рукахъ агитаціи могъ только первоклассный художникъ, талантъ сильный и самобытный, а такого, съ кончины Лермонтова и Гоголя, мы еще не имѣли. Если-бы защитники, такъ называемой, «натуральной школы» ратовали собственно за интересы и цѣли искусства, тогда и самый споръ едва-ли состоялся-бы, потому что истинная «натуральная школа», необходимое условіе которой есть вѣрность дѣйствительности, но не односторонняя, которая отвѣчала бы и требованіямъ реализма, но не исключала въ то-же время идеала,—такая «натуральная школа» не была для насъ новостью-

она имѣла у насъ всегда замѣчательныхъ представителей, начиная чуть-ли не отъ временъ Кантемира и фонъ-Визина. И въ то время уже громко заявляли себя въ нашей литературѣ *протестъ* и *отрицаніе*, но они заявляли себя во имя идеала; въ новой-же «натуральной школѣ» *протестъ* и *отрицаніе* служатъ сами себѣ идеаломъ и потому будучи относительно и частью мимовременны они не могутъ быть предметомъ истиннаго искусства. Почему никто и не думалъ утверждать, что комедія Грибоедова «Горе отъ Ума» не относится къ «натуральной школѣ»? Чѣмъ не натуральна манера Крылова? Отчего вопроса о «натуральной школѣ» не существовало при Пушкинѣ и при Лермонтовѣ? Потому, что творенія этихъ гениальныхъ поэтовъ были такимъ мастерскимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, что тогда никто не осмѣлился-бы подчинить искусство побочнымъ, низшимъ цѣлямъ подъ именемъ «натуральной школы». Наконецъ, лучшія мѣста изъ сочиненій даже второстепенныхъ писателей нашихъ, каковы напримѣръ: Загоскинъ, Гребенка, Основьяненко (Квитка) и другіе, вполне удовлетворяютъ требованіямъ истинной «натуральной школы». Творцемъ-же новой «натуральной школы» провозглашенъ былъ Гоголь. Но это въ сущности была мистификація. Нужно было имя, нужно было знамя новому направленію. Отрицаніе и протестъ составляютъ, правда, значительный элементъ въ талантѣ Гоголя. На эту-то сторону и направили глаза и вниманіе близорукаго большинства, оставивъ въ сторонѣ незамѣченнымъ то обстоятельство, что чрезъ всю авторскую карьеру Гоголя рядомъ съ отрицаніемъ и протестомъ идетъ стремленіе къ идеалу, къ идеалу не относительному, а вѣчному, что въ *Вечерахъ на хуторѣ*, въ *Миргородѣ*, въ *Повѣстяхъ* нѣтъ односторонняго изображенія дѣйствительности, что повѣсть *Портретъ* есть въ своемъ родѣ цѣлый трактатъ въ пользу независимаго искусства, что въ превосходномъ и глубокомъ этюдѣ:

Римъ все дышетъ вѣчнымъ идеаломъ. Никто также не обратилъ вниманіе публики на то, что во второй части «Мертвыхъ Душъ» общій характеръ которой доступенъ сужденію по уцѣлѣвшимъ главамъ и по отзывамъ людей, слышавшихъ чтеніе ея и стоящихъ до-вѣрія,—во второй части, хотя отрицаніе играетъ важную роль, но вездѣ сквозитъ стремленіе къ идеалу и выбранная, авторомъ среда совершенно не та, которую эксплуатировала новая «натуральная школа»; и какъ въ первой части поэмы дѣйствуютъ по преимуществу чиновники и бѣдняки, такъ во второй—почти нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. А между тѣмъ эта вторая часть была писана не годъ и не два. Упущено было изъ виду также, что въ *Перепискѣ съ друзьями*, въ письмахъ, которыя были писаны авторомъ еще за девять лѣтъ до его смерти, т. е. тогда, когда еще не было и рѣчи о паденіи, или болѣзни Гоголя,—высказаны взгляды совершенно противоположные тѣмъ, которые проповѣдывала новая «натуральная школа». Въ доказательство можно указать на письма отъ 1843 года, по поводу первой части «Мертвыхъ Душъ».

Такимъ-то образомъ, подъ видомъ «натуральной школы», проводились въ общество тенденціи въ сущности не литературнаго свойства, и имя Гоголя было произвольно выставлено, какъ знамя. Уровень творческой дѣятельности въ литературѣ нашей не могъ при этомъ не понизиться, и это по преимуществу отразилось на лирической поэзіи нашей въ послѣднее десятилѣтіе. Окончательное-же обращеніе нашей поэзіи къ постороннимъ цѣлямъ, которыя преслѣдовала эта мнимая «натуральная школа», *произведено было нашей критикой*, которая сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобъ популяризовать у насъ цѣлую теорію *порабощенія искусства*, теорію враждебную свободному искусству, возведшую въ принципъ отрицаніе (какъ выражались тогда)—*искусства ради искусства*.

ПОЛЕМИКА О СВОБОДНОМЪ ИСКУССТВѢ.

Взглядъ на литературу, какъ на выраженіе общественной жизни, замѣчается уже въ тридцатыхъ годахъ; но что касается до искусства, въ томъ числѣ и поэзіи, то Бѣлинскій сначала упрочилъ у насъ убѣжденіе, что «искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ-бы вновь созданный міръ». Бѣлинскій развилъ въ себѣ это убѣжденіе въ школѣ Н. Станкевича, который много способствовалъ къ первому серіозному знакомству нашему съ тогдашними результатами нѣмецкой философіи и эстетики. Какъ-бы то ни было, но Бѣлинскій вѣрилъ тогда въ свободное искусство и этой вѣрѣ онъ не измѣнялъ до переселенія своего изъ Москвы въ Петербургъ. Еще въ 1841 году онъ утверждалъ, что «лирическая поэзія есть по преимуществу поэзія *субъективная*, внутренняя, выраженіе *самого поэта*». По словамъ Бѣлинскаго, «иныя лирическія піесы, не заключая въ себѣ особеннаго смысла, хотя и не будучи лишены обыкновеннаго, выражаютъ собою *безконечно-знаменательный смыслъ одною музыкальностью своихъ стиховъ*, какъ напримѣръ эти стихи изъ пѣсни Офеліи.

Онъ во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ
Съ *непокрытымъ*, съ *открытымъ* лицомъ.

«Непокрытый», замѣчаетъ Бѣлинскій, «есть то-же, что открытый; но какое глубокое впечатлѣніе производитъ на душу это повтореніе одного и того-же слова, съ незначительнымъ граматическимъ измѣненіемъ ¹⁾!» Вотъ какимъ образомъ Бѣлинскій вѣрилъ даже въ поэзію звука. «Дѣйствительность,» которую должна воспроизводить поэзія по теоріи, усвоенной нашею критикой подъ перомъ Бѣлинскаго, по-

¹⁾, Сочиненія В. Бѣлинскаго т. 12, изд. 1862 г. стр. 281.

нимаема была въ то время какъ общечеловѣческія и общеміровыя начала, коренящіяся глубоко въ духъ и въ природѣ. Въ этомъ смыслѣ искусство и не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ *воспроизведеніемъ дѣйствительности*; художнику тутъ предоставляется полная *свобода* избирать среду для своей творческой дѣятельности. Но, не далѣе какъ въ 1842 г. Бѣлинскій смотритъ иначе. «Поэтъ,» говоритъ онъ, «уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ; онъ уже *гражданинъ царства современной ему дѣйствительности*; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей, духовной, идеальной (?) жизни; оракула дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; *врача*, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго *общія боли и скорби и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ*.» ¹⁾ Помимо противорѣчія, заключающагося въ томъ, что «поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ,» а «общество хочетъ видѣть въ немъ представителя своей *идеальной жизни*,»—въ этомъ опредѣленіи назначенія поэта можно различить уже тѣ невыгодныя условія, тѣ цѣпи, которыми послѣдующіе критики и особенно г. Добролюбовъ окончательно опутали нашу поэзію, цѣпи—которыя влачить она и теперь, промѣнявъ свою независимость на рабство разнымъ политическимъ и социальнымъ цѣлямъ. Въ этомъ опредѣленіи поэтъ уже прикованъ къ мѣсту, какъ *гражданинъ*, прикованъ къ времени какъ *гражданинъ современной ему дѣйствительности*, ему указана миссія *врача*, съ обязанностью открывать *общія боли и скорби* и *исцѣлять ихъ*. Не вся-ли печальная судьба, постигшая нашу лирику въ послѣднія двадцать лѣтъ, коренилась въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Бѣлинскаго? Наконецъ должно еще замѣтить, что

¹⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго т. 6. стр. 107.

при этомъ возрѣніи понятіе о «дѣйствительности» уже сѣзилось и очерствѣло. Оно утратило прежній космическій и психическій смыслъ и получило значеніе окружающей среды, извѣстнаго момента и извѣстнаго проявленія общественности. Такой переворотъ во взглядѣ Бѣлинскаго на требованія эстетики, переворотъ столь гибельно отразившійся на нашей лирикѣ, объясняется тѣмъ, что Бѣлинскій, переселясь изъ Москвы въ Петербургъ, отшатнулся отъ прежняго умозрительнаго направленія, царствовавшаго въ кружкѣ Станкевича, и увлекся тѣми социалистическими эфемерными утопіями, которыя будучи уже во всемъ разгарѣ и недалеко отъ полнѣйшаго fiasco на Западѣ, проникали къ намъ какъ новость, какъ нѣчто очаровательное, возвышенное, какъ универсальная панацея, долженствующая обновить одряхлѣвшій міръ. Все это, вмѣстѣ съ тѣмъ не могло быть тогда поражаемо путемъ открытой журнальной полемики, подобно тому, какъ это случилось въ наши дни съ «нигилизмомъ.» Не одинъ Бѣлинскій, изъ принадлежавшихъ къ кружку Станкевича, перешелъ подъ знамя новыхъ социальныхъ доктринъ. То-же произошло и съ Герценомъ, съ Огаревымъ, съ Бакунинымъ и съ другими. А между тѣмъ критика дѣлала задуманное дѣло, ратуя на страницахъ журналовъ, пользовавшихся тогда наибольшей популярностью, каковы были «Отечественныя Записки» и «Современникъ.» Въ этихъ изданіяхъ неослабно проповѣдывалась гонка за современностью, полезностью и изображеніемъ социальныхъ недуговъ. Вскорѣ, вслѣдъ за цѣлымъ хламомъ самаго незавиднаго свойства, въ видѣ фельетоновъ, повѣстей и разсказовъ г. Панаева и tutti-quantum, стали являться произведенія писателей талантливыхъ, но видимо ослѣпленныхъ мистификаціей «натуральной школы.» Таковы были, встрѣченные съ восторгомъ романъ г. Достоевскаго: *Бѣдные Люди* и первыя повѣсти г. Григоровича—*Антонъ Горемыка*, *Метель*, *Рыбаки* и другія.

Рецептъ «натуральной школы» выполнялся въ точности: среда выбиралась исключительная, бѣдствующему чиновнику усваивались атрибуты идилліи и ювеналовскія стрѣлы полетѣли въ высшіе слои; простолыдину придана была раздражительность нервовъ, свойственная развѣ только шиллеровскимъ героямъ. Г. Некрасовъ воспѣвалъ извозчика, повѣсившагося на возжахъ, крестьянина, влюбленнаго въ дворянскую дочь; г. Огаревъ опоэтизировалъ *Кабакъ*, — искусство шло къ порабощенію быстрыми шагами, безъ вѣдома большинства публики и многихъ писателей; все, съ легкостью свойственной неразвитости, подчинилось слѣпо авторитету критиковъ—законодателей, которые какъ агенты «натуральной школы» вели искусство къ порабощенію. Такъ-какъ аргументы, въ силу которыхъ требовалось критикой лишить искусство свободы, не могли быть у насъ вполнѣ высказаны, то это восполнила русская пресса за границей. По поводу смерти живописца Иванова г. Огаревъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859 г.) высказалъ ясно тѣ цѣли, въ силу которыхъ проповѣдывалось порабощеніе искусства. «Христіанское искусство,» сказано въ этой статьѣ, «пало, не смотря на провозглашеніе immaculatной концепціи; самое провозглашеніе immaculatной концепціи могло случиться только потому, что *христіанство пало*.... Художникъ не сразу понимаетъ, что дѣло въ томъ, что онъ уже не религіозенъ, потому что его общественная среда не религіозна, ему еще кажется, что онъ вѣритъ; онъ ходитъ въ церковь, онъ промываетъ себѣ глаза святой водою; но онъ натягиваетъ на себя благоговѣніе, глаза его не веселѣе смотреть послѣ святой воды. И въ толпѣ, которая кругомъ его, онъ видитъ что-то затверженное, какое-то бессмысленное повтореніе когда-то живаго слова, или просто лицемѣріе.... «Искусство ради искусства», *помимо общественнаго содержанія*, не въ состояніи вдохновить его; это посторонняя, натянутая идея,

а не внутренняя сила, которая просится наружу. Куда дѣваться? Я усталъ, восклицаетъ художникъ, дайте мнѣ отдыхъ; но такой,—

Чтобъ въ груди дрожали жизни силы.

И этотъ отдыхъ онъ находитъ въ вѣчно-юной природѣ. Пейзажъ становится на первомъ планѣ; историческая живопись мало по малу блѣднѣетъ, выбиваясь изъ силъ; религіозная эпоха не вдохновляетъ, да и никакая историческая эпоха не вдохновляетъ; *художникъ усталъ отъ исторіи, какъ само общество устало отъ исторіи....* Общественная жизнь,» продолжаетъ г. Огаревъ, «разлагается болѣе и болѣе; она впадаетъ въ утомленіе, она неспособна къ живому вѣрованію, ни къ живой радости, ни къ великой трагедіи; она безсильна, она просто-устала.... Искусство пало потому, что общественная жизнь выдохлась....» Не вдаваясь въ полемику, здѣсь только можно предложить вопросъ: почему-же римское искусство процвѣло именно во дни разложенія римскаго общества? Почему величайшіе художники творили подъ покровительствомъ людей, далеко не отличавшихся ни свободолобіемъ, ни строгостью нравовъ, каковы напри- мѣръ папа Левъ X или Медичисы? Отчего, наконецъ, у насъ, Пушкинъ съ его плеядою блисталъ въ такое время, которое, вѣроятно не удовлетворяетъ идеаламъ г. Огарева?... Какъ-бы то ни было, но рѣшено было поработить искусство во имя паденія *христіанства* и *нелѣпости исторіи*. Эти громкіе аргументы однако не приблизились сквозь нашу цензуру; зато предложенные на первый разъ, взаимныя свободы искусства, — матеріализмъ и социализмъ проступали сквозь всѣ поры, встрѣченныхъ публикой съ привѣтомъ критическихъ статей, историческихъ и политико-экономическихъ изслѣдованій и гипотезъ изъ области естествознанія. Крайній реализмъ вошелъ въ честь и полюбился большинству, какъ товаръ, считавшійся контрабандой. Новѣйшіе образцы тѣхъ послѣдствій, которые это имѣло для нашей лирической по-

эзи и вообще искусства можно найти въ сочиненіяхъ Чернышевскаго или у г. Добролюбова, гдѣ поэты наши преимущественно оцѣниваются съ скорбно-гражданской точки зрѣнія, со стороны отрицанія и протеста ¹⁾. «Русское-же Слово,» съ свойственнымъ этому журналу цинизмомъ объявило въ послѣднихъ книжкахъ своихъ за 1864 годъ, что всякій сапожникъ на столько выше Шекспира, на сколько всякая данная величина выше нуля, что пьеса Пушкина «Ночной зефиръ струитъ эфиръ» абсолютно плоха, негодна и гораздо ниже *Поваренной книги* Авдѣевой. «Вполнѣ — прекраснымъ можно назвать только такое произведение,» по словамъ этого журнала, «въ которомъ глубокой, честный и умный взглядъ на предметъ, *имѣющій важность для наиболѣе обширнаго числа людей*, высказанъ въ удобной и красивой формѣ». ²⁾ Въ похвалу г. Некрасову «Русское Слово» приводитъ то, что у г. Некрасова «очень мало стихотвореній, гдѣ героемъ является не народъ; но если такія пьесы и встрѣчаются, то въ такомъ случаѣ это навѣрно не Наполеонъ на скалѣ, не Прометей съ коршуномъ, не Фаустъ съ Мефистофелемъ, не Демонъ съ Тамарой; этими великолѣпными сюжетами», продолжаетъ статья, «дающими такой просторъ поэтическимъ вольностямъ, смѣлымъ порывомъ поэтической *нескладности*, широкимъ размахомъ художественной кисти, нашъ поэтъ пренебрегаетъ. Герои его, кромѣ народа, тѣ труженики и страдальцы, которые работали мыслію или дѣломъ и, хотя непосредственно, но принесли свою лепту». ³⁾ Наконецъ, въ довершеніе эффекта, въ Декабрьской книжкѣ, «Русское Слово» обѣщаетъ доказать въ непро-

¹⁾ Въ такомъ-же духѣ новѣйшія критическія произведенія гг. Антоновича, Писарева, Зайцева и др.

²⁾ «Русское Слово» (№ 10) 1864 г. стр. 80.

³⁾ Тамъ-же стр. 81.

должительномъ времени, что Пушкинъ не только не поэтъ, но «пародія на поэта». Противъ такихъ и подобныхъ этимъ выходовъ въ пользу порабощенія искусства легко устояли лучшіе прозаическіе писатели наши, какъ напримѣръ Тургеневъ, Гончаровъ, графъ Л. Н. Толстой и другіе, не говоря уже о С. Т. Аксаковѣ; но поэзія наша и по преимуществу лирическая, осталась вѣрною «свободному искусству» только въ лицѣ дѣятелей сформировавшихся до полного торжества новой «натуральной школы»; но и эти дѣятели почти всѣ пробовали платить дань «подневольному искусству», и при томъ лучшія произведенія ихъ относятся къ прошлому десятилѣтію. Изъ лириковъ же послѣдняго времени, кромѣ графа А. Толстаго, всѣ почти гонялись за воспроизведеніемъ общественности, за обличеніемъ и врачеваніемъ. Ободряемая въ этомъ направленіи своею такими авторитетами по части критики, каковъ былъ напримѣръ Добролюбовъ, поощряемая воззрѣніями подобными тѣмъ, какія приведены выше изъ «Русскаго Слова»,—лирика наша въ сильной степени обратилась къ рефлексіи, къ куплету, къ эпиграммѣ и наконецъ къ пасквилю. Теперь прежнее свободное творчество поэта, по мнѣнію многихъ, есть уже анахронизмъ, и потому для современной нашей критики и для многихъ поэтовъ—гражданъ не имѣетъ смысла совѣтъ Пушкина:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!....

Не имѣетъ значенія для нихъ и голосъ великаго поэта—художника нашего, поданный имъ въ пользу независимости искусства:

Не для житейскаго волненія,
Не для тревоги, не для битвы,—
Мы рождены для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ не молитвъ....

Не болѣе цѣны для нихъ имѣетъ и авторитетъ Гете, который сказалъ:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt,—

Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.—

Нельзя однако сказать, чтобы никто не поднимал у нас голоса въ защиту искусства отъ порабощенія. Напротивъ, въ 1854 году, г. Дружининъ принялъ на себя обязанности редактора «Библіотеки для Чтенія», съ цѣлью защищать въ этомъ журналѣ высшіе интересы искусства. Должно также упомянуть о нѣсколькихъ превосходныхъ страницахъ въ пользу свободнаго искусства, въ статьѣ о Пушкинѣ г. Каткова, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1857 г. Г. Катковъ объясняетъ ту положительную пользу, которая вытекаетъ изъ невещественной дѣятельности художника. «Вы хотите», говоритъ статья, «чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте-же ему быть художникомъ и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ свою *единственную цѣль* дѣло искусства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ—сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите, что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? Какая польза намъ отъ этого?... Не думаете-ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и загложнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? Мы-же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое пробужденіе народа къ исторической жизни, искусство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая, по видимому, была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и

повседневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ—то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни..... Линія Рафаэля», продолжаетъ статья, *«не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта*, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина». Весьма замѣчательна также, написанная въ защиту свободнаго искусства статья г. Ахшарумова: *О порабощеніи искусства*, напечатанная, какъ уже упомянуто выше, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 7) 1858 г. Авторъ горько жалуется на существовавшее у насъ тогда уже во всей силѣ отвлеченіе искусства отъ его истинныхъ цѣлей и приводитъ нѣсколько весьма дѣльных фактовъ и соображеній въ доказательство необходимости, такъ—сказать, эманципировать искусство. Но все это было напрасно. Модное направленіе брало верхъ. Можно сказать утвердительно, что если-бы это антихудожественное направленіе могло заявить себя въ нашей лирикѣ прежде, то явившись ранѣе, когда здравыя понятія объ искусствѣ еще были въ силѣ, оно или тогда-же не выдержало-бы критики или по крайней мѣрѣ, въ послѣднее десятилѣтіе не имѣло-бы уже прелести новизны, и тогда г. Ахшарумовъ не могъ-бы написать этихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливыхъ уже въ 1858 г. строкъ: *«Перечитывать и разбирать все, что написано было у насъ болѣе или менѣе замѣчательными талантами въ теченіе длиннаго періода застоя и упадка изящной словесности, начинающагося со смерти Лермонтова, было-бы скучно и бесполезно, тѣмъ болѣе, что, съ очень-немногими исключеніями, все это носило на себѣ одну и ту-же печать и скроено было въ томъ же рабскомъ вкусѣ»*.

Одни подражали Лермонтову, другіе—Гоголю, третьи—французскимъ моднымъ писателямъ и въ особенности Жоржъ-Занду,—всѣ безъ малѣйшей попытки создать какой-нибудь самостоятельный взглядъ на вещи, зажмурия глаза, *подчиняясь авторитету модныхъ увлеченій и чужеземныхъ болѣе или менѣе незрѣлыхъ теорій науки, искусства и жизни*.

Изложенная выше, продолжавшаяся болѣе десяти лѣтъ полемика о «натуральной школѣ» и о «свободномъ искусствѣ» произвела, при историческихъ обстоятельствахъ и при реформахъ новаго царствованія, раздѣленіе нашихъ лирическихъ поэтовъ, по ихъ направленію, на три главныя категоріи. Одни изъ нихъ, какъ уже сказано, сформировались до упомянутой полемики и остались вѣрными принципу «свободнаго искусства», хотя пробовали творить и въ новомъ направленіи; другіе (немногіе)—развивали въ началѣ туманныя приемы нѣмецкаго романтизма и отвлеченныя основанія эстетики, распространенныя у насъ подъ вліяніемъ Станкевича, а потомъ усвоили себѣ значительную дозу теорій французскаго социализма. Эта категорія, начавшая свою дѣятельность отрицаніемъ въ сферѣ отвлеченныхъ идей, перешла къ отрицанію въ средѣ политической и общественной жизни и служить *переходомъ* къ лирикамъ третьей категоріи, которые предметомъ своихъ пѣснопѣній преимущественно избираютъ народъ или общественную среду, какъ самую удобную форму для изобличенія, отрицанія и протеста. Къ этимъ послѣднимъ должно приурочить и лириковъ—славянофиловъ, источникъ отрицанія и протеста которыхъ вытекаетъ изъ совершенно иныхъ воззрѣній и относится къ совершенно другимъ историческимъ условіямъ и преданіямъ нашимъ.

Сообразно этимъ тремъ категоріямъ, пользовавшіеся наибольшей извѣстностью въ послѣднія десять лѣтъ лирики наши могутъ быть распределены слѣдующимъ образомъ:

I. Поэты, слѣдовавшіе теоріи свободнаго искусства: Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Щербина, Полонскій, Мей, графъ А. Толстой, князь Вяземскій, Бергъ, Алмазовъ, графиня Ростопчина, Ю. Жадовская, Е. Павлова.

II. Поэты, развивавшіе сперва туманные приемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившіе себѣ теоріи французскаго социализма: Огаревъ, Григорьевъ, Плещеевъ.

III. Поэты, предметы пьскопннй которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы:

1. *Славянофилы:* Хомяковъ, И. Аксаковъ, Е. Аксаковъ ¹⁾.

2. *Отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія:* Розенгеймъ, Бенедиктовъ.

3. *Перелагатели социализма и пауперизма на русскіе нравы:* Некрасовъ, Никитинъ, Курочкинъ, Вс. Крестовскій, В. Костомаровъ, М. Михайловъ.

4. *Нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты:* Новый поэтъ (псевдонимъ г. Папаева), Добролюбовъ, Темный человекъ (псевдонимъ г. Минаева), Обличительный поэтъ (псевдонимъ тоже Минаева), Скорбный поэтъ (псевдонимъ) и прочіе, печатавшіе въ «Искрѣ» и въ «Занозѣ».

Само собою разумѣется, что лирики наши классифицированы здѣсь сообразно коренному направленію ихъ, соответственно главнымъ ихъ произведеніямъ, относительно той среды, которую преимущественно

¹⁾ *Примечаніе:* Здѣсь какъ украинофилъ долженъ быть упомянутъ Т. Шевченко.

эксплуатировало ихъ творчество. Что-же касается до общей дѣятельности, то болѣе или менѣе каждый изъ нихъ испытывалъ себя въ различныхъ направленіяхъ.

I. Поэты, слѣдовавшіе теоріи «свободнаго искусства».

Нельзя здѣсь не замѣтить знаменательный фактъ, что тѣ лирики наши, произведенія которыхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ отличались наибольшими, истинно-поэтическими достоинствами,—принадлежать преимущественно къ этой категоріи. Въ сущности этотъ фактъ весьма естественъ. Слѣдуя теоріи «свободнаго искусства», поэтъ не насилуетъ своего творчества какимъ-либо предвзятымъ направленіемъ. При этомъ талантъ пріобрѣтаетъ много подвижности и, упражняясь въ болѣе разнообразныхъ приѣмахъ, онъ легче зрѣетъ и такъ сказать, становится для поэта болѣе удобнымъ къ примѣненію. Вотъ почему лирики наши, сформировавшіеся въ этомъ направленіи, легко творили и въ тѣхъ родахъ, которые не принадлежатъ собственно къ области чистаго искусства, тогда какъ поэты другихъ направленій рѣдко и съ трудомъ дарили нашу литературу удачными образцами искусства не порабощеннаго. При этомъ весьма важно и то, что въ произведеніяхъ послѣдователей «свободнаго искусства» рѣдко встрѣчается убійственная для лирика рефлексія и, напротивъ, часто является образность—это важное условіе для истинно-поэтическаго произведенія.

Предѣлы настоящаго Обзорѣнія не представляютъ возможности рассмотреть подробно и всесторонне произведенія каждаго изъ означенныхъ выше поэтовъ нашихъ. При томъ-же цѣль настоящаго труда не есть въ сущности эстетическая оцѣнка дѣятельности нашихъ лириковъ, но по возможности въ краткихъ чертахъ указаніе основ-

наго ихъ направленія и значенія, которое могли имѣть они для литературы и жизни.

Собственно говоря, предложенное раздѣленіе нашихъ лирическихъ поэтовъ на категоріи, раздѣленіе, вытекшее само собою изъ условій, объясненныхъ въ изложенной полемикѣ по вопросу о «натуральной школѣ» и объ «искусствѣ ради искусства»,—указываетъ уже на ихъ основное направленіе. По этому здѣсь слѣдуетъ представить только въ главныхъ чертахъ какъ-бы подтвержденіе справедливости всего того, что было сказано выше. Что же касается до вліянія, которое могла имѣть на жизнь нашего общества дѣятельность нашихъ лириковъ—послѣдователей теоріи свободного искусства, то отвѣтъ на это заключается въ приведенномъ въ этомъ «Очеркѣ» мнѣніи г. Каткова о положительной пользѣ для общества, проистекающей отъ невестественной дѣятельности художника. Въ отношеніи-же къ нашей литературѣ, должно замѣтить, что по отдѣлу лирики, не обогатясь послѣ кончины Лермонтова ни однимъ твореніемъ истинно-капитальнымъ, она все-таки обязана, какъ было сказано, преимущественно представителямъ «свободнаго искусства» многими прекрасными произведеніями.

9. ТЮТЧЕВЪ.

Исключая князя Вяземскаго, г. Тютчевъ едва-ли не старѣйшій изъ лирическихъ поэтовъ нашихъ, который, сохраняя связь съ преданіями блестящаго пушкинскаго періода нашей поэзіи, не перестаетъ до послѣдняго времени обогащать нашу литературу прекрасными лирическими пѣсами, которыя производятъ положительно живѣйшее впечатлѣніе. Какъ представитель безотносительнаго, «свободнаго искусства», г. Тютчевъ долженъ быть упомянутъ прежде князя Вяземскаго. Не такъ давно, г. А. Григорьевъ замѣтилъ, что г. Тютчевъ есть «поэтъ,

замкнутый въ своемъ одинокомъ религіозномъ міросозерцаніи». Такое мнѣніе въ сущности неполно и невѣрно, такъ какъ въ стихотвореніяхъ г. Тютчева выражается не исключительно-религіозное міросозерцаніе и притомъ въ немъ замкнутого и одинокаго нѣтъ ничего; его же пафосъ и возрѣнія, выражаемыя его произведеніями, не только вполне понятны, но даже близки и такъ-сказать,—родственны большей части нравственно и умственно развитыхъ людей нашего времени. Правильнѣе было бы замѣтить, что характеръ стихотвореній Тютчева есть созерцательный и что прекрасныя стороны природы, равно какъ феномены жизни и духа суть собственно *materialis*, которымъ онъ пользуется для поэтическаго выраженія тѣхъ безотносительныхъ идей и ощущеній, которыя, найдя опредѣленіе въ немъ самомъ, не имѣютъ ничего замкнутого и изолированнаго для современнаго человѣка. Нельзя незамѣтить, что въ этомъ вѣроятно причина того, что стихи г. Тютчева равно встрѣчали себѣ похвалу въ столь противоположныхъ органахъ, какъ «Современникъ» и «День». Для примѣра можно указать слѣдующую пьесу изъ послѣдняго собранія стихотвореній г. Тютчева, которое издано Редакціею журнала «Современникъ» въ 1854 г.

Потокъ сгустился и тускнѣетъ,
И прячется подъ твердымъ льдомъ,
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмнѣетъ
Въ оцѣпнѣнныя ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всеильный хладъ не можетъ:
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожитъ.

Такъ и въ груди осиротѣлой,
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рязвямъ струя.

Но подо льдястою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ,
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шопотъ.

Мирозерцаніе, выражаемое въ стихахъ г. Тютчева, нерѣдко бываетъ и пантеистическаго свойства. При этомъ должно еще замѣтить ту характеристическую черту поэзіи г. Тютчева, что, какъ истинный представитель «свободнаго искусства», онъ и въ тѣхъ пьесахъ, которыя написаны по поводу воззрѣній или факта, заявившаго себя въ извѣстный моментъ,—выражаетъ мысль или ощущеніе, которыя не относятся строго къ этому житейскому моменту, но, обобщая его смыслъ, составляютъ въ сущности художественное отвлеченіе. Это-то вѣроятно принято было за изолированіе и замкнутость г. Григорьевымъ, который самъ сильно находился подъ вліяніемъ направленія, проповѣдывавшаго гонку въ искусствѣ за современностью. Въ доказательство справедливости сказаннаго, можно упомянуть стихотвореніе Тютчева: *Разсвѣтъ*, изъ котораго также видно и то, что не будучи въ тѣсномъ смыслѣ слова славянофиломъ, онъ однако раздѣляетъ нѣкоторыя надежды панславизма:

Не въ первый разъ кричатъ пѣтухъ,—
Кричатъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя Босфора заалѣла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ востокъ заря румянитъ,
Ночь безконечная прошла
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же Русь! ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!

Ужъ не пора-ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградъ?

Раздайся благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветь и будить онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполнишь державный! . . .
О Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Стихотвореніе это написано въ 1850 г., такъ - сказать, наканунѣ последней войны, исходъ которой оказался конечно не тотъ, какого можно было ожидать по духу этихъ стиховъ, но между, тѣмъ, основной смыслъ этой пьесы не утратилъ своего значенія, и она совершенно свѣжа теперь, спустя 15 лѣтъ, тогда какъ столько стиховъ, навѣянныхъ другимъ поэтамъ тою-же крымской кампаніей, теперь уже—анахронизмъ, хотя-бы на примѣръ, извѣстное стихотвореніе, ходившее въ рукописи и потомъ напечатанное въ Лондонѣ, въ *Голосахъ изъ Россіи*:

Меня поставилъ Богъ надъ русскою страной
Сказалъ намъ русскій Царь и проч. . .

Но одно изъ самыхъ характеристическихъ стихотвореній Тютчева, отличающееся указанными свойствами пьесъ, написанныхъ имъ по поводу факта изъ общественной жизни, есть слѣдующее стихотвореніе, помѣщенное въ «Русской Бесѣдѣ» въ 1858 году, когда дѣло упраздненія крестьянской зависимости было самымъ свѣжимъ и самымъ крупнымъ предметомъ всеобщаго вниманія. Манера г. Тютчева, его достоинства и недостатки обнаружили въ этой пьесѣ очень рельефно:

Эти бѣдныя селенья,
Эта грустная природа,

Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!—

Не поймешь и не замѣтишь
Гордый взглядъ иноплеменный,
Что сивозить и тайно свѣтить
Въ нищету твоей смиренной.....

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, моя родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя.....

Общее впечатлѣніе, воспроизведенное этимъ стихотвореніемъ, вѣрно, свѣжо и ни къ какому моменту строго не приковывается; созерцательность теплая и тонкая; въ послѣдней строфѣ—пантеизмъ и туманность внѣшней формы, но ясность ощущенія,— качество, не составляющее исключенія въ стихахъ г. Тютчева. Хотя чувствуешь, но не сразу поймешь, что въ страдающемъ народѣ поэтъ видитъ олицетвореніе Бога, удрученнаго «ношей крестной» и всеблагословляющаго... Характеристично также напечатанное въ нынѣшнемъ году, въ газетѣ «День», стихотвореніе г. Тютчева, внушенное извѣстной папской энцикликой.....

А. ФЕТЪ.

За г. Тютчевымъ, какъ представитель теоріи «свободнаго искусства» въ нашей лирикѣ послѣдняго десятилѣтія, долженъ быть названъ г. Фетъ, у котораго, такъ-же какъ и у г. Тютчева, преобладаетъ та тонкость и, такъ-сказать, музыкальная деликатность ощущеній, которая доступна только высоко-развитымъ натурамъ. Но между этими поэтами есть существенное различіе. Въ то время, какъ для г. Тютчева внѣшняя природа, равно какъ феномены жизни и

духа, суть только *материалъ*, въ который онъ воплощаетъ мысль, или ощущение, *нашедшее въ немъ самомъ* свое опредѣленіе,—въ г. Фетѣ именно эта самая природа, эти феномены жизни и духа встрѣчаютъ *собственно себя самимъ* истолкователя до самыхъ тонкихъ и нѣжныхъ своихъ отправленияхъ и подъ его перомъ *перестаютъ быть матеріаломъ* для вмѣщенія въ себя поэтического содержанія, но напротивъ *сами становятся содержаніемъ*, перестаютъ быть средствомъ, но становятся цѣлью для поэта.... г. Тютчевъ часто глубоко понимаетъ, то что онъ, быть можетъ, и не такъ ясно чувствуетъ, а г. Фетъ напротивъ часто глубоко чувствуетъ (въ смыслѣ,—чуветь) то, что онъ не ясно понимаетъ. Отъ этого у г. Фета, еще чаще чѣмъ у г. Тютчева, встрѣчается вѣрная передача ощущенія при сильной неясности стиха. Можно положительно замѣтить, что г. Фетъ нерѣдко пользуется словомъ для того только, чтобы одними звуками его живописать тотъ смыслъ, то ощущение, котораго это-же слово, отдѣльно взятое, вполне выразить рѣшительно не можетъ. Такова, на-примѣръ, извѣстная пьеса, въ которой нѣтъ ни одного глагола и въ которой дѣйствительно гораздо болѣе сказано, чѣмъ говорить ея слова:

Шопотъ, робкое дыханье,
Треби соловья,
Серебро и колыханье,
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розм,
Отблескъ янтара,
И лобзанія и слезы—
И заря, заря!.....

По коренному свойству таланта своего, г. Фетъ способенъ передавать преимущественно мелодію явленій и ощущеній; дѣйствительно, большая часть его произведеній суть собственно мелодіи, и въ послѣднемъ изданіи стихотвореній Фета, вышедшемъ въ 1863 году, эти мелодіи группированы такъ, что нѣсколькимъ изъ нихъ, написаннымъ въ разное время и имѣющимъ между собою общаго только явленіе изъ жизни природы или духа, придано одно для всѣхъ заглавіе, какъ напримѣръ: *Вечера и ночи, Сны, Море* (8 пѣсь), *Весна* (11 пѣсь) и проч..... Помимо серіознаго эстетическаго значенія, направленіе таланта г. Фета конечно приносить и ту пользу, что передачей тонкихъ и музыкальных ощущеній онъ содѣйствуетъ много къ гибкости и звучности нашего языка. Замѣчательна еще та черта въ талантѣ г. Фета, что даже и въ антологическихъ своихъ твореніяхъ онъ не въ состояніи такъ рельефно передать пластику (это важное условіе антологіи), сколько внутреннее впечатлѣніе, производимое предметомъ описанія. Такова его пѣса *Венера Милосская*:

И цѣломудренно и смѣло,
До чреслъ сіяя наготой,
Цвѣтетъ божественное тѣло
Неувядающей красой.

Подъ этой снѣжно прихотливой
Слегка приподнятыхъ волосъ,
Какъ много нѣги горделивой
Въ небесномъ лицѣ разлилось.

Такъ вся дыша пафосской страстью,
Вся мѣня пѣною морской
И всепобѣдной вѣи властью,
Ты смотришь въ вѣчность предъ собой.

Стихи г. Фета стали являться въ печати съ начала сороковых годовъ, сперва въ «Москвитянинѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», потомъ въ «Современникѣ» и въ другихъ журналахъ, а съ 1857 г. преимущественно въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ того же времени, какъ «Современникъ» принялъ направленіе положительно враждебное «свободному искусству», стихотвореній г. Фета въ немъ не являлось, какъ поэта, который не написалъ ни одной пьесы по поводу какого-либо политическаго, гражданскаго, или общественнаго вопроса. Въ заключеніе должно упомянуть, что г. Фетъ замѣчателенъ и какъ переводчикъ; онъ перевелъ, между прочимъ, всего Горация.

А. МАЙКОВЪ.

Но если въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Фета мелодія слишкомъ растворяетъ элементъ пластики, то, послѣ Пушкина, русская антологія имѣетъ лучшаго и въ высшей степени талантливаго представителя въ г. Майковѣ. Первое, появившееся въ печати стихотвореніе г. Майкова, была извѣстная антологическая пьеса: *Сонъ*, помещенная въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 г. Затѣмъ, въ 1841 г. вышло отдѣльно собраніе его стихотвореній. Бѣлинскій обратилъ серьезное вниманіе на это явленіе и тогда уже весьма вѣрно раздѣлилъ стихотворенія Майкова, по направленію ихъ, на двѣ категоріи. «Они (стихотворенія) раздѣляются», замѣчаетъ Бѣлинскій, «на два разряда, не имѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы г. Майкова. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его». Такова, на-примѣръ пьеса:

ИСКУССТВО.

Срѣзалъ себя я тростникъ у побережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.

Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ) Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверзтій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зезирь, зарябивъ его воды
Трости коснется и звукомъ наполнить поморье.

Второй разрядъ составляютъ тѣ стихотворенія Майкова, въ которыхъ онъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Этимъ двумъ категоріямъ остался вѣренъ талантъ г. Майкова, по направленію своему, до настоящаго времени, съ тѣмъ утѣшительнымъ различіемъ, что и въ стихотвореніяхъ второго разряда онъ значительно усовершенствовался, хотя нельзя не согласиться, что и тутъ лучшія мѣста именно тѣ, которые относятся болѣе къ антологическому роду. Въ доказательство, можно привести извѣстное его стихотвореніе: *Нива*, написанное имъ вначалѣ нынѣшняго царствованія въ 1856 г. когда все у насъ увлеклось свѣтлыми надеждами, по случаю такъ могущественно повѣявшаго духа преобразованій. Вообще должно замѣтить, что еще въ минувшее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ тогда вреднаго для поэзіи направленія, которое проповѣдывала тогда наша критика, г. Майковъ пробовалъ свои силы и писалъ стихами длинные рассказы изъ современной жизни, какъ на-примѣръ *Маша* и *День судьбы*, но эти піесы неудачны. Рефлексія и крайній раціонализмъ доказали въ этихъ опытахъ г. Майкова несовмѣстность свою съ истиннымъ поэтическимъ творчествомъ. Впрочемъ, кажется, что и по самому свойству таланта г. Майкова, длинные стихотворенія ему не даются. Лучшія изъ нихъ *Рыбная Ловля* и *Три Смерти* (первое изъ жизни природы, второе — изъ древняго міра), напечатанныя въ изданіи 1858 г. Окончаніе второго

стихотворенія явилось во 2-мъ номерѣ «Русскаго Вѣстника» за 1863 г. подъ заглавіемъ: *Смерть Луція*. Но не смотря на нѣкоторыя прекрасныя мѣста, эта часть поэмы, по растянутости, а иногда и по резонерству, гораздо слабѣ первой части, извѣстной, какъ сказано, подъ заглавіемъ: *Три Смерти*. Наконецъ въ 1864 г., въ видѣ приложенія къ «Русскому Вѣстнику», явились *Новыя стихотворенія г. Майкова*. Здѣсь собрано все, что написано поэтомъ лучшаго послѣ его изданія 1858 г.¹ Вошедшія въ это собраніе новыя антологическія и другаго характера піесы представляютъ, какъ и прежнія, много прекраснаго по формѣ и по содержанію; но тутъ-же, подъ особымъ заглавіемъ: *Дѣма*, помещено нѣсколько стихотвореній, вызванныхъ политическими и социальными явленіями русской жизни въ послѣднія десять лѣтъ. Эти піесы, въ особенности: *Старое и Новое* (изъ поэмы *Поля*) и посланіе къ *Другу Ильи Ильичу* получили всеобщую, громкую извѣстность, какъ затронувшія живо интересъ минуты; но за исключеніемъ нѣсколькихъ истинно-поэтическихъ стиховъ въ первой піесѣ, обѣ онѣ далеко не лучшія изъ стихотвореній Майкова; извѣстностью своей онѣ обязаны не столько поэтическому ихъ достоинству, сколько дѣлу уничтоженія у насъ крѣпостной зависимости, которому посвящена первая піеса, и осужденію ложнаго либерализма въ средѣ нашей бюрократіи, — что составляетъ предметъ содержанія второй піесы. Далѣе, должно упомянуть еще піесу *Западная Русь*, которая порицаетъ блескъ католицизма и превозноситъ бѣдность православія въ Западныхъ губерніяхъ. При всемъ своемъ патріотизмѣ, это стихотвореніе доказываетъ неудобство подчиненія искусства внѣшнимъ цѣлямъ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что нѣсколько патріотическихъ піесъ навлекли на г. Майкова немилость нѣкоторыхъ критиковъ нашихъ изъ такъ-называемаго «крайне-прогрессивнаго» лагеря. Его провозгласили поэтомъ *безъ*

направленія. Но эти господа забыли, что истинный лирикъ—человѣкъ впечатлѣнія, что онъ не гоняется за *направленіемъ* и берстъ содержаніемъ своихъ произведеній все, что только вызываетъ въ немъ творческую дѣятельность, къ какому-бы направленію само явленіе ни относилось. Они забываютъ, что тотъ-же г. Майковъ воспѣлъ въ 1860 г. осужденнаго Правительствомъ изгнанника, въ слѣдующей пьесѣ, далеко неудовлетворяющей требованіямъ искусства, но которая произвела свое эфемерное впечатлѣніе, какъ дань современности:

На бѣлой отмели каспійскаго поморья,
Работой каторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ. Ни кустика, ни взгорья.
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье...
Вотъ въ душу узника слетѣло вдохновенье...
Задвигались уста, воспламенился взоръ.
Онъ руки къ родицѣ, какъ къ матери, простеръ
Онъ очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужъ видятъ: быть грѣху—
И взводятъ ужъ курки, оставили ужъ ногу,
Готовясь въ крѣпости тотчасъ поднять тревогу,
Готовясь выстрѣлить по первому стиху....

Эта пѣса есть одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ гибельно дѣйствуетъ на лирику гонка, вочто-бы то ни стало, за современностью и за тѣмъ моднымъ эффектомъ, которому готова въ извѣстный моментъ поклоняться масса, но выше котораго обязанъ быть истинный художникъ. Солдаты стрѣляютъ по стихамъ, которые даже не пишетъ, но только думаетъ произнести одинокій поэтъ-преступникъ, и готовы изъ за этого поднять тревогу въ крѣпости!.... Сколько тутъ обидной лжи, способной низвести искусство на степень смѣшного. Къ сожалѣнію, эта маленькая пѣса есть не единственный образецъ совращенія нашей лирики въ послѣднее десятилѣтіе.

И. ЩЕРБИНА.

Изъ современныхъ лириковъ обогатившихъ нашу антологию, кромѣ г. Фета и Майкова, замѣчательнъ также г. Щербина. Но, какъ сказано выше, г. Фетъ проводить въ антологию въ значительной степени элементъ мелодіи, у г. Майкова преобладаетъ пластина и міросозерцаніе его по большой части объективно; что-же касается до г. Щербины, то, внося въ свои антологическія пьесы элементъ рельефной пластики не менѣе г. Майкова, онъ существенно отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что онъ почти вездѣ субъективенъ. Г. Майковъ передаетъ явленіе или ощущеніе такъ, какъ они сами по себѣ существуютъ, возбуждая его творческую дѣятельность; а г. Щербина изображаетъ ихъ сквозь призму личнаго своего впечатлѣнія. Самъ г. Щербина, по видимому, сознаетъ это, предпосылая отдѣлу своихъ антологическихъ стихотвореній два эпитафия: первый изъ нихъ гласитъ: *Donc il fallait, pour que l'humanité arrivât à la complète harmonie de ses fonctions, que la chair et la matière fussent réhabilitées* Другой эпитафія изъ Шенье:

Sur des penses nouveaux faisons des vers antiques.

И дѣйствительно, художественно передавая въ своихъ антологическихъ пьесахъ красоту внѣшнихъ формъ природы и человѣка, г. Щербина одушевляетъ эти формы тѣмъ міросозерцаніемъ и тѣми идеями, которыя составляютъ во многихъ отношеніяхъ достояніе нашего времени и которыя выражены гораздо яснѣе, хотя менѣе художественно, въ томъ отдѣлѣ стихотвореній г. Щербины, который не относится къ области антологіи, въ его *Пьсахъ о природѣ* и еще болѣе въ *Ямбахъ и Элегіяхъ*. Обращая вниманіе на преслѣдуемыя г. Щербиной цѣли, должно замѣтить во первыхъ, что въ антологи-

ческих его пьесах пластика значительно проникнута элементом чувственности. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ повѣствуетъ, какъ:

Ярко на пирѣ веселомъ горѣли лампы,
Прелести женъ полногрудныхъ онъ освѣщали:
Юношамъ много завѣтной и тайной отрады
Въ тмѣ вожденной безсонныхъ ночей общали и проч.

Въ другой пьесѣ—*Въики* онъ описываетъ, что

... По складнамъ полога пробрался лучъ денницы,
Играя и скользя по груди молодой,
То золотомъ лился на длинныя рѣсницы,
То тѣнью упалъ подъ выпуклой красой...

Афродита встрѣчаетъ себя обильную дань въ произведеніяхъ г. Щербины. Описывая, на-примѣръ, прелести деревни, поэтъ говорить:

...Ночью я весь отдаюсь Афродитѣ-богинѣ:
Полною чашей восторги любви испиваю во мракѣ,
Тонуть уста мои въ жаркихъ устахъ Левконой,
Руки по мрамору тѣла скользятъ, красоты ощущая
Гибкаго стана и груди упругой и полной...

Въ такой манерѣ написаны многія антологическія стихотворенія Щербины. Но здѣсь должно замѣтить, что этотъ отдѣлъ, изданный особо въ 1850 году, (подъ заглавіемъ: *Греческія стихотворенія*, составляющій въ художественномъ отношеніи лучшее, что написалъ г. Щербина), принадлежитъ къ первому, къ юпошескому періоду поэтической его дѣятельности, и заключаетъ въ себя также нѣсколько превосходныхъ, совершенно чуждыхъ чувственности пьесъ, каковы на-примѣръ: *Дѣтская игра*, *Древняя колонна*, *Софокловой Антигонъ*, *Эллада*, *Южная ночь* и другія. Второе свойство, которое, кромѣ чувственности, проглядываетъ уже въ этомъ отдѣлѣ стихотвореній г. Щербины, есть признаніе отраднaго значенія только за

настоящимъ моментомъ и мрачный взглядъ на прошедшее и будущее.
Такъ на-примѣръ, *Плачущей у гробницы* онъ говоритъ:

...Поспѣшай-же творить возліянья:—
Слышишь, въ городѣ хоры поютъ,
И поютъ, что мгновенно страданье,
Что отъ слезъ тебя пѣсни зовутъ.

Въ *Письмѣ у Тенара* поэтъ утверждаетъ, что онъ не боялся-
бы смерти, еслибъ зналъ:

... Что со мною въ подземныя сѣни
Всѣ земныя желанья сойдутъ,
Что земной оболочкой прекрасной
Тамъ очертаны прелести женъ,
Что тамъ юность горитъ неугасно
И лучъ жизни навѣки зажженъ.

Наконецъ, въ пьесѣ: *Мимъ* прелестная картина природы закан-
чивается стихомъ:

Горе не жившимъ, и горе отжившимъ.

Не удивительно, что такіе два принципа, какъ чувственность и
вѣра только въ настоящее, привели къ тому, что въ послѣдующихъ
стихотвореніяхъ г. Щербины (не антологическаго характера), вышед-
шихъ вмѣстѣ съ предъидущими новымъ изданіемъ въ 1857 г.,—
господствуютъ жалобы на бренность всего существующаго, пантеизмъ,
отрицаніе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ покоятся теперь
общественныя и семейныя отношенія человѣка и желаніе иного по-
рядка въ будущемъ. Такимъ направленіемъ отличаются пѣсы: *Голоса
ночи*, *Жизнь*, начинающаяся стихами:

Вѣрю, я безсмертенъ!
Въ атомахъ вселенной

Я ужъ зараждался
Съ вѣчной жизнью Бога;
Въ Божьей мысли жилъ я...
Жизненная влага
И пылники персти
Первыхъ дней созданья
Слиты въ этомъ тѣлѣ и проч.

Какъ примѣръ отрицанія вообще и недовольства тѣмъ значеніемъ, которое имѣеть въ настоящее время женщина въ обществѣ и въ семьѣ, можетъ быть указано превосходное, полное чувства стихотвореніе г. Щербины:

Не внималъ ты сужденьямъ свѣта
Затѣмъ, что выше ты его... и проч.

Такова же не по достоинству, но по направленію и другая піеса:
Послѣ бала, гдѣ поэтъ говорить:

Самъ придумавъ для жизни оковы,
Человѣкъ себя спуталъ, связалъ,
И всѣ ложныя жизни основы
Укрѣплялъ, сохранялъ, подтверждалъ;
Простоту ея спрятавъ глубоко,
Все живое обрядомъ убивъ,
Онъ въ семействахъ людей одинокій,
И любви прирожденный порывъ,
И природы могучей возванья
Заглушаетъ въ угоду преданьямъ....

Замѣчательно, что еще въ сороковыхъ годахъ, гораздо прежде отрицательнаго и обличительнаго направленія, вошедшаго у насъ въ моду, какъ извѣстно, въ началѣ истекшаго десятилѣтія, г. Щербина уже проводилъ въ стихахъ своихъ эти направленія; но какъ онъ теорію отрицанія и обличенія не примѣнялъ къ фактамъ, къ мѣсту и къ времени, то его стихи не произвели тогда такого громкаго впечатлѣнія, какъ въ послѣдствіи времени произведенія нашихъ отрицателей и обличителей, или какъ нѣкоторыя піесы Некрасова, Огарева

и другихъ, современныя стихотворенія г. Щербины. А между тѣмъ, еще въ 1848 г., г. Щербина въ стихотвореніи: *Поколюнню*, уподоблялъ молодое поколѣніе распятому Христу..... Вообще, тѣми произведеніями своими, въ которыхъ, отступая отъ «античныхъ формъ», г. Щербина обращается исключительно къ «новымъ идеямъ»,—онъ соприкасается къ нынѣшнему, враждебному «свободѣ искусства» направлению нашей лирики и замѣчательно, что въ этихъ самыхъ произведеніяхъ рефлексія вредить таланту поэта. Впрочемъ, и самъ г. Щербина отрекся отъ этого моднаго, отрицательнаго и обличительнаго направленія, какъ видно изъ многихъ, написанныхъ имъ въ въ позднѣйшее время эпиграммъ, которыя обращаются въ рукописи, и изъ послѣднихъ его стихотвореній, которыя печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

А. ПОЛОНСКІЙ.

Первое собраніе стихотвореній г. Полонскаго, подъ скромнымъ названіемъ *Гаммы*, явилось въ 1843 г. и произвело выгодное для поэта впечатлѣніе. Бѣлинскій, тогдашній авторитетъ по части нашей критики, отозвался, что «г. Полонскій обладаетъ въ нѣкоторой степени тѣмъ, что можно назвать *чистымъ элементомъ поэзіи и безъ чего никакія умныя и глубокія мысли, никакая ученость не сдѣлаютъ человека поэтомъ*». За тѣмъ, когда въ 1845 году вышла новая книга его стихотвореній, то Бѣлинскій отнесся къ нимъ уже менѣе благосклонно, замѣчая, что г. Полонскому «рѣшительно не о чемъ писать, то-есть, нечего вкладывать въ свой гладкій, а иногда и дѣйствительно—поэтическій стихъ». Талантъ г. Полонскаго, по словамъ Бѣлинскаго, «ни съ чѣмъ не связанный, чисто внѣшній талантъ». Словомъ, Бѣлинскій осудилъ поэта за то, что не нашелъ въ немъ того, исکانіе чего входило тогда въ моду,—не нашелъ *направленія*; свободное же искусство уже влилось тогда къ пора-

боженію. Должно замѣтить, что по глубинѣ творчества и по художественности выполненія въ *Гаммахъ* заключается все лучшее, что написалъ г. Полонскій. Такія піесы, какъ *Статуя*, *О подыми свое чело*, *Вечеръ*, а особенно превосходный отрывокъ изъ поэмы *Маюметъ*,—такія стихотворенія долго не утратятъ своей свѣжести. Изъ послѣдующихъ стихотвореній г. Полонскаго, собраніе которыхъ вышло въ 1855 году, можно привести въ образецъ, слѣдующую небольшую піесу, изъ которой можно видѣть его граціозную манеру, его теплый фантастическій колоритъ:

Пришли и стали тѣни ночи—
На стражѣ у моихъ дверей!
Смѣлый глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокой мракъ ея очей;
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ вѣжливый,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.....
Помедли ночь! Густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаются, назадъ.
Ея потупленные очи
Уже глядятъ и неглядятъ;
Въ моихъ рукахъ руна застыла
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла.....
О солнце! солнце! Погоди!

Въ такомъ-же стилѣ піесы *Дубокъ*, *Въ глуши* и нѣсколько другихъ. Внѣшняя сторона таланта г. Полонскаго весьма удачно охарактеризована г. Добролюбовымъ; но внутренній смыслъ произведеній этого поэта опредѣленъ имъ совершенно ошибочно. «Задумчивость

очень унылая», замѣчаетъ г. Добролюбовъ, «но не совершенно безотрадная, и томно-фантастическій колоритъ составляютъ отличительные признаки поэзіи г. Полонскаго..... Въ застѣнчивомъ стихѣ его отражается необычайно-чуткая воспримчивость поэта къ жизни природы и внутреннее сліяніе явленій дѣйствительности съ образами его фантазіи и съ порывами его сердца. Онъ во всемъ видитъ какой-то особенный, таинственный смыслъ; міръ населенъ для него какими-то чудными видѣніями, увлекающими его далеко за предѣлы дѣйствительности.... Поэтъ радъ - бы жить дѣйствительностью; но она для него такъ безотрадна, скучна и бессмысленна, что онъ невольно стремится отъ нея подальше» ¹⁾. Но тутъ произошло странное обстоятельство, довольно вѣрно, впрочемъ, характеризующее, приемы нашей критики въ новѣйшій періодъ исторіи русской литературы. Бѣлинскій, такъ-называемый «передовой» дѣятель своей эпохи, сперва оцѣнилъ, какъ мы видѣли, въ Полонскомъ *чистый элементъ поэзіи*, но вскорѣ потомъ поставилъ ему въ недостатокъ *отсутствіе направленія* потому, что въ то время критика стремилась внести въ нашу литературу «сочувствіе къ современной дѣйствительности». Нѣсколько же лѣтъ спустя, другой тоже «передовой» дѣятель своей эпохи г. Добролюбовъ, ставившій въ непремѣнный законъ всякому сколько-нибудь замѣчательному таланту выражать современную ему дѣйствительность и, если можно, по преимуществу заявлять протестъ и отрицаніе,—г. Добролюбовъ поставилъ въ похвалу и въ заслугу г. Полонскаго это самое *отсутствіе направленія* въ его произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій, дѣлая отзывъ о Полонскомъ, вѣрилъ въ возможность достиженія постороннихъ, внѣшнихъ цѣлей посредствомъ извѣстнаго *направленія* въ литературѣ; а г. До-

¹⁾ Сочиненія Добролюбова Т. III стр. 139 и 143.

Добролюбовъ, напротивъ, въ 1859 г., когда писалъ свой отзывъ о г. Полонскомъ, былъ озлобленъ и постоянно съ насмѣшкой заявлялъ невѣріе свое въ искренность и въ существенную пользу того преобразовательнаго направленія (предоставлявшаго просторъ частной инициативѣ), которымъ ознаменовалось начало истекшаго десятилѣтія. Вотъ почему столь непріятное Бѣлинскому *отсутствіе направленія* въ г. Полонскомъ, г. Добролюбовъ не задумался признать достоинствомъ, видя въ этомъ съ своей точки зрѣнія, (весьма произвольной) нѣмой протестъ. «Поэтъ», утверждаетъ, онъ «недовольный окружающей дѣйствительностью, выразилъ свой протестъ противъ нея совершенно особеннымъ образомъ. Онъ нашелъ свою особенную дѣйствительность, населилъ ее своими особыми существами, придалъ имъ мысль и страсти, заставилъ ихъ волноваться, радоваться и страдать по человѣчески. . . . И въ этомъ фантастическомъ мірѣ находитъ онъ успокоеніе и отраду отъ житейской пошлости, *униженія* и обмана» ¹⁾. Вотъ какъ критика преслѣдуетъ въ искусствѣ постороннія цѣли! А между тѣмъ, и Бѣлинскій и Добролюбовъ были неправы: талантъ г. Полонскаго просто остановился въ развитіи своемъ и не достигъ той степени художественности и глубины, которыя могли-бы ему дать болѣе замѣтное значеніе. За моднымъ-же отрицательнымъ и обличительнымъ направленіемъ, которое могло-бы завлечь эффектомъ близорукую массу, онъ по своей добросовѣстности, не гнался, и въ собраніи его стихотвореній, вышедшемъ въ 1859 году, одна только пьеса въ этомъ направленіи, какъ видно впрочемъ, искренняя:

Поэтъ, въ минуты вдохновенія,
Будь отъ пристрастія далекъ,

¹⁾ Сочиненіе Добролюбова, Т. III стр. 149.

Яви насмѣшкою порокъ:
Насмѣшка громче наставленья,—
Когда ее на кару зла
Святая правда родила! и проч.

Въ 1856 году, когда всеобщія надежды устремились къ реформамъ новаго царствованія, г. Полонскій написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: *На корабль*, полное свѣтлыхъ ожиданій и законченное восторженнымъ стихомъ:

Господь благослови грядущій день!

Разумѣется, эта піеса признана г. Добролюбовымъ неудовлетворительной и сухой.... Въ заключеніе, должно замѣтить, что явившаяся въ 1859 г. шутка въ видѣ поэмы г. Полонскаго, подъ заглавіемъ: *Кузничекъ-музыкантъ* очень граціозна и мила; романъ же его *Свѣжее преданіе*, печатавшійся въ 1861 г. въ журналѣ «Время» неудаченъ по растянутости, рефлексіи и блѣдности своей.

Изъ предъидущаго видно, что гг. *Тютчевъ*, *Фетъ*, *Майковъ*, *Щербина* и *Полонскій*, пользуясь въ нашей новѣйшей литературѣ существеннымъ значеніемъ какъ талантливые дѣятели въ сферѣ свободного искусства, суть въ то-же время такіе поэты, таланты которыхъ не имѣютъ въ себѣ ничего собственно русскаго. Внѣшній колоритъ и внутреннее содержаніе большей части произведеній ихъ до такой степени принадлежать къ области непосредственнаго художества, что будучи переведены на иностранный языкъ, эти произведенія ничего бы не утратили. Но въ средѣ новѣйшихъ лириковъ нашихъ есть и такіе, которые, служа цѣлямъ свободного искусства, не подчиняясь явленіямъ повседневной жизни, имѣютъ въ воззрѣніяхъ и во внѣшнихъ приемахъ своихъ много національнаго и неудобопереводимаго. Изъ такихъ поэтовъ долженъ быть прежде всего названъ г. *А. Мей*, поэтъ неоцѣненный по достоинству современной критикой нашей.

А. М. Е. Й.

Не говоря уже о драмах г. Мея — *Царская Невеста* и въ особенности — *Псковитянка*, должно замѣтить, что изъ числа лучшихъ лирическихъ произведеній г. Мея есть такія, которыя могутъ быть названы достойной разработкой направленія, основаннаго у насъ Лермонтовымъ въ его извѣстной «Пѣснѣ про Царя Ивана Васильевича.» Къ этой категоріи должно отнести *Пѣсню про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую* и стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Спаситель*, изображающее чудесное спасеніе царя Алексѣя Михайловича въ единоборствѣ его съ медвѣдемъ, на охотѣ. Обѣ эти пѣсы напечатаны въ вышедшемъ въ 1861 г. собраніи сочиненій г. Мея, въ отдѣлѣ «Былинъ и Пѣсенъ». По прелести русскаго тоническаго стиха и по свѣжести національнаго колорита эти произведенія г. Мея должны занять почетное мѣсто въ современной лирикѣ нашей; къ этому роду принадлежитъ также *Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата* и переводъ *Слова о полку Игоря*. Другія стихотворенія г. Мея, а именно—его русскія пѣсни, имѣя свой собственный оригинальный складъ, примыкаютъ къ характеру произведеній Кольцова. Такова напримѣръ его

ЗАПѢВКА:

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою—невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещенная—омытая!
Охъ пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама—собой ты спѣлася—сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ—дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарницъ дымомъ—копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ мятелицей.

Много писалъ г. Мей и въ другихъ родахъ лирики, въ особенности-же замѣчательны его переложенія изъ Библии и подражанія Еврейской поэзіи. Между стихотвореніями въ этомъ, послѣднемъ родѣ, замѣчательно, начинающееся стихомъ:

Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность г. Мея, еслибы преждевременная смерть не похитила его у нашей литературы, быть можетъ утвердила-бы, несуществующую нынѣ связь между лирикой послѣдняго времени и тѣмъ періодомъ ея, который заключился Лермонтовымъ и Кольцовымъ. Современная критика не оцѣнила, однако по достоинству г. Мея и причинъ этому—двѣ. Первая, не столь важная въ глазахъ новѣйшей критики нашей,—причина эстетическая, заключается въ томъ, что весьма многія стихотворенія Мея не получили надлежащей обработки: многія изъ нихъ слишкомъ растянуты, въ другихъ—много небрежности. Вторая-же, главная причина равнодушія нашей критики къ Мею та, что онъ, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ требованіямъ чистаго искусства, не преслѣдовалъ современныхъ ему общественныхъ и политическихъ цѣлей; онъ служилъ прекрасному, неограничивая искусство тѣснымъ горизонтомъ той дѣйствительности, которая его окружала. По этому и произведенія Мея не предлагаютъ ничего такого, что-бы могло быть употреблено какъ слѣпое орудіе какой либо пропаганды.

ГР. А. ТОЛСТОЙ.

Другой изъ современныхъ лириковъ нашихъ, стихотворенія котораго отличаются художественностью концепціи и въ то-же время прелестью національнаго колорита, графъ *А. Толстой* сталъ извѣстенъ въ нашей литературѣ въ послѣднее десятилѣтіе. Замѣча-

*

тѣлнѣйшія произведенія его проникнуты религіознымъ паѳосомъ, нечуждымъ даже нѣкотораго мистическаго величія; таковы стихотворенія его, напечатанныя въ «Русской Бесѣдѣ»,—*Іоаннъ Дамаскинъ*, *Грѣшница*. Тѣ-же приемы замѣтны и въ неудачной драматической поэмѣ его *Донъ-Жуанъ*, которая была помѣщена въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1862 г. Въ другомъ стихотвореніи гр. Толстаго, напечатанномъ въ 1858 году, также въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ *Василій Шибановъ*, изображена мученическая кончина этого вѣрнаго слуги, посланнаго княземъ Курбскимъ съ письмомъ къ Іоанну Грозному. Въ этой пьесѣ прекрасно выразился тотъ духъ нашей исторіи, тотъ складъ народнаго воззрѣнія въ отношеніи къ идеѣ власти и та безискусственность, свойственная нашимъ лѣтописямъ, которые еще шире развились въ романахъ гр. Толстаго — *Князь Серебряный* и составляютъ вообще предметъ, къ которому часто обращается творческая фантазія этого поэта. Что-же касается до небольшихъ лирическихъ стихотвореній гр. Толстаго, то въ нихъ нерѣдко превосходно воспроизведены нѣкоторыя элементарныя черты нашего народнаго міросозерцанія, съ его сарказмомъ, размахомъ и кручиной—думой. Такова на-примѣръ, кромѣ извѣстнаго стихотворенія *Сньсь*, кромѣ замѣчательной баллады *Волки* (и другихъ помѣщенныхъ въ «Современникѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г.)—слѣдующая небольшая пьеса:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волю,
Въ небѣ—крикъ орлиныхъ стай,
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь да тучи!...

Въ другихъ лирическихъ піесахъ гр. Толстаго народное міросозерцаніе примѣняется къ обличительному настроенію, возникшему въ началѣ нынѣшняго царствованія подѣ впечатлѣніемъ духа преобразованій, и тогда попадаютъ подобные стихи:

..... Ой кабы всѣ бабы были-бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до-рту!
Кабы кривосудье по-боку, да къ чорту! и проч.

Патріотическое чувство, возбужденное послѣдней Крымской кампаніей нашло величественное выраженіе въ стихахъ гр. Толстаго:

Въ колоколь, мирно дремавшій, съ налету тяжелая бомба
Грянула; съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки,
Онь-же вздрогнулъ, и къ народу могучіе, мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.—

КН. ВЯЗЕМСКІЙ.

Отличающіеся національнымъ колоритомъ приемы, усвоенные Меемъ и гр. А Толстымъ, суть плодъ позднѣйшаго развитія нашей лирики, при содѣйствіи такихъ поэтовъ какъ Лермонтовъ и Кольцовъ. До того-же времени, за исключеніемъ Пушкина, умѣвшаго геніальнымъ чутьемъ своимъ извлекать могучіе звуки изъ истинно-народныхъ струнъ,—сложилось подѣ вліяніемъ дѣятельности Нелединскаго—Мелецкаго, барона Дельвига, Цыганова и другихъ; псевдо-народное возрѣніе, въ которомъ внутренній романтизмъ, чуждый русскому національному духу, выражается внѣшними формами, не лишенными нѣкоторыхъ дѣйствительно народныхъ, оригинальныхъ приемовъ. Къ этому направленію, по внѣшнимъ сторонамъ своего таланта, т. е., по стиху, по меткости и своеобразности выраженій относится *Князь Вяземскій*, поэтъ, дѣятельность котораго столько-же, если не болѣе, принадлежитъ послѣднему десятилѣтію, сколько

и предъидущему періоду его литературной карьеры, начавшейся въ 1808 году. Что-же касается до внутренняго содержанія новѣйшихъ произведеній кн. Вяземскаго, то въ нихъ нѣтъ собственно народныхъ элементовъ, но за то они проникнуты, мѣстами, всѣми достоинствами тѣхъ литературныхъ кружковъ нашихъ, каковымъ, на примѣръ, былъ знаменитый кружокъ, извѣстный подъ именемъ «Арзамаса»,—или въ нихъ высказываются утонченные и нерѣдко—возвышенные взгляды цивилизованныхъ, верхнихъ слоевъ нашего общества, къ которымъ принадлежитъ самъ поэтъ, по своему общественному положенію. Предъидущая дѣятельность кн. Вяземскаго получила уже достаточную извѣстность и оцѣнку, и не подлежитъ настоящему Обозрѣнію; но, съ другой стороны многія изъ его стихотвореній послѣдняго десятилѣтія, начиная съ прекрасной и граціозной піесы: *Масляница на чужой сторонѣ*, написанной въ 1854 году, имѣютъ весьма важное значеніе при изученіи новѣйшаго періода русской лирики. Въ собраніи стихотвореній кн. Вяземскаго, изданномъ въ 1862 г., подъ заглавіемъ: *Въ дорогѣ и дома* большая часть піесъ написана въ послѣднія десять лѣтъ; но всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ стихотворенія, вошедшія въ первую часть, озаглавленную словами: *Въ дорогѣ* и въ первый отдѣлъ второй части, съ общимъ заглавіемъ: *Дома*; ко второй-же категоріи должно отнести тотъ отдѣлъ этой послѣдней части, которому дано также общее заглавіе: *Замѣтки*. Стихотворенія первой категоріи преслѣдуютъ по большей части художественныя цѣли и по своимъ достоинствамъ не уступаютъ тѣмъ прежнимъ произведеніямъ кн. Вяземскаго, которыя достаточно извѣстны нашему образованному обществу. Въ отдѣлѣ-же *Замѣтокъ* есть новыя черты, которыя могутъ быть объяснены только нѣкоторыми явленіями изъ нашей общественной жиз-

ни въ послѣднія десять лѣтъ. Весьма многія продѣлки нашей критики и такъ называемаго *передоваго* кружка, наложившаго въ истекшее десятилѣтіе цѣпи пропаганды на нашу литературу, на искусство и на общественную жизнь,—изобличаются и иногда рѣдко осмѣиваются въ *Замѣткахъ* кн. Вяземскаго. Нашимъ доморощеннымъ деспотамъ-либераламъ онъ замѣчаетъ:

Свобода—превращеньемъ роли
На ихъ условномъ языкѣ
Есть отрицанье личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ...

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ-же:

Свободой дорожу, но не свободой вышей
Не той, которой вы привыкли промышлять
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмельною чашей
Чтобъ разумъ окрачить и сердце обуять.....

На толки о гласности, кн. Вяземскій замѣтилъ:

Вы гласность любите, но въ одиночку, съ правомъ
Чтобъ голосъ вашъ одинъ руководилъ толпу и проч.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ изобличаетъ нашихъ, такъ-называемыхъ «красныхъ»:

О *красныхъ* я у насъ забочусь мало:
Ихъ нѣтъ. А есть гнѣздо безцвѣтныхъ лицъ,
Которыя хотятъ, во чтобъ ни стало
Нуля, попасть въ строй видныхъ единицъ, и проч.

Псевдо-изобличительное настроеніе, господствующее въ нашей журналистикѣ, изображено въ слѣдующей «Замѣткѣ»:

Съ тѣхъ поръ, какъ упраздняютъ будку
Нашъ будочникъ попалъ въ журналъ,
Иль журналистъ нашъ не на шутку
Присяжнымъ будочникомъ сталъ.

Такъ или эдакъ, — какъ угодно,
Но дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Литература всенародно
Пустилась въ уличный дозоръ.
На площади-ль случится драка,
Буянъ-ли пьяный зашумитъ
Иль безъ намордника собака
По переулку пробѣжитъ,
Ворышка обличился-ль въ кражъ,
Иль заподозрѣнъ кто нибудь, —
Отъ литераторовъ — на стражъ
Ничто не можетъ ускользнуть.
За шумъ, бывало, такъ и знаютъ,
Народъ на «сѣзжую» ведутъ:
Теперь, — въ «журнальную» сажаютъ,
Тамъ имъ расправа, тамъ и судъ.

Патріотическіе стихи кн. Вяземскаго, написанные во время Крымской войны, собраны подъ особымъ заглавіемъ: *Къ ружью*. Замѣчательно, что уже въ 1862 г., когда кн. Вяземскій издалъ свою книгу: *Въ дорожъ и дома*, многіе чувствовали, что мелочное обличительное направленіе, свойственное газетному фельетону, равно какъ исключительное преслѣдованіе политическихъ и общественныхъ вопросовъ не могутъ быть обязательнымъ предметомъ для искусства, что оно налагаемое критикой въ видахъ агитаціи и пропаганды на произведенія нашей изящной литературы, вредно отзывалось какъ на самой литературѣ, такъ и на развитіи таланта писателя; но кромѣ кн. Вяземскаго, литературное и общественное положеніе котораго задолго до того уже упрочилось, никто не осмѣлился поднять голоса противъ злоупотребленія средствами критики. Причина этому таилась однако не въ одномъ раболѣпствѣ писателей и общества передъ авторитетомъ нашихъ критиковъ — законодателей; но она коренилась главнымъ образомъ въ томъ, что эти законодатели приобрѣли себѣ популярность другого рода, популярность не литературную, но какъ реакціонеры

прошедшаго порядка и какъ виновники, будто-бы, многого свѣтлаго новой эпохи. Возстать противъ подобныхъ авторитетовъ казалось многимъ, даже сознававшимъ всю ложь ихъ, опаснымъ и вреднымъ, какъ заявленіе въ пользу минувшаго и противъ лучшаго будущаго. Но когда социальная и литературная пропаганда стала проводить въ науку нашу нигилизмъ, въ искусство—матеріализмъ, а въ жизнь—отрицаніе давно признанныхъ основъ нравственности общественной и частной, то въ литературѣ стало обнаруживаться противодѣйствіе, выразившееся сперва робко, а потомъ рѣшительно и наконецъ рѣзко въ противоположности направленія и въ запальчивой полемикѣ московскихъ періодическихъ изданій (каковы—«Русскій Вѣстникъ», и Московскія Вѣдомости», «Наше Время», отчасти и «День») — съ петербургской журналистикой вообще. На рубежѣ этого поворота стоитъ романъ г. Тургенева—*Отцы и Дети*, въ которомъ въ первый разъ брошенъ вызовъ нигилизму. Что-же касается до нашихъ лириковъ, то кромѣ кн. Вяземскаго они не принимали участія въ вышеизложенной борьбѣ и въ этомъ отношеніи можно указать только на два помѣщенные въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1865 г. стихотворенія г. *Алмазова*, писателя необладающаго впрочемъ особеннымъ поэтическимъ талантомъ. Первая изъ этихъ піесъ: *Современные рыцари* имѣетъ цѣлью доказать несостоятельность нигилизма; вторая,—подъ заглавіемъ *Старая русская партія* посвящена идеѣ, что самые полезные и великіе дѣятели въ русской исторіи были сторонниками консервативныхъ элементовъ русской народности.

Изъ менѣ замѣчательныхъ лириковъ нашихъ истекшаго десятилѣтія, которые слѣдовали теоріи свободнаго искусства, должны быть упомянуты: *Н. Бергъ*, извѣстный переводами на русскій языкъ національныхъ піесей разныхъ народовъ и нѣкоторыхъ произведеній Мицкевича; *Графиня Ростопчина*, талантъ которой въ истекшее

десятилѣтіе былъ уже въ окончательномъ упадкѣ; *К. Павлова*, стихи которой при скудности внутренняго содержанія отличаются красотою внѣшнихъ формъ, и наконецъ *Ю. Жадовская*.

II. Поэты, развивавшіе сперва приемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ, усвоившіе себѣ теоріи французскаго социализма.

Рядомъ съ лириками нашими, слѣдовавшими теоріи «свободнаго искусства», талантъ которыхъ сложился и заявилъ себя еще въ минувшее царствованіе, возникло въ нашей наукѣ и въ поэзіи направление, которому суждено было привести своихъ послѣдователей путемъ отвлеченной идеальной философіи и романтизма къ полному реализму. Это направление можетъ быть названо *переходомъ къ поработченію искусства*. Замѣчательнѣе всего, что центромъ, около котораго первоначально сгруппировались главнѣйшіе и вліятельнѣйшіе дѣятели этого направленія былъ человекъ, воззрѣнія котораго были совершенно противоположны тѣмъ, какія усвоилъ себѣ въ послѣдствіи времени его кружокъ. «*Н. В. Станкевичъ* былъ», по свидѣтельству близко знавшихъ его людей, «человѣкъ очень замѣчательный по своему свѣтлому уму, живой воспріимчивости и симпатичности своей натуре. Его стремленія были возвышенны и идеальны, онъ искалъ все обобщить, во всемъ дойти до идеи, до начала знанія. Вся его молодая жизнь прошла въ мірѣ науки и искусства, которымъ онъ восторженно предавался, въ надеждѣ *приготовить* себя къ полезной дѣятельности. Около него собирався кругъ друзей, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными своей дѣятельностью. Всѣ они вспоминали и вспоминаютъ о немъ съ какой-то благоговѣйной любовью; лучшіе изъ нихъ говорятъ открыто, что многимъ

ему обязаны и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи». ¹⁾ Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ личностей въ кружкѣ Станкевича были Бѣлинскій и Грановскій. Вліяніе его сильно отразилось также на Герценѣ, на Бакунинѣ и на Огаревѣ. Но вліяніе это не имѣло въ своемъ источникѣ того характера, которымъ ознаменовалась дѣятельность Герцена, Бакунина и Огарева въ истекшее десятилѣтіе. Напротивъ, сколько можно судить по опубликованнымъ источникамъ и по разсказамъ, вліяніе Станкевича — романтика, преданнаго идеальной философіи и чистому искусству, — на людей его кружка или близкихъ этому кружку заключалось собственно *только* въ томъ, что онъ внушилъ имъ искреннюю любовь къ истинѣ и непреодолимое влеченіе искать ее въ наукѣ и въ искусствѣ; затѣмъ, помимо нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, они въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ не имѣютъ *ничего сходнаго съ направлениемъ* Станкевича, кромѣ, впрочемъ, Грановскаго, который послѣ смерти Станкевича писалъ одному изъ друзей своихъ: «Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно». Бѣлинскій говорилъ о Станкевичѣ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, «которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи, о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ кружка близкихъ къ нимъ людей». ²⁾ По отзыву-же Герцена, «безслѣдно нельзя было подходить къ этой сильной умомъ и сильной поэзіей натурѣ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ друзей и товарищей и на всѣхъ оставилъ въ чемъ нибудь свой отпечатокъ.» ³⁾ Но, какъ сказано выше, главная доза этого вліянія отразилась собственно только на любви къ истинѣ,

¹⁾ Сочиненія Добролюбова Т. II стр. 3.

²⁾ Сочиненія Добролюбова Т. II стр. 1.

³⁾ Полярная Звѣзда 1858 г. стр. 114.

на любви къ труду, съ которыми пріобрѣталось людьми этого кружка и ихъ послѣдователями серіозное образованіе и изучалась новѣйшая въ то время нѣмецкая философія. Вскорѣ нѣкоторые изъ этихъ людей, какъ напримѣръ: Бѣлинскій, Герценъ, Огаревъ и другіе, не удовлетворяясь отвлеченными выводами философіи и чистаго искусства, которыми такъ преданъ былъ Станкевичъ, усвоили себѣ утопіи французскаго социализма. Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ нѣмецкой идеальной философіи и социальныхъ утопій образовалось съ легкой руки г. Огарева въ нашей лирикѣ эфемерное направленіе, въ которомъ нѣмецкій романтизмъ и французскій социализмъ подали другъ другу руку во имя *протеста* противъ существовавшего тогда въ Россіи нравственнаго, общественнаго и политическаго строя.

Н. ОГАРЕВЪ.

Первые признаки этого направленія явились въ стихотвореніяхъ *Огарева*. Недовольство нравственными и общественными условіями той среды, которая окружала его, исканіе протеста въ мірѣ романтизма, въ отвлеченныхъ началахъ умозрительной философіи и въ зачаткахъ социалистическихъ теорій, тщетное стремленіе успокоится въ созерцаніи природы и грустный фантастическій колоритъ,—таковы отличительные признаки произведеній этого лирическаго поэта. Участь людей того кружка, котораго средоточіемъ былъ Станкевичъ и отношеніе этого кружка къ окружающей его дѣйствительности выражены въ стихотвореніи Огарева:

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,

И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не падали.
Но мы вокругъ не встрѣтили участя,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетая дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи;
Мы много чувствъ и образовъ и думъ
Въ душѣ глубоко погребли....И что-же?
Упрекъ-ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?...Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ жолчи, если можемъ.

Но эта готовность подчиниться безропотно, обратилась впоследствии въ противоположное настроеніе:

..... Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья,
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всепильный духъ движенія и созданья,
Тотъ вѣчно-юный новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, *ему убить,—отрада*
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть его къ тому, *что рушитъ надо,*
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.

Образцомъ мрачнаго фантастическаго элемента въ поэзіи Огарева можетъ служить извѣстная піеса: *Nosturno*, начинающаяся стихомъ:

Какъ пусть мой деревенскій домъ и проч.

Въ примѣръ совершенно противоположнаго настроенія того-же поэта должно указать стихотвореніе: *Кабакъ*.

Выпьемъ что-ли, Ваня
Съ холода да съ горя, и проч.

Эти двѣ піесы суть двѣ крайнія точки въ характерѣ лирики Огарева. Собраніе стихотвореній его издано въ 1856 году.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

То-же самое направлѣніе, которое выразилось у Огарева, замѣтно и во многихъ стихотвореніяхъ *г. Плещеева*, поэта не обладающаго однако замѣчательнымъ талантомъ. Большою частью его произведенія вялы и безцвѣтны; но критика наша обратила на нихъ серьезное вниманіе и отнеслась къ недостаткамъ ихъ снисходительно, потому что поэтъ воспоминаетъ съ прискорбіемъ и порицаніемъ прежнее время тщетной борьбы, призываетъ на отважную дѣятельность въ настоящемъ, восхваляетъ нынѣшнее молодое поколѣніе, затѣмъ,—говоритъ о равноправіи богатыхъ и бѣдныхъ на наслажденіе удобствами жизни и эффектно противопоставляетъ голодную нищету *лѣнивому и тунеядствующему* богатству. Къ дѣлу упраздненія крѣпостнаго права *г. Плещеевъ* отнесся какъ къ возмездію за устарѣвшую неправду; реформамъ, ознаменовавшимъ начало истекшаго десятилѣтія посвятилъ онъ стихотвореніе съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.....

Все это въ глазахъ нашей критики такой подходящий для ея цѣлей матеріалъ, что она отозвалась весьма снисходительно о недостаткахъ *г. Плещеева*, какъ поэта и дала ему почетное мѣсто въ нашей современной лирикѣ. Добролюбовъ нашелъ только непохвальнымъ, что *г. Плещеевъ* въ упомянутой піесѣ съ эпиграфомъ изъ Пушкина, смотрѣлъ съ свѣтлой надеждой на дѣятельность обнаружившуюся у насъ въ началѣ минувшаго десятилѣтія. Онъ называлъ звонкими фразами и риторикой тѣ стихи, гдѣ поэтъ говоря,

что отчизна зоветъ своихъ сыновъ, послѣ Крымской войны на бой
«со зломъ и тьмой, съ неправдой черной,» продолжаетъ:

Не страшень намъ и новый врагъ—
И съ нимъ отчизна совладеетъ.....
Смотрите! Ужъ рѣдѣетъ мракъ
Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ
И содрагаясь чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

Въ большей части стихотвореній Плещеева выражается какое-то внутреннее, тяжелое горе, грустное утомленіе жизнью и печаль о несбывшихся надеждахъ. Подобно Огареву, Плещеевъ вспоминаетъ о томъ, какъ онъ и его сверстники вошли въ жизнь съ свѣтлыми надеждами, съ любовью въ истинѣ, съ жаждой дѣятельности, какъ они встрѣтили неодолимые препятствія. Различіе главное въ томъ, что Огаревъ ищетъ успокоенія въ природѣ и въ мірѣ фантазій, а Плещеевъ возлагаетъ свои надежды на вырабатывающіяся въ общественной жизни новыя нравственныя и соціальныя основы и вѣритъ въ молодое поколѣніе:

.... Когда толпясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣніе;
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленіи,
И говорю съ восторгомъ я:
«Богъ помочь, братья и друзья!
Несите твердою рукой,
Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой,
Бросать каменьями готовой,
Въ того, кто сонъ ея смутить,
Чья рѣчь какъ Божій мечъ разить.
Богъ помочь, братья и друзья!
Когда-жъ желанный день настанетъ,
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ—добромъ помянетъ,
Насъ всѣхъ, чья молодость *прошла*
Въ борьбѣ съ истевающей силой зла!»

Какого рода тѣ новыя соціальныя основы, въ которыхъ обращается съ надеждой г. Плещеевъ можно отчасти понять изъ его стихотворенія по поводу извѣстнаго романа В. Гюго:

НА МОТИВЪ ИЗЪ ВИКТОРА-ГЮГО.

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ:
Его галеры ожидали.
Онъ былъ бѣднякъ, и *былъ онъ воръ.*—
Недѣлю дѣти голодали
И, нищетою удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена.
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силамъ были ей;
И поддался онъ искушенью.
Укралъ на хлѣбъ семью своей.

И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ.
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалеть—неумолимъ законъ и проч.

Какой выводъ способно сдѣлать большинство читателей изъ подобныхъ воззрѣній и эффектныхъ сюжетовъ, столь мало впрочемъ подходящихъ подъ условія русской жизни? Другое стихотвореніе: *На улицѣ* указываетъ, какъ законно и рационально то, что дѣвушка, воспитанная въ нищетѣ и лишеніяхъ, увидя передъ собой блескъ роскошныхъ магазиновъ и высшаго круга,—бросается легко въ проституцію.... Последнѣе собраніе стихотвореній г. Плещеева вышло двумя книжками въ 1861 и въ 1863 г.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Столь-же блѣденъ и безцвѣтенъ какъ г. Плещеевъ, былъ принадлежавшій тому-же направленію, недавно скончавшійся лирическій

поэтъ нашъ—г. *Григорьевъ*. Рефлексія вредила ему едва-ли не болѣе, чѣмъ она вредитъ г. Плещееву. Бѣлинскій утверждалъ, что не смотря на нѣкоторые довольно удачныя піесы, Григорьевъ «во-все не поэтъ. Въ его стихотвореніяхъ», по мнѣнію Бѣлинскаго, «прорываюгся проблески поэзіи, но поэзіи ума, негодсванія. Видишь въ нихъ умъ и чувство, но не видишь фантазіи, творчества, даже стиха; вездѣ одни разсужденія, нигдѣ образовъ, картинъ». Усили-ваясь сдѣлать изъ своей поэзіи апофеозу страданія, Григорьевъ очень часто стремился подражать Лермонтову, но и въ этихъ пье-сахъ болѣе всего замѣтенъ только болѣзненно настроенный умъ. Туманность и рефлексія часто соединяются въ стихахъ Григорьева съ разными идеями соціалистическаго свойства. Такова одна изъ лучшихъ піесъ его:

ГОРОДЪ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе;
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ немъ люблю, о нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ немъ иное,—
Его страданіе подъ ледяной корой
Его страданіе большое.....

.... И въ тѣ часы когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно все,—мелкаетъ предо мной
Рой отратительныхъ виднѣй.....
Пусть ночь ясна какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно,—
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ,
И то *прозрачность язы мойной*.

Изъ вышеизложеннаго *переходнаго* направленія отъ чистаго искусства къ порабощенію его внѣшнимъ цѣлямъ видно, какъ быстро лирика наша шла къ реализму, матеріализму и даже къ утилитаризму. Внѣшнія обстоятельства политической и общественной жизни въ значительной степени способствовали этому. Наука и воспитаніе укореняли это направленіе и поэзія утрачивала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе свою свободу. Съ конца сороковыхъ годовъ, наша наука, отшатнувшись отъ преобладавшаго до того времени авторитета абстрактной, умозрительной нѣмецкой философіи и обратилась преимущественно къ отечественнымъ историческимъ изысканіямъ, къ естествовѣдѣнію, какъ къ подпорѣ матеріализма и къ изученію народнаго быта въ экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Цѣль этого настроенія заключалась въ притяженіи нашей интеллигенціи къ почвѣ, этой цѣли подчинено и свободное искусство. Лирика стала весьма часто почерпать свое содержаніе изъ простонароднаго быта; обстоятельства крымской войны содѣйствовали къ патриотическому настроенію лирической поэзіи нашей, а явившійся въ началѣ настоящаго царствованія духъ реформъ произвелъ въ нашей лирикѣ поворотъ къ обличеніямъ и къ сатирическимъ бичеваніямъ. Такимъ образомъ, *протестъ*, начавшійся сперва въ мірѣ идей, въ формѣ обращенія къ реализму и къ социалистическимъ утопіямъ,—проникъ въ жизнь, обративъ науку, а потомъ и поэзію къ вопросамъ общественной, народной и повседневной жизни. Это настроеніе, къ которому примкнула и наша лирика, господствуетъ въ ней и до настоящаго времени. Но рядомъ съ этимъ настроеніемъ существуетъ у насъ въ лирикѣ другое, посвящающее свое вдохновеніе исключительно нашей народности, но сложившееся изъ совершенно другихъ элементовъ и подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ. Это направленіе извѣстно подъ именемъ — *славянофильскаго*.

III. Поэты, предметы пѣснопѣій которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы.

1) *Славянофилы.*

Славянофильство было въ сущности единственной формой *протеста*, которую возможно было уложить въ призракъ системы и безъ большихъ препятствій заявлять въ литературѣ въ прежнее время. Выставленный на знамени славянофиловъ девизъ: *православіе, самодержавіе, народность*,—суть понятія до такой степени способны измѣнять цвѣтъ и смыслъ, примѣняясь къ самымъ различнымъ воззрѣніямъ, что варьируя на эту тему можно весьма удобно дѣлать набѣги на настоящее и укрываться въ глубь прошедшаго,—смотря по надобности. Неудовлетвореніе современнымъ нашимъ строемъ,—(которымъ во многомъ обязаны мы преобразовательной дѣятельности Петра Великаго)—могло быть весьма рѣзко и остроумно выражаемо то исканіемъ идеала въ до-петровской эпохѣ, то громкимъ порицаніемъ результатовъ западной цивилизаціи (которая была намъ усвоена), то приданіемъ всякихъ похвальныхъ свойствъ быту простаго народа въ противоположность *отщепенству* высшихъ слоевъ общества, и все это, въ сущности отрицательное направленіе принимало въ глазахъ Правительства маску положительности, прикрываясь девизомъ «православіе, самодержавіе, народность» слова,—которыя славянофилы понимали по своему, а оффиціальная среда—по своему. Такимъ образомъ, если такъ - называемые, «западники» усвоили себѣ искусство писать *между строкъ*, то славянофилы приобрѣли еще болѣе умѣніе выражаться иносказательно. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ основные приемы славянофильскаго воззрѣнія неискренни и полны крайностей по одной уже нетерпимости своей, то «православіе, самодержавіе и

народность» не получили одинаковаго вѣса въ глазахъ главныхъ представителей нашего славянофильства, но каждое изъ этихъ понятій выставлялось ими по очереди болѣе или менѣе предпочтительно, смотря по цѣлямъ съ которыми это дѣлалось и притомъ каждому изъ этихъ понятій придавался соотвѣтственный обстоятельствамъ смыслъ и цвѣтъ. Такимъ образомъ, въ тридцатыхъ годахъ, Кирѣевскіе изъ трехъ элементовъ славянофильства выдвигали впередъ *православіе*, придавая ему отчасти мистическій, отчасти византійскій колоритъ; позже, — Хомяковъ усиливался помирить православіе съ новой наукой, а еще позже Шевыревъ и Погодинъ смотрѣли на православіе съ государственно-церковной точки зрѣнія; всѣ же эти три различныя и даже противоположныя воззрѣнія на православіе принадлежатъ тѣмъ-же славянофиламъ. Это различіе взглядовъ на одинъ и тотъ-же предметъ объясняется тѣмъ, что Кирѣевскіе, испытавъ препятствія и неудачи въ то время, когда явный протестъ былъ немыслимъ, укрыли свою протестующую скорбь подъ оболочку религіозной созерцательности; Хомяковъ уже нашелъ возможность облекать свой протестъ приемами науки и философскихъ системъ; а Шевыревъ и Погодинъ приняли виѣшний смыслъ девиза славянофиловъ за чистую монету безъ скрытаго подъ этимъ девизомъ протеста. По этому-то Шевыревъ и Погодинъ выставляли также и *идею самодержавія* исключительно въ религіозно-государственномъ свѣтѣ, ни сколько не расходясь въ этомъ съ условіями официальной среды; а теперь И. Аксаковъ, пользуясь нѣкоторыми настоящими обстоятельствами, окрасилъ эту идею самымъ демократическимъ цвѣтомъ и представляетъ самодержавіе какъ союзъ народа съ властью противъ предполагаемой г. Аксаковымъ олигархіи высшихъ классовъ и противъ бюрократіи, въ которыхъ коренится будто-бы вся гибельная сила

реформы Петра Великаго. Что-же касается до идеи «народности», то и это понятіе Кирѣевскіе примѣняли къ религіи, Хомяковъ—къ наукѣ и искусству, а И. Аксаковъ уже преимущественно къ общественному и политическому строю, сходясь въ этомъ случаѣ съ самыми радикальными тенденціями самихъ крайнихъ «западниковъ», прежнихъ непримиримыхъ враговъ славянофильства. При этомъ должно еще замѣтить, что идея народности высказывалась довольно рѣзко нѣкоторыми славянофилами съ ея чисто вѣншей формальной стороны, какъ на-примѣръ, въ смыслѣ костюма, домашняго быта, отношенія къ преобладающей власти; въ чемъ-же именно заключается внутренній смыслъ нашей народности по понятію нашихъ славянофиловъ,—этого никто изъ нихъ ясно не формулировалъ, и самъ И. Аксаковъ ограничивается сравненіями народности съ почвой, съ древесными корнями и сердцевиною, и говоря о народности, выражается очень неопредѣленно и произвольно называя ее то «внутреннимъ объединяющимъ началомъ», то внутренней органической стихіей и т. п. ¹⁾ Вслѣдствіе этого газета «День» и позволяетъ себѣ выраженія самыя темныя, общія и эластичныя, говоря на-примѣръ, что славянофилы настойчиво заботятся объ «возстановленіи духовной цѣльности народнаго организма, при укрѣпленіи и развитіи нашей народной самости» (sic) и главное,—объ «уничтоженіи наконецъ того отчужденія отъ народности, которое еще продолжаетъ жить въ высшихъ образованныхъ классахъ», объ устраненіи «вредной разрозненности народа и общества». ²⁾ Всѣ эти произвольные, условные и даже противоположные взгляды представителей одного и того-же славянофильскаго

¹⁾ Газета «День» 1865 г. (№ 12) стр. 265 и 266.

²⁾ Тамъ-же (№ 10) стр. 220 и 221.

направленія на идею православія, самодержавія и народности разнообразились постоянно еще различнаго рода оттѣнками панславизма и можно сказать, что если до настоящаго времени славянофильство было самой удобной формой протеста, то теперь, сверхъ того, оно есть самая тонкая форма агитаціи и пропаганды. По наружности-же славянофильство всегда относилось къ преобладающей власти покорно, заявляя въ прежнее время подчиненіе принципамъ церковно-византійскимъ и религіознымъ, какъ на-примѣръ извѣстная доктрина о «приниженіи» личности и правило—«всякая власть отъ Бога». Въ послѣднее-же время, когда Правительство занялось преобразованиемъ быта нашего народа, славянофилы придали колоритъ «народности» двумъ другимъ элементамъ своего воззрѣнія—«православію и самодержавію», и провозглашаютъ себя не только сторонниками преобразовательной дѣятельности Правительства, но даже и рефракторами ея. Но можно утвердительно сказать, что конечная цѣль видовъ Правительства и славянофильства не имѣетъ ничего между собою сходнаго. Такова неискренность славянофильства. Что же касается нетерпимости и крайностей ихъ воззрѣній, то одинъ изъ противниковъ ихъ, крайній «западникъ» основательно замѣтилъ, что на славянофилахъ лежитъ грѣхъ весьма долгаго непониманія нами «ни народа русскаго, ни его исторіи; ихъ невоздержанныя преувеличенія и икопописные портреты былаго, ихъ «принижающаяся личность» и дикая ненависть ко всему западному безъ разбора, вызвали противудѣйствіе даже тому, что въ ихъ воззрѣніи было справедливо». ¹⁾ Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго понятно, что должны значить встрѣчаемые въ каждой почти руководящей статьѣ газеты «День» подобныя на-примѣръ сужденія: мы

¹⁾ Полярная Звѣзда 1855 г. стр. 133.

говоримъ «о деспотизмѣ теоріи надъ жизнью, объ опасности союза теоріи съ бюрократическою властью, особенно тамъ (?) гдѣ жизнь безмолствуетъ, гдѣ общество безпѣйственно (?) и безсильно (?) и народный организмъ представляется изъ «прекраснаго далека» чиновниковъ (?)—какою то *tabula rasa*, послушнымъ, мягкимъ матеріаломъ, способнымъ воспринять всё благодетельныя, хотя-бы и насильственные, впечатлѣнія. Но какъ при неправильномъ обращеніи соковъ въ древесномъ организмѣ, сила дерева уходитъ въ листья и вмѣсто плода производитъ листовые наросты,—такъ и въ живомъ организмѣ народномъ, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ вся дѣятельность общественной и служилой среды истощается нерѣдко въ однихъ безплодныхъ попыткахъ создать что-либо цѣльное и живое, успѣвая производить только отвлеченныя теоріи, планы и регламенты—если не всегда мертворожденные, то почти всегда обреченные не долему вѣку. Говоря объ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, разрозненность высшихъ народныхъ классовъ съ народомъ, разобщеніе общества, нравственное, духовное и историческое съ народными бытовыми условіями и преданіями, раздвоеніе того пути развитія, которымъ идутъ общество и народъ.» ¹⁾ Эти и подобныя сужденія вызвали въ газетѣ «Le Nord» невѣрное предположеніе, будто-бы славянофильскія теоризированія могутъ вести только къ демократическому царизму, который призывалъ-бы Государя деспотически властвовать надъ *приниженною массою*. ²⁾ Демократическій царизмъ дѣйствительно входитъ въ виды (не болѣе) славянофильства, или, какъ вѣрнѣе выражаются «Московскія вѣдомости»

¹⁾ Газета «День» 1865 г. (№ 6).

²⁾ «Московскія Вѣдомости» 1865 г. (№ 30).

нео—*славянофильства*; но не только устранили славянофилы, вследствие нынѣшнихъ обстоятельствъ, свою доктрину «приниженія личности» и не желаютъ «приниженія массы»,—а напротивъ, проповѣдуютъ деспотизмъ массъ подъ видомъ реабилитаціи народности въ высшихъ слояхъ общества. Многіе смотрятъ на славянофильство ошибочно, какъ на стремленіе къ законамъ историко-органическаго развитія и, не видя въ немъ протеста и неискренности, относятся къ нему съ терпимостью или даже поддаются его вліянію.

Всѣ изложенныя выше главныя черты и цѣли славянофильства выражаются и въ лирическихъ произведеніяхъ за истекшее десятилѣтіе славянофиловъ—поэтовъ. Должно замѣтить, что въ числѣ славянофиловъ—писателей были и теперь есть весьма талантливые люди; изъ лириковъ-же ихъ послѣдняго времени самыя замѣчательныя суть: *Хомяковъ, И. Аксаковъ и К. Аксаковъ.*

А. ХОМЯКОВЪ.

По свидѣтельству челоѣка лично знавшаго Хомякова, онъ былъ «умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, натура болѣе ослѣпительная, чѣмъ свѣтлая.» «Онъ принадлежалъ притомъ, продолжаетъ тотъ-же наблюдатель, къ категоріи тѣхъ людей, которые, вследствие неблагопріятныхъ обстоятельствъ, «сломались, затянулись, сбились съ дороги, *окруженные обществомъ безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, подобострастнымъ*», и потому, отъ внутренней пустоты такого общества, «Хомяковъ бросился въ славянизмъ, который тогда возникалъ. Это разомъ давало ему оригинальное положеніе и богатое поприще парадоксальныхъ споровъ, занятой праздности. Увлекаемый живостью своего ума, онъ первый былъ обманутъ своими софизмами. Онъ самъ себя увѣрилъ и въ рели-

гіозномъ фанатизмъ и въ горячешной любви къ всему русскому.» ¹⁾ Такъ характеризуетъ Хомякова соперникъ его по спорамъ и увлеченіямъ, крайній «западникъ». Изъ этого видно, будто-бы Хомяковъ увлекался и обманывалъ себя самого. Другой противникъ славянофиловъ вообще, въ томъ числѣ и Хомякова—Бѣлинскій, разсматривая собраніе стихотвореній Хомякова, вышедшихъ въ 1845 г. также находилъ, что отношенія его къ идеѣ народности натянуты, доказывая это между прочимъ, совершеннымъ отсутствіемъ вѣрнаго пониманія нашей народности въ трагедіяхъ Хомякова—*Ермакъ* и *Дмитрій Самозванецъ*. Но съ другой стороны, если Бѣлинскій и справедливо порицалъ эти трагедіи Хомякова, то онъ крайне былъ пристрастенъ и несправедливъ, утверждая, что Хомяковъ совершенно былъ лишенъ поэтического таланта, какъ лирикъ. ²⁾ Дѣло въ томъ, что Хомяковъ держался противныхъ Бѣлинскому, славянофильскихъ воззрѣній; а въ Бѣлинскомъ нерѣдко агитаторъ и пропагандистъ затмѣвали безпристрастнаго критика. Какъ-бы то ни было, но Хомяковъ вполне усвоилъ себѣ и развивалъ воззрѣнія и тенденціи славянофиловъ. Еще Хомяковъ превозносилъ Россію надъ «гнилымъ» западомъ и толковалъ какъ будто-бы въ интересахъ науки и искусства о томъ-же, о чемъ теперь безпрестанно проповѣдуетъ уже въ социальномъ и политическомъ смыслѣ И. Аксаковъ, въ газетѣ «День», то-есть, о существующемъ раздвоеніи въ нашемъ обществѣ и о необходимости нивелировки его во имя народности. «Я знаю», говорилъ онъ, «что намъ, *ожидающимъ возврата всенародности*, часто ставится въ попрекъ то, что мы ожидаемъ отъ этого возврата много новаго и необычайнаго.» ³⁾

¹⁾ Полярная Звѣзда 1858 г. стр. 43.

²⁾ Сочиненіе Бѣлинскаго Т. IX стр. 271.

³⁾ «Московскій Сборникъ» 1847 г. стр. 322.

«Тамъ, гдѣ общество раздвоилось», говоритъ онъ въ этой-же статьѣ, «гдѣ жизненныя силы приведены въ оцѣпененіе разрывомъ между жизнію и знаніемъ, и вѣчною, даже нескрытою враждою самобытнаго начала и чужеземнаго наплыва,—тамъ духовныя побужденія теряютъ свое значеніе, и мѣсто ихъ заступаетъ *мертвый и мертвящій формализмъ.*» ¹⁾ Далѣе Хомяковъ выражаетъ увѣренность, что «раздвоеніе, подавляющее въ насъ духовную силу, есть дѣло исторической случайности» и что «оно должно исчезнуть.» ²⁾ Философскіе споры Хомякова состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность однимъ разумомъ дойти до истины. ³⁾ Таковы были принципы усвоенные Хомяковымъ и высказанные имъ какъ философомъ и какъ социальнымъ мыслителемъ. Какъ лирикъ онъ держится тѣхъ-же принциповъ, но облачаетъ ихъ то библейскимъ величіемъ религіознаго порыва, то блистательнымъ призракомъ мечтаній панславизма. Стихъ Хомякова звучный, энергическій и крѣпкій. Изъ собранія стихотвореній Хомякова, изданныхъ въ хронологическомъ порядкѣ послѣ его смерти, въ 1861 г., видно, что панславизмъ овладѣлъ поэтомъ въ 1831 году; въ первомъ стихотвореніи съ этимъ направленіемъ, написанномъ, какъ видно во время Польскаго мятежа, подъ заглавіемъ: *Ода*, лирикъ восклицаетъ:

....Потомства пламеннымъ проклятьемъ
Да будетъ преданъ тотъ чей гласъ,
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ.....

¹⁾ Тамъ-же стр. 325 и 326.

²⁾ Тамъ-же стр. 347.

³⁾ Полярная Звѣзда 1858 г. стр. 143.

Далѣ выраженъ панславистическій идеалъ поэта не покидавшій его до конца поэтической его дѣятельности:

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видить новый вѣкъ чудесь....
Онъ видить,—гордо надъ вселенной
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу *склоняютъ*
Предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ,
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

Съ годами талантъ Хомякова совершенствовался; внѣшняя форма стиха его пріобрѣтала болѣе и болѣе художественности. Что-же касается содержанія, то въ послѣдніе годы жизни Хомякова въ его произведеніяхъ преобладаетъ примѣненіе религіознаго и панславистическаго воззрѣнія къ современнымъ поэту обстоятельствамъ внутренней и внѣшней жизни Россіи. Самое характеристическое въ этомъ родѣ стихотвореніе Хомякова есть извѣстная піеса, написанная въ 1854 г., въ началѣ крымской кампаніи, подъ заглавіемъ:

РОССІИ.

.....Вставай, страна моя родная
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ.....
.....Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судить строго:
А на тебя, увы! Какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

—
Въ судахъ черна неправдой черной
И шожъ рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлстоорной

*И льны мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!*

—
О недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя слезами покаянья и проч....

Тутъ отражается панславизмъ, господствовавшее въ началѣ истекшаго десятилѣтія обличительное настроеніе и предчувствіе цѣлаго ряда послѣдующихъ преобразованій.

И. АКСАКОВЪ.

Въ то время какъ Хомяковъ увлекался панславизмомъ и отвлеченными философскими теоризироваціями, г. И. Аксаковъ преслѣдуетъ цѣли славянофильства, облекая идеи этого направленія въ социальную и въ гражданскую скорбь. Какъ публицистъ, изъ трехъ основныхъ элементовъ нашего славянофильства, — «православіе, самодержавіе, народность», — И. Аксаковъ отдастъ свои симпатіи преимущественно послѣднему. Народность является у него, смотря по надобности, то союзницей предержавей власти, то сама источникомъ власти. По его системѣ, существуетъ постоянное непріязненное противудѣйствіе между двумя элементами нашего политическаго и социального организма, изъ коихъ одинъ есть народъ и Верховная Власть, какъ представительница нашей демократіи; ¹⁾ а другой, — составляютъ всѣ высшіе слои общества, которые должны быть поглощены массою и весь нынѣшній административный строй, который подъ именемъ «бюрократіи» подвергается постояннымъ преслѣдованіямъ этого публициста. ²⁾ Скрывая идеалы свои относительно нашего будущаго въ туманъ нашего историческаго прошедшаго, г.

¹⁾ «День» 1865 г. № 10 стр. 220 (второй столбецъ).

²⁾ Тамъ-же стр. 218 (второй столбецъ).

И. Аксаковъ въ своихъ постоянныхъ порицаніяхъ реформаторской дѣятельности Петра Великаго стремится выставить неудовлетворительность и вредъ *современнаго намъ* государственнаго строя нашего и въ этомъ онъ постоянно противуполагаетъ нашу народность— «государственности», какъ гнетущему началу. Соціальныя-же идеалы г. Аксакова будучи вполне демократическаго свойства упираются, такъ сказать, одной своей стороною въ такіе факты нашего прошлаго, какъ избраніе всей землей Царя Михаила, Земскіе Соборы политическаго характера, ¹⁾ право подачи непосредственно Верховной власти коллективныхъ «челобитень» народомъ; ²⁾ а съ другой стороны эти идеалы примыкаютъ (по поводу «польскаго вояска») къ такимъ социальнымъ утопіямъ, какъ общая подача голосовъ, ³⁾ «*souvenir du peuple*» и тому подобные продукты новейшей цивилизаціи Запада. Вотъ почему, совершенно справедливо замѣчаютъ, что подъ перомъ г. Аксакова, прежняя исключительность и изолированность славянофильства, преслѣдуя крайне-демократическія цѣли, сходится въ своихъ идеалахъ съ заклятыми врагами славянофиловъ, съ такъ-называемыми «западниками» и газета «День» постоянно говоритъ то же самое, только въ другихъ выраженіяхъ и въ формѣ другой системы, что можно всегда читать въ самыхъ крайнихъ статьяхъ «Голоса», «Современника» и «Русскаго Слова». И. Аксаковъ и въ лирическихъ своихъ произведеніяхъ подобно тому какъ въ публицистикѣ держится двухъ противуположныхъ сторонъ одного и того-же направленія;—одна сторона, —отрицаніе въ отношеніи къ настоящему общественному и гражданскому порядку нашему; другая сторона,—положительная, гдѣ

¹⁾ Газета «День» 1863 г. № 9 и другіе.

²⁾ «День» 1865 г. № 8 стр. 171.

³⁾ «День» 1863 г. № 18.

«народность» въ демократическомъ смыслѣ выставляется какъ исходная точка направленія для всего рациональнаго въ жизни, въ общественномъ и въ государственномъ строѣ. Какъ на образецъ стихотвореній И. Аксакова относящихся къ первой категоріи можно указать на тѣ піесы, которыя сочинены имъ прежде, но явились въ печати въ истекшее десятилѣтіе. Такова на-примѣръ піеса подъ заглавіемъ:

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ПРЕЖНЯГО ПЕРІОДА.

.....Душа въ огнѣ, душа горитъ
Она насилью ждетъ отпора
Ей нужно воли и простора:
Всѣ силы въ подвигъ положить
Велитъ ей *духъ неугомонный....*
Души мятетъ и бунтъ законный
Безсилны вы!... Но такъ и быть!
Безплодна ты, тоска моя
Твою законность слышу я!
Не грезъ обманъ въ гуманной дали
Виною скорби и печали,
Но гибель силы молодой
Но нетъ того, что духъ возносить,
Чего душа безумно проситъ,—
Служенья истинѣ живой.....

Далѣе, утверждая, что условія окружающаго общественнаго строя не даютъ возможности широкой благотѣльной дѣятельности и принуждаютъ тратить силы на мелочь, поэтъ восклицаетъ:

Есть силы, Боже!.... гибнуть силы!
Есть пламень честный.... гаснетъ огъ!

Въ другой піесѣ слышна та-же жалоба на неудовлетворительность общественной среды:

....О, въ этой *душной нашей* ночи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи

Достанетъ *правду возлюбить?*
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?
Однимъ бгзумцамъ въ міръ втомъ
Дано—лучей ея добыть!....

Эти отвлеченныя жалобы о неудовлетворительности общественной среды получаютъ болѣе ясный смыслъ въ стихотвореніи:

МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(честнымъ людямъ, состоящимъ въ государственной службѣ)
Въ средѣ бездушной *идъ законъ*
Орудье лжи, гдѣ воздухъ смраденъ
И весь неправдой напоенъ
Одинъ лишь ты мнѣ былъ отраденъ
Ты, малочисленный союзъ
Мужей безъ страха и безъ лести и проч.

Такова отрицательная сторона въ направленіи И. Аксакова какъ лирика; положительная-же сторона его направленія болѣе опредѣленно высказывается въ его публицистическихъ произведеніяхъ; но и тамъ, говоря о народности, какъ объ основаніи общественнаго и гражданскаго строя, И. Аксаковъ по большей части ограничивается намеками, сравненіями и неясными отвлеченными фразами. То-же можно подмѣтить и въ его лирическихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ о народѣ. На-примѣръ въ піесѣ, написанной И. Аксаковымъ въ юности, уже сказано:

.....Но не проложеннымъ путемъ,
Не по стопамъ *чужимъ и узкимъ*,—
Народъ въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ
Самостоятельнымъ и русскимъ!
Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разстѣло враговъ
И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя, презрѣнное, сорвало.

На вопросъ-же: *въ чемъ именно лежитъ это народное начало* и «что намъ порукой за него?»—поэтъ отвѣчаетъ слѣдующими неопредѣленными, напоминающими отвѣты пивои, выраженіями:

Кто имѣетъ слухъ—да слышать,
Кто имѣетъ очи—зрѣть;
Въ комъ живое чувство дышетъ,—
Въ томъ оно заговорить.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Возражать не буду я
Блескомъ внутренняго свѣта
Жаромъ тайнаго огня
Вѣчной истиной сокрыта
Жизнь народа для меня. ¹⁾

Вообще въ произведеніяхъ И. Аксакова видѣнь гражданскъ-демократъ съ социалистическимъ оттѣнкомъ. Стихъ И. Аксакова жесткій, рефлексія лишаетъ его образовъ, а фантазія и творчество скудны. Полонскій вѣрно опредѣлилъ И. Аксакова какъ поэта, въ стихотвореніи начинающемся такъ:

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый
Твой жесткій, безпощадный стихъ
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю *невеселой,*
Холодной правды словъ твоихъ...
.....*Общественнаго зла ты корень изучая,*
Стоялъ надъ нимъ съ ножемъ, какъ врачъ ²⁾ и проч.

Т. ШЕВЧЕНКО.

Вслѣдъ за поэтами-славянофилами должно упомянуть еще лирика, котораго такъ-называемые, *нынѣшніе* украинофилы считаютъ

¹⁾ См. «Московскій Сборникъ» 1847 г. *Зимняя Дорога*, И. Аксакова стр. 9 и 10.

²⁾ *Стихотворенія Я. П. Полонскаго* изд. 1859 г. стр. 21.

(хотя совсѣмъ несправедливо) истолкователемъ ихъ стремлений. Собраніе стихотвореній *Т. Шевченко* явилось въ печати подъ общимъ заглавіемъ *Кобзарь* еще въ 1842 году и извѣстность его какъ прекраснаго лирическаго поэта упрочилась гораздо прежде, чѣмъ заявилъ себя кружокъ украинофиловъ въ новомъ смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ, что собственно-украинофилы всегда существовали въ Малороссіи; но они имѣли совершенно не тотъ характеръ и не тѣ цѣли, какими отличаются *нынешніе новые* украинофилы, средоточіе которыхъ въ теченіе всего минувшаго десятилѣтія было въ С.-Петербургѣ, гдѣ издавался и журналъ ихъ *Основа*. Настоящіе, коренные, малороссійскіе украинофилы, представители которыхъ суть *Основьяненко (Квитка) Гоголь и Шевченко* (исключая весьма немногихъ изъ его произведеній),—извѣстны страстной, поэтической любовью къ своей родинѣ и ея природѣ, дѣтской и безпредѣльной преданностью къ ея старинѣ, къ ея пѣснямъ и богатымъ по фантазіи преданіямъ; грустнымъ и глубокимъ сознаніемъ, что невыгодныя во всѣхъ отношеніяхъ этнографическія условія Малороссіи были причиной ея несчастной исторіи и *исключаютъ всякую возможность* самостоятельной политической для нея роли въ будущемъ. Это сознаніе у коренныхъ украинофиловъ тѣмъ прочнѣе и основательнѣе, что народъ въ Малороссіи рѣшительно чуждъ всякой тѣни стремленія къ политической самостоятельности; идея «*билого Царя*» окончательно заглушила въ немъ вліяніе «*гетьманщины*» и если въ массахъ можно было замѣчать по временамъ недовольство, то это никакъ не было выраженіе какихъ-либо политическихъ тенденцій, но послѣдствіе непривычки къ упраздненному нынѣ крѣпостному праву, которое было введено въ Малороссіи только при Императрицѣ Екатеринѣ II-й. Нерѣдко, въ этомъ же недовольствѣ, которое нѣкоторые принимаютъ совер-

шенно ошибочно за тенденціи къ сепаратизму, выражается простое сожалѣніе и сознаніе, что *экономическое процвѣтаніе*, въ этомъ щедро надѣленномъ природою краѣ, — стѣснено и поставлено въ самыя невыгодныя условія. Со времени пародіи, написанной *Котляревскимъ* на *Энеиду*, въ Малороссіи всѣ смотрѣли на попытки писать на южно-русскомъ нарѣчій какъ на шутку, или какъ на слѣдствіе незнанія авторомъ великорусскаго языка. Лучшее произведеніе Основьяненко — *Панъ Холявскій* написано по русски, Гребенка и Гоголь тоже писали по русски. Шевченко писалъ на южно-русскомъ нарѣчій; но записные украинофилы, какъ коренные, такъ и новые утверждаютъ, что Шевченко владѣлъ южно-русскимъ нарѣчіемъ слабо. Какъ-бы-то ни было, но если взять всю совокупность произведеній Шевченки, то окажется, что его дѣятельность вполне соотвѣтствуетъ идеаламъ *коренныхъ*, а не *новыхъ* украинофиловъ. То у него являются превосходныя воспроизведенія поэтической природы Украйны и образцы чисто-народнаго міросозерцанія; такова, на-примѣръ вошедшая въ собраніе его стихотвореній (Кобзарь) баллада — *Топѣля*, начинающаяся прелестными стихами:

По дуброви витерь віє,
Гуляє по полю
Край — дороги гнѣ топѣлю
До самого дѣлу:
Станъ — высокій, лысъ — широкий,
На-що зеленіє? и проч.

То въ стихотвореніяхъ Шевченки оживаетъ старая, несчастная исторія Малороссіи съ ея преданіями, проникнутыми мелодіей южныхъ пѣсенъ, страстнымъ народнымъ повоесомъ, съ плачемъ о бѣдственныхъ этнографическихъ условіяхъ страны, съ дикой и геройской ненавистью къ полякамъ-притѣснителямъ, которая и до нынѣ живетъ въ народѣ, съ злобой противъ пановъ-угнетателей, а подъ

часть и съ широкимъ казацкимъ разгуломъ. Такова поэма *Наймичка* (Работница), *Гайдамаки*, *Гонта съ Умани* и многія другія стихотворенія. Что-же касается до новыхъ украинофиловъ, которые существенно отличаются отъ коренныхъ сепаратистическими мечтами и которые не имѣютъ никакого вліянія на массы населенія въ Малороссіи, то, не смотря на всѣ усилія ихъ провозгласить Шевченка послѣдователемъ ихъ стремленій,—произведенія Шевченки рѣшительно не имѣютъ этого направленія. Такихъ произведеній какъ *Кавказъ*, *Роскопана могила* и проч. у Шевченки очень мало, ихъ можно, что называется, по пальцамъ перечесть и притомъ въ нихъ совершенно нѣтъ сепаратическихъ тенденцій (которыя суть главный признакъ новыхъ украинофиловъ), но они проникнуты совершенно тѣмъ-же направленіемъ, какъ *Ода на волюность*, *Кинжалъ* и другія піесы Пушкина, котораго конечно никто не заподозрилъ-бы въ сочувствіи нашимъ сепаратистамъ. Правда, если-бы Шевченко жилъ долѣе, то, какъ знать, быть можетъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ безобразныхъ явленій нашей общественной жизни онъ и увлекся-бы эфемерными стремленіями новыхъ украинофиловъ (которыхъ нельзя не признавать во многихъ отношеніяхъ близорукими врагами своей родины); но судьбѣ угодно было, чтобы лучшій украинскій лирикъ остался, по своей литературной дѣятельности, кореннымъ, старымъ украинофиломъ въ возвышенномъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Изъ всего выше-изложеннаго ясно, что направленіе, которое давала критика нашей литературѣ, а съ другой стороны внѣшнія и внутреннія политическія событія, неминуемо должны были привести къ тому, что въ лирикѣ нашей минувшаго десятилѣтія сталъ господствовать и не перестаетъ заявлять себя до настоящаго времени, вредный для свободнаго искусства, крайній реализмъ. Сфор-

*

мировавшіеся въ этомъ періодѣ новыя лирическіе поэты и нѣкоторые изъ прежнихъ стали посвящать свой поносъ преимущественно изобличенію повседневныхъ явленій общественной жизни, гражданской скорби, фальшивому примѣненію соціальныхъ утопій къ нашему простонародному быту и наконецъ, нигилизму, матеріализму, а по временамъ и цинизму. Исходная точка этого настроенія есть начало минувшаго десятилѣтія. Прежде всего выступили на сцену гражданская скорбь и обличеніе. Представители такого направленія въ нашей лирикѣ суть поэты:

2) Отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія.

Извѣстно, что въ самомъ началѣ нынѣшняго царствованія неудовлетворительность гражданскихъ сторонъ нашей общественной жизни стала предметомъ вниманія Правительства и Общества прежде, чѣмъ подняты были тѣ вопросы соціальные, которые возникли одновременно съ дѣломъ упраздненія крѣпостной зависимости въ Россіи. Подобно этому и лирика наша стала прежде всего пробуждать въ обществѣ чувство патріотизма, чувство долга гражданина, истребленіе апатіи къ общественной пользѣ и искорененіе лихоимства. «Когда крымская война,» говоритъ одинъ изъ современныхъ публицистовъ нашихъ, «нарушила глубокую тишину въ Россіи, множество патріотическихъ стихотвореній появилось и прогремѣло на болѣе или менѣе воинственные лады въ нашей литературѣ. Въ нихъ, увлекаясь патріотизмомъ, поэты рисовали намъ цвѣтущее состояніе Россіи, готовой возстать поголовно за честь родины, пророчили гибель союзнымъ націямъ, возставшимъ противъ насъ и, вдаваясь глубже и глубже въ полемику, все ревностнѣй нападали на людей и идеи, отъ которыхъ, по ихъ

ниѣнію грозила бѣда отечеству.» ¹⁾ Кто не помнитъ извѣстную пѣсенку про «воеводу Пальмерстона?» Тѣмъ не менѣе, неудовлетворительный исходъ *восточной войны* выказалъ ясно всю шаткость и всѣ недостатки тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили и развивались до того времени. «Изъ всѣхъ стихотвореній,» продолжаетъ упомянутый публицистъ, написанныхъ на *восточныя событія* возбудили сочувствіе въ обществѣ и пережили эфемерный срокъ минуты только тѣ, которыя отнеслись къ послѣдствіямъ войны не мнимо—народнымъ или оффиціальнымъ тономъ, но въ совершенно противоположномъ духѣ. Долгое самообольщеніе, боязнь гласности въ темныхъ сторонахъ русскаго быта естественно нарушились послѣ войны самымъ крутымъ переходомъ къ противоположному направленію *обличавшему эти темныя стороны во имя новыхъ идеаловъ* общественной жизни. Въ разгарѣ этого обличенія иногда мелкаго и трусливаго, въ русской литературѣ проявились, однако, тѣ новые элементы, которые сдружили, связали ее съ обществомъ, увидавшимъ въ ней дѣйствительное отраженіе своей внутренней жизни. Нѣтъ спора, что *вся сила* этого новаго движенія русской литературы заключалась, на первыхъ порахъ, именно *въ отрицаніи ложныхъ условій нашего быта, въ разбиваніи старыхъ оковъ рутины и невѣжества.*» ²⁾ Въ этихъ строкахъ довольно вѣрно указано, какимъ образомъ и въ какую сторону направляема была наша литература ходомъ событій и ферулою критики. Но здѣсь необходимо замѣтить, что если похвально было *обличать темныя стороны наши во имя новыхъ идеаловъ*, то именно эти-го *идеалы*, провозглашаемые нашими критиками и перешедшіе подъ перо не одного литератора и поэта, оказываются до настоящаго времени или

¹⁾ *Гражданскіе мотивы, Сборникъ г. Пятковского* стр. 1.

²⁾ *Гражданскіе мотивы, Сборникъ г. Пятковского* стр. 2.

явно неудовлетворительными, или *умышленно* туманными; а большинство писателей, любя обличеніе ради обличенія и отрицаніе ради отрицанія, обходится даже вовсе безъ идеаловъ. Наконецъ должно еще замѣтить, что, если крайне-обличительное и отрицательное направленіе могло быть сколько нибудь полезнымъ для литературы вообще, то для поэзіи и особенно для лирики совращеніе на эту колею было положительно вредно. Доказательствомъ тому могутъ служить, принадлежащія къ этой категоріи новыя произведенія г. *Бенедиктова* и стихотворенія г. *Розенгейма*.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

О г. *Бенедиктовъ* можно сказать, что онъ, какъ поэтъ, два раза пережилъ самъ себя. Въ основаніи его лирическихъ произведеній много холоднаго, придуманнаго, искусственнаго, но онъ сумѣлъ два раза скрыть эти недостатки подъ тѣми ложно блестящими приѣмами, восхищаться которыми настроена была публика, въ извѣстную минуту. И такимъ образомъ онъ произвелъ два раза эффектъ, который миновалъ вмѣстѣ съ модой и съ перемѣной обстоятельствъ. Въ первый разъ Бенедиктовъ блисталъ въ тридцатыхъ годахъ, когда шумиха, мишура и вычурность его поэзіи ослѣпили на мгновеніе публику. Тогда онъ писалъ въ такомъ, на-примѣръ вкусѣ:

Хороша она, родная
Ростомъ міру по-плечо,
Вся одежда ледяная,
Только—сердце горячо!

Читая подобные стихи, не сразу можно даже дагадаться, что это обращеніе къ Россіи. Говоря о звѣздахъ небесныхъ, Бенедиктовъ восклицалъ.

Звѣздочка,—къ вѣчности ключъ!

Скоро однако, мода на подобное направление миновала, публика разочаровалась и Бенедиктовъ почти умолкъ. Изрѣдка, кое-гдѣ являлись еще его пьески, но эффекта онѣ уже не производили и публика почти не обращала на нихъ вниманія. Это было время, когда каждая неудача, каждый фiasco были умышленно относимы и писателемъ и публикой на счетъ цензуры. «Нельзя писать.» «Нельзя сказать такъ, какъ-бы хотѣлось» — и все сходило съ рукъ. Тутъ оказался предлогъ не одному Бенедиктову замолкнуть, сохраняя въполнѣ собственное достоинство и не смотря на то, что тѣ-же самыя условія не мѣшали такимъ поэтамъ какъ на-примѣръ Лермонтовъ. Но въ началѣ минувшаго десятилѣтія, обстоятельства дали возможность представить глазамъ публики многое, что прежде не было удобно для печати. Теперь молчаніе уже не могло служить оправданіемъ литератору или поэту и на страницахъ періодическихъ изданій нашихъ стали являться имена, пришедшія почти во всеобщее забвеніе. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» явились стихи *Плещеева*, въ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ изданій мелькнуло и вновь исчезло имя *Подолинскаго*; а въ «Искрѣ» воскресли *Бернетъ* и *Бенедиктовъ*. Всѣ эти, вышедшіе вновь на сцену поэты, настроили свои лиры на скорбно-гражданскій, на обличительный, а отчасти и на патріотическій тонъ и казалось, задумали явить міру всю силу и прелесть таланта, который не могъ прежде выказаться во всемъ блескѣ. Между тѣмъ, прошло десять лѣтъ, гражданская скорбь и обличеніе вышли изъ моды и вмѣстѣ съ этимъ и имена Бернета и Бенедиктова вновь исчезли; а г. Плещеевъ хотя и является по временамъ на страницахъ журналовъ, но безцвѣтность и такъ-сказать, худосочность его произведеній ни для кого уже не тайна. Въ прежнее время у г. Бенедиктова и мысль, и выраженіе, и стихъ равно были вычурны и неестественны; въ началѣ-же минувшаго

десятилѣтія онъ явился съ стихомъ значительно упрощеннымъ, а иногда даже прекраснымъ, въ выраженіяхъ стало менѣе вычурности; но въ слѣдствіе искусственности настроенія преимущественно въ духѣ обличенія и гражданской скорби новыя стихотворенія г. Бенедиктова значительно холодны и эффектъ произведенный ими прошелъ невозвратно, какъ и то время, къ которому они относятся. Новыя стихотворенія г. Бенедиктова должно раздѣлить на три категоріи. Къ первой — принадлежать тѣ пьесы, въ которыхъ поэтъ выражаетъ ощущенія, относящіяся до его собственной личности и жизни. Въ стихотвореніяхъ этой категоріи г. Бенедиктовъ усиливается быть вполнѣ непринужденнымъ; но искусственность этой непринужденности обдаётъ читателя постоянно холодомъ. Для примѣра можно указать на пьесу подъ заглавіемъ:

БЛИЗОСТЬ.

Какъ близко небо здѣсь! Мнѣ кажется оно
Нагнулось, подошло и просится въ окно;
Прислушиваюсь: мнѣ его дыханье слышно.
Оно изъ-далека, изъ-за Балтійскихъ (?) водъ
Въ своихъ объятіяхъ мнѣ облако несетъ
Такое бѣлое и взбитое такъ пышно,
Съ такою нѣжною, пушистою каймой,
Что такъ-бы и прильнулъ усталой головой
Къ такому полному блаженства изголовью и проч.

Во второй категоріи принадлежатъ патріотическіе стихи г. Бенедиктова, написанные преимущественно во время крымской кампаніи и въ началѣ нынѣшняго Царствованія. По поводу «восточной» войны г. Бенедиктовъ въ иныхъ стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ въ пьесѣ: *Ваня и няня* доказываетъ, что война есть зло, что взрослымъ людямъ неприлично рѣшать вопросы дракой. Такъ разсуждаетъ маленький Ваня съ своей няней. Въ пьесѣ: *И туда*

въ подтвержденіе тѣхъ-же идей, Камчадалъ на приглашеніе стрѣ-
лать въ англійскихъ матросовъ, отвѣчаетъ:

. «стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью.»

Такимъ образомъ, ребенокъ и дикарь оказываются нравствен-
нѣе взрослыхъ людей и цивилизованныхъ націй. Приѣмъ не новый
и едва-ли не избитый. Стихотвореніе *Война и миръ*, доказывающее
также вредъ войны и пользу міра, оканчивается знаменательнымъ
намекомъ на заключенный послѣ крымской кампаніи миръ:

Жаль мнѣ тебя человѣчество! Бѣдное стадо!
Жаль..... но окончена брань: по домамъ-ратоборцы!
Слава, Всевышній, Тебѣ: есть Цари—миротворцы!...

Въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, принадлежащихъ къ третьей
категоріи выражаются преимущественно обличенія и гражданскія
стремленія. Не смотря на такую похвальную цѣль, на нерѣдко
звучный и ловкій стихъ, пьесы эти часто холодны по своей искус-
ственной развязности и по множеству въ нихъ лишняго. Такъ, въ
стихотвореніи: На новый 1857 годъ, поэтъ сообщаетъ, что въ
1856 году:

Кое-что сказалося
Съ разныхъ уголковъ;
Много завязалося
Новыхъ *узелковъ*.
Въ ходъ пошли вопросы
А отвѣты имъ
Кривы или косы—
Мы ихъ распрямимъ.
Добрыхъ *дѣйствій* сѣмя
Свѣтъ добрый Царь;
Дилатится время
Что дремало встарь и проч.

Далѣ, г. Бенедиктовъ утверждаетъ, что

Время полюбило
Правду на-юло:
Правдѣ-жъ дай, чтобъ было
Все вокругъ свѣтло!
Дѣйствуй правду множа,
Будь хоть чиномъ малъ,
Да умомъ вельможа,
Сердцемъ *генералъ* и проч.

Къ этимъ тремъ категоріямъ можно прировнять болѣе или менѣе всѣ новыя стихотворенія г. Бенедиктова. Они лучше его прежнихъ произведеній по внѣшнимъ формамъ; но по искусственной развязности, по холоду и незатѣйливости концепціи они не могли пережить эпохи явленія своего на свѣтъ.

РОЗЕНГЕЙМЪ.

Сколько искусственности у г. Бенедиктова, столько простоты въ стихахъ г. *Розенгейма* при такой-же незатѣйливости, повседневности, а иногда и тривиальности концепціи. Обличеніе и гражданская скорбь выражаются у г. Розенгейма собственно какою-то рифмованной, порою довольно звучной прозой и почти-что безъ образовъ. Самъ г. Розенгеймъ въ одной изъ пьесъ, вошедшихъ въ собраніе его стихотвореній, изданное въ 1858 г. откровенно признается, что онъ пишетъ стихи *по дому, по желанію добра отчизнѣ, безъ притязаній на искусство*. По замѣчанію Добролюбова, г. Розенгеймъ «ничего болѣе не хочетъ, какъ только искорененія злоупотребленій и установленія порядка на религіозно—нравственномъ основаніи, о чемъ онъ и говоритъ почти въ каждомъ стихотвореніи.» ¹⁾ Въ другомъ изъ своихъ стихотвореній г.

¹⁾ Сочиненія Н. Добролюбова 1862 г. Т. IV стр. 328.

Розенгеймъ объявляетъ, что онъ намѣренъ «обличать страсть неправого стяжанья,» «себялюбіе и лѣнь.» Въ этихъ словахъ вся программа творческой дѣятельности г. Розенгейма. Конечно фантазія,—этотъ важный ингредиентъ въ истинной поэзіи, не можетъ не оказаться скудной при такой программѣ и поэту при такихъ условіяхъ трудно выйти за тѣсный кругъ дидактическихъ гномовъ, приходящихся съ родни арифметическимъ правиламъ въ стихахъ или приемованному изложенію географіи; но какъ бы то ни было, а г. Розенгеймъ въ началѣ минувшаго десятилѣтія имѣлъ замѣтный успѣхъ и даже въ настоящее время онъ еще имѣетъ весьма многихъ почитателей, которые готовы поставить его выше иныхъ истинныхъ поэтовъ, *не столько за поэзію его стиховъ, сколько за ихъ пользу*, за то, что г. Розенгеймъ могъ-бы справедливо сказать «я не поэтъ, а обличитель,» подобно тому, какъ другой, богѣе талантливый дѣятель въ нашей литературѣ, скромно выразился о себѣ:

Я не поэтъ, а гражданинъ ¹⁾.

Замѣчательно, что вычурные стихи г. Бенедиктова и такъ-сказать, сухая поэзія г. Розенгейма, задавшись гражданской скорбью и обличеніемъ были встрѣчены при своемъ появленіи въ пятидесятыхъ годахъ почти съ одинаковой благосклонностью. Доказательство,—что причина успѣха заключалась не столько въ талантѣ поэтовъ, сколько въ настроеніи публики. И дѣйствительно, настроеніе это есть явленіе болѣе глубокое, чѣмъ оно можетъ показаться съ перваго разу. Не успѣло общество насладиться чистой поэзіей Лермонтова и Кольцова, какъ оно уже забываетъ прелесть непринужденной формы, возвышенность содержанія и предпочитаетъ повсе-

¹⁾ *Рылеевъ* см. посвященіе въ его поэмѣ: «Войнаровский».

дневный характеръ обличенія и протеста въ какой бы то ни было вычурной формѣ. Ясно, что обществу нужно было не поэзіи, а протеста и обличенія. Понятно по этому, почему г. Розенгеймъ отважился печатать такіе длинные и, по отсутствію всякой поэзіи, напоминающіе перо Сумарокова, стихи, какъ напримѣръ, сельская идиллія подъ заглавіемъ: *Недоимки*. Здѣсь обличается взяточничество волостнаго писаря и старосты Власа. Авторъ говоритъ:

У насъ писаря волостнаго правленья
Отнюдь не бездѣлка въ быту мужика и проч.

Далѣе онъ описываетъ сборъ недоимокъ съ мужиковъ; онъ изображаетъ, какъ приходятъ къ мужику, разговариваютъ съ нимъ, сказываютъ, сколько на немъ недоимки, какъ онъ торгуется съ писаремъ. Писарь говоритъ:

Лежитъ недоимки съ семьи Горбылева
Егора, три гривны и восемь цѣлковыхъ.

Мужикъ спорить, потомъ соглашается, упрасиваетъ, предлагаетъ полтину за отсрочку, староста ломается, писарь велитъ прикинуть:

И гривну, другую прикинетъ мужикъ,
И будто поддастся упрямый старикъ,
А писарь маячить: «еще братъ полтинку,
Такъ можно отсрочить и всю недоимку».

И отсрочить. Затѣмъ г. Розенгеймъ излагаетъ нѣсколько мыслей о справедливости и о казенномъ интересѣ... Добролюбовъ справедливо замѣтилъ, что «все это есть не болѣе, какъ плохое переложеніе въ стихи очень прозаическихъ фразъ.» Но почему-же тотъ-же самый критикъ г. Добролюбовъ относился снисходительно къ немнѣе—безцвѣтнымъ произведеніямъ г. Плещеева? Дѣло въ томъ, что

г. Добролюбовъ въ своемъ агитаторскомъ разочарованіи, озлобленіи и отрицаніи призналъ возникшія въ началѣ истекшаго десятилѣтія обличеніе, протестъ и постановку разныхъ общественныхъ вопросовъ, дѣятельностью бесплодной, неведущей ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. А Розенгеймъ говорить о возможности «установленія порядка на *религіозно-нравственномъ* основаніи» которое, конечно, не во вкусъ тенденцій г. Добролюбова, и притомъ у Розенгейма же еще встрѣчаются подобные стихи:

Мнѣ говорить, что я рискую,
Что слишкомъ смѣло говорю,
Не вѣрю.—Рѣчь веду такую
Затѣмъ, что *преданъ я Царю*.
Не искони-ль царей державныхъ
Сливалась Слава на Руси
Со славою Руси православной?
Это хочеть—лѣтопись спроси, и проч.

Но какъ-бы то ни было, редакторы повременныхъ изданій, слыша чутъемъ своимъ, какую пищу расположена была принимать публика, относились не такъ строго какъ Добролюбовъ къ обличительнымъ іереміадамъ г. Розенгейма и печатали ихъ на страницахъ своихъ журналовъ. Такимъ образомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» явились длинныя разсужденія въ стихахъ г. Розенгейма, обличавшія откупщиковъ и акціонерную лихорадку, взяточниковъ и взяточничество. Всѣ эти произведенія напоминаютъ болѣе или менѣе слѣдующіе стихи, въ которыхъ г. Розенгеймъ заставляетъ бѣса говорить каждому савовнику:

Смотри: вотъ картина твоихъ преступленій,
Рядъ длинный и темный неправедныхъ дѣлъ,
Обжорства и лѣни, и злу послабленій
Гляди и казися,—ты видѣть хотѣлъ.

Смотри: вотъ забвенъ о чести, законъ,
Подъ гнетомъ достоинство, лѣсть почтена,
Вотъ страдаетъ невинный, вотъ правда въ законъ,
Вотъ общая польза жиду продана.
Смотри: вотъ строитель казну обдираетъ,
Вотъ грабятъ опека наслѣдье сиротъ,
Любовница кражъ, какъ хочетъ играетъ,
Вотъ твой подчиненный законъ продастъ.
А здѣсь клевета не пощадно и грозно
Грызетъ и терзаетъ,—какъ бѣшеный волкъ,
Безумцевъ, что, святость присяги серьезно
Понявши, пытались исполнить свой долгъ и проч.

Вотъ къ какому результату привело примѣненіе къ лирикѣ протеста и обличенія.

Но протестъ и обличеніе не ограничились въ нашей лирической поэзіи только отношеніемъ къ средѣ гражданской жизни. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ стало проникать къ намъ съ запада направленіе, имѣвшее характеръ отрицанія и протеста относительно нашего социальнаго строя, который съ другой стороны не могъ неподвергнуться радикальному измѣненію въ началѣ нынѣшняго царствованія, вслѣдствіе коренныхъ преобразованій и особенно упраздненія крѣпостной зависимости. Сообразно этому двойному *противудѣйствию* дѣйствительно—неудовлетворительному социальному строю нашему и лирика наша сперва вооружалась духомъ выработанныхъ жизнью запада, непримѣнимыхъ для насъ воззрѣній, а потомъ стала просто громить и отрицать нашъ социальный строй, не предлагая въ замѣну никакихъ идеаловъ. Къ этому направленію въ нашей поэзіи относятся:

3) *Переломатели науперизма и социализма на русскіе нравы.*

Поворотъ нашей науки и литературы, а вмѣстѣ въ тѣмъ и поэзіи къ крайнему реализму произошелъ, какъ изложено выше, въ соро-

ковыхъ годахъ, въ одно время съ началомъ преобладанія такъ-называемой «натуральной школы.» Наука обратилась преимущественно къ историческимъ изслѣдованіямъ и къ популяризировацію у насъ естествовѣдѣнія; литература занялась изображеніемъ повсѣдневнаго быта чиновниковъ и низшихъ слоевъ общества до такой степени усердно, что уже Лермонтовъ воскликнулъ:

Съ кого они портреты ищутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ? .
А если и случилось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ!...

Лирика стала также чаще и чаще проникаться тяжелой атмосферой крестьянскаго быта и воспѣвать лохмотья и язвы нищеты. Ясно, что такое направленіе, подхваченное довольно горячо нашей наукой, литературой и искусствомъ было ничто иное, какъ протестъ. Критика аплодировала такому направленію. Но это направленіе пустило корни у насъ не сразу. Сперва нѣкоторые изъ публицистовъ и мыслителей нашихъ обратили вниманіе на тѣ социальныя утопіи, которыя блеснувъ, какъ заманчивый метеоръ на западѣ, ослабили и отуманили нѣсколько пылкихъ головъ, не приведя ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Затѣмъ, журналистика стала знакомить наше общество въ формѣ писемъ изъ-за границы ¹⁾ и литературныхъ хроникъ съ этими утопіями и изъ подобныхъ статей, испещренныхъ намеками и наведеніями на наши собственныя условія, публика узнавала какъ *новость* и какъ *идеалъ* то, что на Западѣ начинало уже терять кредитъ. Имена систематиковъ - утопистовъ, *Конта*, *Шьера-Леру*, *Бюше* и другихъ замелькали на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій. Затѣмъ пошли толки о *кабетистахъ* *фаланстеріанахъ*, *коммунистахъ* и *соціалистахъ*, и вмѣстѣ съ

1) См. *Парижскія письма* въ «Современникѣ» за 1848 г.

тѣмъ стали судить и ридить объ *Отцѣ-Анфантенѣ, Сень-Симонѣ* и проч., пока въ 1848 г. не перешли преимущественно къ *Прудону* и къ *Луи-Блану*. Между тѣмъ въ социальной революціи, которая охватила тогда Францію и исходъ которой не могъ еще быть ясенъ для нашего общества, уже обозначились нѣкоторыя черты, въ которыхъ нельзя было не признать родственнаго сходства съ тѣми возгласами, которыя повторяли «съ чужого—голоса» нѣкоторые изъ нашихъ крайнихъ доктринеровъ. Во Франціи, незадолго до февральской революціи, по свидѣтельству историка, «вся дѣятельность партизановъ республики обратилась на низшіе слои народа. Ученіе *Сень-Симона, Фурье* и въ особенности *Бабефа* гораздо живѣе говорило интересамъ рабочихъ классовъ, нежели требованія политической свободы. У республиканскихъ писателей явилась особенная нѣжность къ рабочимъ классамъ, пошли безконечныя толки о *страданіяхъ пролетаріата*, существенный смыслъ которыхъ заключался въ слѣдующемъ: «учредите республику, сдѣлайте насъ диктаторами, а мы *отдадимъ вамъ всѣ богатства высшихъ классовъ* и сдѣлаемъ васъ навсегда счастливыми» ¹⁾. Все это возбудило въ нашемъ обществѣ живое любопытство, и заставляло подозрѣвать въ нелегко-доходившихъ къ намъ съ Запада утопіяхъ, пророческую рѣчь о рациональномъ и свѣтломъ будущемъ. Тогда-то ученые статьи, проникнутыя этимъ духомъ, публицисты, говорившіе въ этомъ направленіи и поэты, настроившіе свои лиры на этотъ ладъ, встрѣчены были съ привѣтомъ и съ поощреніемъ нашей критикой, а слѣдовательно и обществомъ. Должно при этомъ замѣтить, что критика умалчивала, а большинству общества было

¹⁾ *Февральская революція во Франціи* статья г. Ржевскаго, помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1863 г. с.р. 10.

неизвѣстно, до какой степени эти социалистическія утопіи, провозглашенныя у насъ какъ сама истина и идеаль,—оказались на Западѣ несостоятельными, получивъ даже полную возможность заявить себя на практикѣ. Публика наша не приняла къ серіозному соображенію, какое окончательное паденіе испытали въ 1848 году на знаменитыхъ «конференціяхъ» въ Люксамбургскомъ дворцѣ, высказанныя свободно, безъ всякихъ стѣсненій и при самыхъ благоприятныхъ для нихъ условіяхъ теоріи Луи-Блана. До всего этого большинству нашего общества не было дѣла; оно видѣло неудовлетворительность тѣхъ условій, въ которыхъ само находилось, оно слышало, что на Западѣ открыта какая-то панацея и искало случая усвоить себѣ ее. Тогда-же насытившись вдоволь романами школы *Евгенія Сю* и *Жоржъ-Санда*, наше общество обратилось съ симпатіей къ нашимъ «Бѣднымъ Людямъ» ¹⁾ и къ роднымъ пріютамъ блѣдной нищеты, или разврата. Тѣ-же произведенія, въ которыхъ изображалось угнетенное и страдальческое положеніе простаго народа читались, пересчитывались и почти заучивались наизусть; при чемъ совершенно упускалось изъ виду, что верхніе слои общества, относившіеся, правда, очень не нормально, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не гуманно къ низшимъ, далеко не находились однако сами по себѣ въ положеніи, которое-бы не оставляло ничего желать. Безобразныя явленія были приняты за причину и все вооружилось противъ нихъ, не обращая вниманія на источникъ этихъ явленій. Тутъ наступила эпоха коренныхъ внутреннихъ преобразованій и особенно упраздненія крѣпостной зависимости въ Россіи. Лирика наша не отставала отъ общаго настроенія.

¹⁾ Извѣстный романъ Ф. Достоевскаго.

НЕКРАСОВЪ.

Начало извѣстности г. Некрасова должно отнести къ сороковымъ годамъ.

Талантъ г. Некрасова безспорно истинный и сильный; но къ сожалѣнію не до такой степени сильный, чтобы оставаться *независимымъ и въ полномъ обладаніи художника*. На произведеніяхъ Некрасова болѣе всего видно, какъ *вредно отражается въ лирикахъ подчиненіе ея мѣсту, времени и средѣ*, въ которыхъ поэтъ развивается. Эта *тройственная зависимость* постоянно угнетала и угнетаетъ значительную творческую способность г. Некрасова. Онъ самъ сознается въ этомъ, въ піесѣ:

СОЗНАНІЕ.

Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убитъ подъ тяжестью труда
И потомъ бѣловнемъ свободы,
Другомъ лѣни—не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риемованныя звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ....

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло чтонибудь изъ нихъ....
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорающая любовью....и проч.

Это сознаніе въ высшей степени важно. Поэтъ самъ видитъ зависимость, подъ гнетомъ которой находится его творчество, видитъ что въ стихахъ его *нѣтъ поэзіи свободной* и что въ нихъ *творящее искусство* подавлено *торжествомъ мстительнаго чувства*, тогда какъ *любовь*, безъ которой нѣтъ истинной поэзіи, — *догораетъ*. Страшная исповѣдь художника! Но эта исповѣдь, къ сожалѣнію, не выдуманна имъ. Дѣйствительно Некрасовъ, какъ поэтъ, не сумѣлъ освободиться отъ преходящихъ условій и на произведеніяхъ его *отяготили условія его дѣтства, условія того времени, къ которому относятся эти произведенія, условія мѣста, въ которомъ развились зрѣлые годы его жизни—* (*жизнь въ столицѣ*) и все это значительно исказило тѣ искреннія отношенія къ народу, къ которымъ онъ по природѣ своей способенъ и которыя мелькаютъ по временамъ перлами истинной поэзіи въ его большихъ стихотвореніяхъ, всегда невыдержанныхъ по причинѣ упомянутой *тройственной зависимости*. Условія, при которыхъ шло дѣтство Некрасова, были, какъ видно, трудны для свободнаго развитія таланта. Въ стихотвореніи *Муза* онъ говоритъ:

Нѣтъ, Музы ласково-поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!...
....Но рано надо мной отяготили узы
Другой, недасковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы, печальныхъ бдѣнокъ
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей
Всечасно жаждущей, униженно—*просящей*
Которой золото—*единственный кумиръ....*
Черезъ бездны темныя насилія и зла
Труда и голода она меня вела и проч.

Еще яснѣе и образнѣе рисуетъ г. Некрасовъ первыя впечатлѣнія дѣтства своего въ стихотвореніи, хотя и отиѣченномъ заглавіемъ

изъ *Ларры*, но слишкомъ отзывающемся русскимъ бытомъ для стихотворенія переводнаго:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Дожились грубыя черты.

Наконецъ, тотъ-же мрачный міръ, окружавшій раннее дѣтство поэта, изображёнъ въ пьесѣ уже прямо озаглавленной:

РОДИНА.

И вотъ они опять знакомы мѣста
Гдѣ жизнь отцевъ моихъ бесплодна и пуста
Текла среди пировъ, безмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житію послѣднихъ барскихъ псовъ....
....Гдѣ отъ души моею, *довершенно растлѣнной*,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жегъ....

Эти строки ясно показываютъ, съ какимъ уже готовымъ настроеніемъ духа вступилъ въ жизнь поэтъ и какъ сами обстоятельства расположили его къ сильному протесту противъ общественныхъ золъ, тревожившихъ его еще съ дѣтства и къ сатирѣ нѣсколько личной, вымученной, а потому—*озлобленной и непримиримой*. ¹⁾ Подобныя стихотворенія г. Некрасова, по мѣткому замѣчанію поэта А. Григорьева, суть плодъ «всеобщаго протеста въ нашей литературѣ противъ горькой дѣйствительности, протеста страстнаго, жар-

¹⁾ Библіотека для чтенія 1864 г. «Разборъ стихотвореній Некрасова.»

каго, энергическаго, протеста, *доходившаго до клеветы на дѣйствительность.*» Далѣе Григорьевъ оправдываетъ «этотъ односторонній протестъ, какъ единственную силу, которою могла себя проявлять въ то время живая и страстная мысль въ литературѣ. Задерживаемый въ своемъ главномъ, прямомъ источникѣ, протестъ,» продолжаетъ г. Григорьевъ, «долженъ былъ въ то время *по необходимости* вырываться мелкими, боковыми струйками, удариться въ подробныя обличенія всевозможныхъ сторонъ дѣйствительности. Протестъ этотъ какъ объяснено выше, существовалъ и въ наукѣ; въ беллетристикѣ онъ выразился преимущественнымъ изображеніемъ бѣдности, угнетенія и всяческихъ униженій и оскорбленій слабого. Онъ выражался и въ лирической поэзіи выборомъ сюжетовъ озлобляющихъ, волнующихъ, *питавшихъ недовольство* *всѣмъ общественнымъ строемъ.* О *типичности*, общности изображаемыхъ событій и вообще о *жизненной правдѣ* выводимыхъ лицъ думали мало. Требовались по преимуществу темы потрясающія, возмущающія.... При такихъ-то условіяхъ и началъ поэтическую свою дѣятельность г. Некрасовъ.» ¹⁾ Въ этомъ очеркѣ г. Григорьева вѣрно изображена та эпоха, которая вслѣдъ за несчастными впечатлѣніями дѣтства *легла вторымъ тяжелымъ игомъ на свободу творчества* въ произведеніяхъ г. Некрасова. Но при какихъ-бы трудныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ талантъ поэта ни развивался, подчиненіе истинныхъ художественныхъ цѣлей этимъ обстоятельствамъ не можетъ быть оправдано потому, что оно будетъ всегда въ ущербъ самому произведенію художника. Обществу свойственно увлекаться, масса можетъ доходить въ своемъ протестѣ *до клеветы на дѣйствительность* подъ вліяніемъ впечатлѣнія ми-

¹⁾ Тамъ-же стр. 11.

нуты; но художникъ обязанъ поставить себя выше увлеченія массы и идти впереди ея. Онъ творить для будущаго и потому, рѣзкость настоящаго впечатлѣнія онъ долженъ уметь умѣрять законами вѣчной истины и тогда произведеніе его будетъ прочно и переживетъ ту минуту, въ которую оно создано. Не таковъ г. Некрасовъ; онъ не властелинъ своего творчества. Онъ у насъ, по справедливому замѣчанію газеты «День», «одинъ изъ полнѣйшихъ представителей поколѣнія сороковыхъ годовъ. Идеи нашего тогдашняго передоваго большинства, духъ и настроеніе, по преимуществу господствовавшіе въ тогдашнемъ обществѣ, и особенно въ журнальномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ тогда г. Некрасовъ, нашли въ немъ яркое и полное себѣ выраженіе. Если онъ поэтъ, то по преимуществу именно этого періода». ¹⁾ Здѣсь должно еще замѣтить, что идеи Бѣлинскаго, не какъ критика, обладавшаго замѣчательнымъ художественнымъ чутьемъ, но какъ агитатора, который часто заглушалъ въ немъ безпристрастнаго критика,—вредно отразились на развитіи таланта г. Некрасова. Вотъ почему, газета «День» совершенно основательно утверждаетъ, что г. Некрасовъ не двигатель, не властитель думъ своего поколѣнія, но *самъ его непосредственное созданіе*,—не руководитель толпы или вѣщій истолкователь ея движеній,—но всегда лишь невольный и самый искренній ея представитель. Поэтъ не первоклассный, онъ не стоитъ выше своего времени для того, чтобы могъ отнестись къ нему съ самообладаніемъ. Его лира никогда не достигаетъ той высоты строя, откуда вся проходящая передъ глазами поэта дѣйствительность—каковы-бы ни были ея уклоненія въ темную сторону,—не утрачиваетъ для него своего положительнаго значенія Божьей правды и красоты,—той

¹⁾ День 1864 г. № 43.

высоты строя, при которой самыя эти уклоненія для поэта лишь рѣзче отбѣняютъ и выясняютъ его собственный идеалъ. ¹⁾ Вредъ такой рабской зависимости г. Некрасова отъ настроенія той эпохи въ которую его талантъ получилъ свое первоначальное серьезное развитіе, не замедлилъ оказаться на дѣлѣ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Крыловъ и Лермонтовъ дѣйствовали не въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ г. Некрасовъ и между тѣмъ, ихъ произведенія свѣжи и возвышенны до настоящей минуты, тогда какъ многое у г. Некрасова уже анахронизмъ. Многіе изъ протестовъ его теперь могутъ показаться общими мѣстами, такъ они заѣзжены второстепенными обличителями, или даже представляются устарѣлыми жалобами на исчезнувшее зло. Сатира его потеряла силу потому, что нѣкоторыя изъ бичуемыхъ ею явленій отжили или значительно ослабѣли и потому, возбужденное ими въ поэтѣ одушевленіе кажется не соотвѣтствующимъ предмету. Таковы всѣ мѣста сатиръ г. Некрасова, касающіяся злоупотребленій отиѣннаго теперь крѣпостнаго права. Также много потеряла обаянія сатира г. Некрасова во всемъ томъ, гдѣ она касается даровитыхъ, честныхъ, но въ нищетѣ и гоненіи погибающихъ натуръ,—тема, которая въ наше время едва-ли не составляетъ анахронизма. Между тѣмъ, какъ изложено выше, творчество г. Некрасова, подъ гнетомъ печальныхъ впечатлѣній дѣтства и настроенія господствовавшего въ сороковыхъ годахъ, вооружившись сатирой и протестомъ, обратилось преимущественно къ изображенію нужды, горя, скорби, униженія и порока въ его самомъ грубомъ, непривлекательномъ и натуральномъ видѣ. Но и тутъ кромѣ вліянія дѣтскихъ годовъ поэта и эпохи сороковыхъ годовъ, явилось еще какъ новый гнетъ, *третье*, въ высшей

¹⁾ «День» 1864 г. № 43 стр. 18.

степени вредное для свободы таланта г. Некрасова, *вліяніе*,—а именно, *вліяніе мѣста, вліяніе впечатлѣній, обстановки и условій столичной жизни*, среди которой окончательно развился его талантъ. Имѣя много данныхъ для того, чтобъ отнестись правильно и непосредственно къ простолюдину, къ массѣ народа русскаго, г. Некрасовъ, увлеченный соціалистическими утопіями сороковыхъ годовъ и впечатлѣніями столицы,—обращается какъ *къ народу*, къ рабочему классу, къ извозчику, къ огороднику, къ развратной женщинѣ, къ швеѣ и проч. Такимъ образомъ, дѣятельность г. Некрасова сѣзусилась, обусловившись жизнью поэта въ столицѣ, гдѣ ярче и выпуклѣе выступаютъ на видъ всѣ крайности общественныхъ положеній, гдѣ, при средоточіи всѣхъ силъ Россіи, скопляются и нагло выдвигаются на показъ, какъ и во всякой столицѣ, всѣ пороки, разѣдающіе нашъ общественный организмъ. Вотъ почему сатира г. Некрасова нерѣдко эффектно и невѣрно примѣняетъ къ русской жизни несвойственныя ей черты французскаго или англійскаго пауперизма. Таковы его стихотворенія: *О погоды, Убогая и нарядная, Княгиня, Несчастные, Въ больницу, Филантропъ* и многія другія, которыя всѣ проникнуты болѣе или менѣе чуждыми русской жизни элементами. Можно-ли, на-примѣръ, не найти «протеста противъ дѣйствительности *доходящая до клеветы* въ пьесѣ: *«Буду-ли ночью по улицѣ темной»*, гдѣ поэтъ примѣняетъ къ намъ картину, напоминающую крайности манеры Виктора Гюго и ему подобныхъ:

.. Мужъ тебѣ выпалъ недобрый на долю
Съ бѣшеннымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорилась,—ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной....

Помнишь-ли день, какъ больной и голодный
Я унывалъ выбивался изъ силъ?....
....Плакалъ твой сынъ и холодныя руки
Ты согревала дыханьемъ ему.
Онъ не смолкалъ—и пронзительно—звонокъ
Былъ его крикъ....Становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ....
Бѣдная! слезъ безразсудныхъ не лей!
Съ горя да съ голода завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купить хозяинъ, съ проклятьемъ три гроба—
Видѣвъ свезутъ и положить рядкомъ....

Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню, была ты блѣдна и слаба,
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума
Въ сердцѣ твоёмъ совершилась борьба.
Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили. . . .
Случай насъ выручилъ? Богъ-ли помогъ?
Ты не спѣшила печальнымъ признаньемъ
Я ничего не спросилъ,
Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
Только угрюмъ и озлобленъ я былъ. . . . и проч.

Таковы недостатки сатиры, протеста и вообще отрицательныхъ произведеній г. Некрасова. Эти недостатки, *плоды тройственного угнетенія*, въ которомъ, какъ сказано выше, находится талантъ этого замѣчательнаго поэта,—отражаются, къ сожалѣнiю, и на тѣхъ произведенiяхъ, въ которыхъ г. Некрасовъ обращается къ настоящему русскому народу, въ которыхъ замѣтна положительная сторона его таланта, въ которыхъ находятся *мѣстами* перлы истинной поэзіи и изъ которыхъ можно понять, чѣмъ могъ-бы г. Некрасовъ подарить

нашу литературу, если-бы не подчинилъ свое свободное творчество анти-художественнымъ цѣлямъ. . . . Такъ въ его стихотвореніи: *Въ дорогѣ* правда содержанія затемнена искусственной вычурной формой, поддѣлкой подъ народную рѣчь. Въ его поэмахъ: *Коробейники* и *Морозъ-красный—носъ* рядомъ съ неподдѣльными идиллическими красотою, рядомъ съ достоинствами, напоминающими силу таланта Кольцова, слышатся очень не ловко протесъ и сатира столичнаго жителя, не чуждаго увлеченія, потерявшими уже кредитъ социалистическими топіями. По этому, въ «Библіотекѣ для чтенія» совершенно справедливо сказано, что должно признавать довольно скудными результаты добросовѣстныхъ усилій г. Некрасова по отношенію къ объективному воспроизведенію народности, по отношенію къ чистому матеріалу народныхъ элементовъ, внесенному г. Некрасовымъ въ нашу умственный оборотъ. За исключеніемъ двухъ, трехъ стихотвореній, гдѣ авторъ достигъ почти художественнаго воспроизведенія народнаго быта, во всѣхъ остальныхъ народныхъ черты, вводимыя авторомъ, являются постоянно не въ своемъ типическомъ, самостоятельномъ видѣ, но сообразно той или другой задачѣ, предвзятой сообразно *тому или другому настроенію духа, и смотря по вліянію господствующихъ литературныхъ тенденцій* и т. д. ¹⁾ По этому крайне ошибается «Русское Слово», которое въ увлеченіи, подходящими для его собственныхъ узкихъ цѣлей, сторонами таланта г. Некрасова, провозглашаетъ его поэтомъ народнымъ и съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что у него «очень мало стихотвореній, гдѣ героемъ является не народъ ²⁾». «Это невѣрно. Некрасовъ не столько народенъ, сколько онъ поэтъ субъективный, поэтъ извѣстнаго литературнаго кружка

¹⁾ «Библіотека для чтенія» 1864 г. Статья о Некрасовѣ II стр. 4 и 5.

²⁾ «Русское слово» 1864 г. № 10 статья о Некрасовѣ, стр. 81.

и направленія, господствовавшаго въ концѣ сороковыхъ годовъ и наконецъ,—поэтъ неудовлетворительныхъ сторонъ столичной жизни. Что же касается до народности г. Некрасова, то, не смотря на то, что во многихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ стремится возбуждать въ читателяхъ чувство состраданія къ народу, г. Некрасовъ въ произведеніяхъ народнаго быта и жизни болѣе обнаруживаетъ раздраженія и злости, чѣмъ той возвышенной любви, безъ которой нѣтъ истинно-высокой поэзіи. И нельзя въ заключеніе не замѣтить, что г. Некрасовъ, взывающій такъ часто о сожалѣніи къ народу, самъ написалъ одну пьесу, которая рѣзко отрицаетъ всякую вѣру въ чувство любви г. Некрасова къ этому народу. Ни одинъ заклятый врагъ нашего народа никогда не бросалъ въ него съ такой злостью и съ такимъ полнѣйшимъ презрѣніемъ грязью и обидой, какъ позволилъ себѣ это, къ истинному сожалѣнію, г. Некрасовъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
Дрался—тебѣ и книги въ руки,
Да дай сказать словцо и мнѣ:
Мы сами дѣлывали шути.
—Какъ затесался къ намъ французъ,
Да увидалъ, что проку мало,
Пришолъ онъ, помнишь ты, въ конюзу
И на понятный тотчасъ дало:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ *тремя щенками*.
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рветъ волоса,—*глядимъ да тужимъ*
Жаль стало,—топоричемъ хватъ—
И протянулась рядомъ съ мужемъ!
Глядь: *дѣти*! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
Лепечутъ—не поймешь словца—
И въ голосъ, бѣдненькія плачутъ.

Слеза, прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? Мы долю толковали,
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ есть и закопали. . . .
—Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли сложа руки,
И хотъ не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!—

Всякое художественное произведеніе должно быть прежде всего типично; иначе,—изъ какого побужденія художникъ станетъ творить? Неужели же русскій народъ находится на такой низкой степени развитія, что можетъ убивать беззащитныхъ женщинъ и невинныхъ дѣтей *изъ жалости* и не въ минуту увлеченія, а послѣ того какъ *долю толковали*? Неужели этотъ народъ можетъ, рассказывая объ этомъ спустя много времени, называть еще бѣдныхъ убитыхъ малютокъ—*щенками* и говоря, *мы не сидѣли сложа руки*, хвастаться какъ подвигомъ такимъ *тупоумнымъ злодѣйствомъ*, и хвастать передъ воинами—честнымъ защитникомъ своего отечества? Нѣтъ, если бы подобное безобразное исключеніе и могло, къ прискорбію, гдѣ-либо встрѣтиться, то поэтъ, если онъ желаетъ имѣть право, когда-либо и въ какомъ-бы то нибыло смыслѣ называться «другомъ народа»,—не позволить себѣ распространять подобнаго факта въ видѣ стихотворенія полного злорадной сатиры. . . . И замѣчательно, что въ то время, когда ярые обличители наши обличали взапуски каждого пьянаго праздношатающегося, никто изъ нихъ и не подумалъ изобличить это посягательство на честь нашего народа. . . . Какъ-же г. Некрасовъ, приглашающій всѣхъ жалѣть народъ, могъ написать подобное стихотвореніе? Удовлетворительный отвѣтъ на это заключается въ стихахъ г. Некрасова-же о самомъ себѣ, въ стихахъ, которые, какъ

эпиграфъ, могутъ быть выставлены при разборѣ произведеній г. Некрасова:

Тѣ сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть!

Остановясь на разборѣ произведеній г. Некрасова съ намѣреніемъ долѣе и подробнѣе, чѣмъ на произведеніяхъ другихъ лириковъ нашихъ потому, что на развитіи таланта г. Некрасова особенно рельефно замѣтенъ вредъ того направленія, которое преобладаетъ въ нашей лирикѣ въ послѣднія десять лѣтъ,—вредъ подчиненія чистаго искусства постороннимъ цѣлямъ,—можно уже вкратцѣ упомянуть объ остальныхъ поэтахъ—перелагателяхъ пауперизма и социализма на русскіе нравы.

НИКИТИНЪ.

Самобытнѣе другихъ послѣ Некрасова былъ, рано скончавшійся, поэтъ *Никитинъ*. Онъ по своимъ внѣшнимъ приѣмамъ былъ замѣчательнымъ послѣдователемъ Кольцова; но по направленію онъ во многихъ изъ своихъ произведеній подходитъ къ тѣмъ лирикамъ, которыя задались темой гражданской скорби и изображеніемъ угнетенія, разврата и страданія простаго народа. Такова его пьеса «*Вхалъ изъ ярмарки ухорь-купецъ*,» пьеса въ которой изображено, какъ крестьяне отецъ и мать продаютъ купцу свою дочь на развратъ. Таковы многія мѣста и въ извѣстной поэмѣ Никитина—*Кулакъ*. Другіе лирики наши, принадлежащіе къ этому же направленію, не обладаютъ до такой степени значительнымъ талантомъ, чтобы своей собственной творческой фантазіей, подобно г. Некрасову или Никитину, изображать русскій народъ съ несвойственными ему чертами социализма или пауперизма и потому они предпочли другой, болѣе легкій приѣмъ. Они обратились къ переводамъ съ иностранныхъ

языковъ тѣхъ именно лирическихъ піесъ, въ которыхъ изображены яркими красками неудовлетворительныя стороны общественной жизни на Западѣ со всѣми язвами пролетаріата, и въ этихъ переводахъ стараются внѣшними формами стиха, выраженій, или передѣлкой содержанія напомнить нѣкоторыя явленія изъ нашей жизни. Таковы: *М. Михайловъ*, лучше всѣхъ переводящій на русскій языкъ стихи Гейне, *В. Костомаровъ*—переводившій изъ Бориса и другихъ, переведшій также, какъ и г. Михайловъ знаменитую *Пісню о рубашкѣ Т. Гуда*. Они внесли въ нашу литературу мало-извѣстный у насъ родъ стихотвореній, изображающихъ бѣдствія и страданія рабочаго класса. Но изъ подобныхъ поэтовъ—переводчиковъ приобрѣлъ у насъ болѣе другихъ извѣстность г. *Курочкинъ*. Обладая легкимъ, гибкимъ и звучнымъ стихомъ г. Курочкинъ посвятилъ себя преимущественно не переводамъ, а передѣлкѣ на русскій ладъ піесенъ Беранже. Сохраняя часто духъ подлинника, онъ очень ловко умѣетъ примѣнять разные куплеты Беранже къ нашимъ современнымъ обстоятельствамъ, такъ что въ сущности Беранже является только слѣпымъ орудіемъ и подъ прикрытіемъ его имени г. Курочкинъ преслѣдуетъ свои цѣли напримѣръ: извѣстно какъ въ послѣднее время пристрастно смотритъ періодическая литература наша на отношенія нашего дворянскаго сословія къ народу; г. Курочкинъ, принадлежа къ гонителямъ высшихъ слоевъ нашего общества, переводитъ извѣстную піесу Беранже: *Маркизъ де-Караба*, гдѣ, между прочимъ, находятся подобные стихи:

....Слушать поселяне!
Къ вамъ невѣждамъ, дряни
Самъ держу я рѣчь.
Я—опора трона;
Царству оборона
Мой дворянскій мечъ.

Гнѣвъ мой возгорится!
И хоть кто смирится!
Вотъ какой храбрецъ и проч.
.....Не люблю стѣсненія!
Подати съ имѣнья,—
Знать ихъ не хочу!
Облеченъ дворянствомъ
Государству чванствомъ
Я свой долгъ плачу!....

Мнѣ почетъ и слава,
Чтобъ дворянства право
Свято и вполнѣ
Въ этомъ блескъ цромкомъ
Перешло къ потомкамъ.
Вотъ какой храбрецъ!... и проч.

Въ заключеніе должно сказать нѣсколько словъ о произведеніяхъ тѣхъ нашихъ стихотворцевъ, которые по своей дѣятельности суть собственно:

4) Эпиграмматисты, пасквилисты и нигилисты.

Стихотворныя произведенія съ этимъ направленіемъ явились въ особенно значительномъ количествѣ въ истекшее десятилѣтіе. Начавшись простой пародіей, этотъ родъ литературы дошелъ постепенно до низведенія на степень смѣшнаго и пошлаго всего того, что неблагопріятствуетъ стремленіямъ и цѣлямъ литературныхъ кружковъ, въ которыхъ эти эпиграмматисты, пасквилисты и нигилисты суть такъ-сказать главные застрѣльщики. Дѣйствіе этого рода литературы на нашу публику весьма сильно. Являясь какъ представительница начала реакціоннаго существующему строю, какъ преслѣдовательница зла, какъ двигательница прогресса, какъ нѣчто двусмысленное и не всегда дозволенное, эта сторона литературы

нашей производить обаятельное впечатлѣніе на все легкое, недозрѣлое, а иногда и недобросовѣстное въ нашемъ обществѣ. Съ начала минувшаго десятилѣтія, при нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, а особенно при «Современникѣ» образовался для эпиграммъ и пародій особый отдѣлъ. Изъ произведеній этого рода получили извѣстность пародіи г. Панаева, который писалъ ихъ подъ псевдонимомъ: *Новый поэтъ*. Въ предисловіи къ полному собранію этихъ стихотвореній, которое издано въ 1855 г., Панаевъ утверждалъ, что занимаясь этимъ родомъ литературы, онъ имѣлъ въ виду единственно шутку, пародію и содѣйствіе критикѣ, съ цѣлью доказать, какъ легко писать рифмованныя, размыренныя и звучныя строки, лишенныя всякаго эстетическаго достоинства, принимаемыя многими близорукими людьми за поэзію. Дѣйствительно, въ стихотвореніяхъ *Новаго поэта* незамѣтно никакихъ другихъ цѣлей кромѣ чисто-литературныхъ. Но въ концѣ пятидесятихъ годовъ этотъ эпиграмматическій родъ литературы мало по малу начинаетъ переносить сарказмы и насмѣшки изъ области литературы на дѣйствительную жизнь. Эпиграммы стали иногда доходить до *пасквиля*, а насмѣшки,—до желчной брани. Эти черты можно было болѣе или менѣе подмѣтить, въ основавшемся при «Современникѣ» отдѣлѣ, подъ заглавіемъ *Свистокъ*, а при «Русскомъ Словѣ»—подъ заглавіемъ *Записки темнаго человека*. Въ «Свисткѣ» принималъ главное участіе г. Добролюбовъ, а подъ именемъ «Темнаго человека» писалъ г. Д. Минаевъ. Около того-же времени основались разные сатирическіе листки, изъ коихъ болѣе извѣстны *Весельчакъ*, *Искра* и *Заноза*. Тутъ рѣзкость эпиграммъ и пасквилей усилилась еще злостью и безцеремонностью каррикатуръ, изъ которыхъ многія были даже не карриатурами, а просто портретами. Все что не подходило подъ идеалъ этихъ сочинителей эпиграммъ и каррикатуръ

предавалось повору съ отважнымъ цинизмомъ. Какія бы заслуги ни имѣлъ иной государственный человѣкъ, публицистъ или педагогъ, но если дѣятельность ихъ не соответствовала видамъ нашихъ зюловъ-агитаторовъ, то имя ихъ, личность, а иногда и честь выставались ѣдко и часто не безъ таланта,—на поруганіе. Цензура пропускала многое, какъ отрывочные факты, но мало по малу изъ этого образовалась цѣлая совокупность произведеній вредно дѣйствующихъ на юношество, склоняя его къ легкомысленнымъ сужденіямъ, къ самообожанію и къ наглому презрѣнію всего, что не льстило *молодому поколѣнію* и не поддавалось подъ его вкусы, имѣя въ то-же время заднюю мысль: сдѣлать изъ этого поколѣнія слѣпое орудіе своихъ цѣлей. Общественная нравственность также не выиграла отъ безпрестанныхъ шутокъ и каррикатуръ въ нашихъ сатирическихъ листкахъ, провозглашавшихъ эманципацію женщины, выгоды проституціи, неуваженіе къ родителямъ и прочее. Не мудрено, что этотъ родъ литературы подъ перомъ и карандашемъ талантливыхъ людей скоро приобрѣлъ сильное вліяніе на большинство публики и даже сталъ дѣйствовать на наше общественное мнѣніе. Добролюбовъ самъ высказалъ, что вся эта фаланга сатирическихъ повременныхъ изданій полезна какъ средство *для колебанія нѣкоторыхъ авторитетовъ и для борьбы съ ними*. «Насмѣшкѣ и пародіи», по его словамъ, кромѣ собственно-литературныхъ цѣлей, «предстоитъ еще большая работа: *сопровождать русскую жизнь въ новомъ пути, который ей теперь открывается*, и преслѣдовать свисткомъ всякаго, кто безъ толку суется на этотъ путь и начнетъ тутъ вертѣться, *для не дѣлая а только мѣшая другимъ*». ¹⁾ И дѣйствительно, «Свистокъ», «Темный человѣкъ», «Искра» и дру-

¹⁾ Сочиненія Н. Добролюбова 1862 г. Т. III стр. 367.

гіе подобныя дѣятели приняли на себя цензуру общественныхъ нравовъ. Конечно все это множество шутокъ, пародій, эпиграммъ и проч. никакъ нельзя назвать лирической поэзіей; но этотъ родъ литературы предшествовалъ появленію въ лирикѣ нашей, такъ называемыхъ «нигилистическихъ» идей. Правда, нигилизмъ уже самъ по себѣ неблагопріятенъ поэзіи; тѣмъ не менѣе для популяризировація нѣкоторыхъ воззрѣній этого направленія можно взять лирику, какъ орудіе пропаганды. Пока одинъ только Добролюбовъ можетъ быть названъ представителемъ нигилизма въ нашей лирикѣ.

Мрачный и озлобленный тонъ его стихотвореній съ какимъ-то болѣзненнымъ ожесточеніемъ проповѣдуетъ идеи крайняго реализма. Такъ, напримѣръ, въ піесѣ, начинающейся стихомъ: *«Нѣтъ, мнѣ не мило и онъ, нашъ стѣверъ величавый»* Добролюбовъ, смотря на роскошную природу Италиі, говоритъ, что онъ будетъ доволенъ, если возвратится на родину, въ Россію, потому только, что:

.....свѣтомъ и тепломъ и роскошью созданы
Не станетъ стѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

Въ другомъ стихотвореніи, въ виду смерти, Добролюбовъ пишетъ:

Пускай умру печали мало;
Одно страшить мой умъ больной,
Что-бы и смерть не разыграла
Обидной шутокъ надо—мною:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усерды глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ,

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,

Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я,

—
Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.....

—
Едва-ли отрицательное направленіе въ формѣ лирической поэзіи можетъ идти далѣе этого..... Обращаясь къ Добролюбову, какъ къ критику нельзя не замѣтить, что вліяніе его было крайне невыгодно для развитія нашей изящной литературы вообще, а для лирики въ особенности. Бѣлинскій вѣрилъ еще въ возможность усвоенія намъ благодѣтельныхъ результатовъ Западной цивилизаціи, а Добролюбовъ не видѣлъ впереди никакого идеала, но стремился только заклеить презрѣніемъ и отрицаніемъ существующій порядокъ, не предлагая взамѣнъ ничего яснаго. Подъ вліяніемъ его *нигилистическаго* и жертвищаго разочарованія, подъ обаяніемъ его замѣчательнаго таланта литература наша окончательно отшатнулась отъ своего прямого назначенія и стала служить политической и социалистической пропагандѣ. Изящныя произведенія стали оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ практической примѣнимости къ обиходнымъ потребностямъ жизни и по степени соотвѣтственности ихъ гражданскимъ и общественнымъ потребностямъ извѣстной минуты, а нерѣдко и по мѣрѣ солидарности ихъ съ разными революціонными тенденціями....

II.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сто лѣтъ минуло съ той поры, когда въ Эрмитажѣ Зимняго Дворца, въ присутствіи Великой Государыни, никому еще тогда неизвѣстный молодой человѣкъ, *Фонъ-Визинъ*, читалъ своего «Бригадира» ¹⁾ первую самобытную русскую комедію. Въ этомъ произведеніи, равно какъ и въ слѣдовавшемъ за нимъ «Недорослѣ», впервые сказалось то направленіе, которому суждено было слѣдовать нашей національной драматической литературѣ. Направленіе это имѣетъ, по преимуществу, характеръ *сатиры, обличенія, протеста*. Ни комедія «типовъ» (*Comédie de Caractère*), въ смыслѣ изображенія общечеловѣческихъ характеровъ, съ ихъ пороками, опасными или смѣшными слабостями и заблужденіями, независящими отъ времени и мѣста, но вѣчно присущими человѣческой природѣ, какъ ее понималъ Мольеръ, ²⁾ ни комедія «интриги», (*Comédie d'intrigue*) какъ мы видимъ ее у Мариво и Бомарше, ³⁾ ни Нѣмецкая мѣщанская драма, созданная Лессингомъ, неспособны были пустить корней на нашей почвѣ. Всѣ тѣ, напротивъ, произведенія нашей сцены, которыя усвоились нашему національному характеру которыя пережили своихъ творцовъ и въ общемъ признаны

¹⁾ См. соч. кн. П. А. Вяземскаго: «Фонъ-Визинъ.»

²⁾ *L'Avare, Tartuffe, le Misanthrope* и пр. и пр.

³⁾ *Les fausses confidences, Les jeux de l'amour et du hasard*, трилогія Фигаро и проч.

ва *народных*, въ которыхъ выражается непосредственное воззрѣніе русской мысли на русскую жизнь, всѣ они отмѣчены тѣмъ же направленіемъ, о которомъ мы упомянули. Мы можемъ прослѣдить въ нихъ на протяженіи цѣлаго столѣтія, непрерывное теченіе одной и той же струи, неизмѣнное преслѣдованіе одной и той же задачи. Эта задача, какъ живая, непреложная потребность русской мысли, завѣдомо или бессознательно, сказывается во всѣхъ капитальныхъ произведеніяхъ, завѣщанныхъ намъ драматическими нашими писателями, въ комедіяхъ *Фонъ - Визина*, *Капниста*, *Грибоедова*, *Гоголя*. Крайній выводъ каждой изъ нихъ есть *всѣми ими возбуждаемое чувство негодованія на тѣ безобразныя или безмысленныя явленія жизни, которыя производятся ими въ художественно-правдивомъ представленіи*. Безпощадное обличеніе грубости, нравственнаго отупѣнія и ненависти къ образованію нашего стародавняго провинціального быта, въ *Недоросль*, невѣжества, заимствующаго у Европейскаго общества одни пороки и фальшивый лоскъ цивилизаціи, въ *Бригадиръ*; безправіе гражданина и кривда суда, изображаемая въ *Ябьдѣ*; низкопоклонство, ложь, предразсудки, безнравственность, отсутствіе серьезныхъ интересовъ въ кругу высшаго общества, изобличаемые въ *Горѣ отъ ума*; административный произволъ, подкупность, комическая уродливость провинціальныхъ властей, въ *Ревизоръ*, — *выражающъ собою все ту же, всѣмъ имъ общую, идею протеста противъ печальной дѣйствительности русской жизни во имя того же идеала просвѣщенія и абсолютной справедливости*. Идея эта высказывается или прямо, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, «Милопомъ», «Стародумомъ», «Прямоковымъ», «Добровымъ», «Чацкимъ», или предоставляется авторомъ вывести самому зрителю изъ общаго впечатлѣнія, производимаго

песой, какъ напимѣръ въ Ревизорѣ, гдѣ, по выраженію Гоголя, «смѣхъ единственно честное лице» въ его комедіи.

Прямимъ продолжателемъ этого направленія, которое можно бы назвать *направленіемъ непосредственнаго протеста*, является въ современномъ нашемъ театрѣ *Островскій*. Онъ съ перваго раза залвляеть несомнѣнное дарованіе своею первою и самою замѣчательною, по полнотѣ созданія и объему задачи, комедіею: «*Свои люди, сочтемся*» (или *Банкротъ*). ¹⁾ Эта комедія вводитъ насъ въ область жизни, до нея мало знакомую нашей литературѣ, въ кругъ купеческій, и можетъ быть почитаема, по этому, какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ «Горю отъ ума» и «Ревизору», изображающимъ намъ дворянскій и чиновничій бытъ. Мы встречаемся здѣсь съ современными типами грубаго невѣжества и отвратительныхъ пародій на образованіе, представляющими самое близкое сходство съ «Митрофанушками» и «Скотининными», «Иванушками» и «Простаковыми» временъ Фонъ-Визина, но въ формахъ быть можетъ еще болѣе безобразныхъ и тѣмъ болѣе возмутительныхъ, что печальная эта жизнь, кругъ понятій ея и интересовъ воспроизводится авторомъ съ полной объективностью и безъ тѣхъ каррикатурныхъ приѣмовъ, которые мы замѣчаемъ въ «Бригадирѣ» и «Недорослѣ». ²⁾ Извращеніе всѣхъ нравственныхъ началъ, безсмысленное суевѣріе и мелочная обрядность, почитаемая за религію, безобразныя семейныя отношенія, обусловливаемыя съ одной стороны безнаказаннымъ угнетеніемъ, съ другой затаенною ненавистью и очевиднымъ

¹⁾ Напечатанная въ первый разъ въ «Москвитининѣ» 1849 г. комедія эта допущена къ представленію лишь въ 1862 г., и притомъ съ измѣненіемъ, противъ первоначальнаго ея вида, всего конца пьесы.

²⁾ Кн. Вяземскаго: «Фонъ-Визинъ.» Каррикатурность эта много зависитъ впрочемъ и отъ художественной техники того времени.

презрѣніемъ къ родительскому авторитету, обогащеніе всякими неправдами, возводимое въ *ria desideria* и исключющее возможность всякихъ другихъ нравственныхъ идеаловъ, удачное мошенничество принимаемое за доказательство ума и признаваемое по этому достойнымъ подраженія, — вотъ тѣ новыя стороны въ мрачномъ мірѣ невѣжества, которыя изобличаются въ этой комедіи съ поразительною правдою. Здѣсь, въ первый разъ, является тотъ, особенно удачно изображаемый Островскимъ, типъ деспота семьянина (извѣстный съ той поры въ нашей литературѣ подъ кличкою «самодуръ»), сумасброднаго, нажившагося торгаша, который, повинувся однимъ внушеніямъ своего, ни чѣмъ несдерживаемаго, произвола, гнететъ невыносимымъ гнетомъ всю подвластную ему среду и губитъ ее, а иногда и самого себя изъ за одной минутной, нелѣпой прихоти. Варьированное на разные лады повтореніе этого типа во многихъ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго ¹⁾ подадо поводъ одной извѣстной литературной партіи навязать ему свои собственные воззрѣнія ²⁾ и истолковать всю его творческую дѣятельность въ смыслѣ заведомо враждебномъ семейному началу. Но подобное истолкованіе нисколько не оправдывается внимательнымъ и безпристрастнымъ изученіемъ Островскаго. Менѣе чѣмъ въ комъ-либо изъ нашихъ современныхъ писателей можно замѣтить въ немъ предвзятую мысль; онъ не добивается никакой ясно опредѣленной, вѣшной цѣли, не проводитъ въ своихъ комедіяхъ никакого субъективнаго воззрѣнія. Онъ изображаетъ жизнь такъ, какъ она представляется ему, дагеротипически - вѣрно, не задаваясь напередъ вопросомъ:

¹⁾ «Вѣдность не порокъ», «Въ чужомъ пиру похмѣлье.» Тотъ же типъ деспота въ женскихъ личностяхъ: «Воспитанница», «Гроза.»

²⁾ Извѣстная статья Добролюбова, въ Современникѣ 1860 г. подъ заглавіемъ: «Темное Царство.»

какой моральный вывод можно будет сдѣлать изъ этого изображенія? Онъ прежде всего хочетъ быть вѣрнымъ дѣйствительности и невиновать въ томъ, что эта дѣйствительность болѣе богата горемъ, чѣмъ радостью, и что подъ кисть его, по этому, ложится по неволѣ болѣе черныхъ красокъ, чѣмъ свѣтлыхъ. Таковъ общій характеръ таланта Островскаго, котораго со стороны строгой нравственности можно было бы уже скорѣе упрекнуть за то холодное спокойствіе, съ которымъ онъ, повидимому, относится къ воспроизводимымъ имъ возмутительнымъ явленіямъ жизни, чѣмъ въ желаніи передѣлать ее на основахъ тѣхъ *напускныхъ* теорій, которыя проповѣдаются извѣстными Петербургскими журналами. Островскій не моралистъ, онъ живописецъ, и тамъ гдѣ помимо своего призванія, подъ невольнымъ вліяніемъ идей, волнующихъ современное общество, онъ хочетъ быть нравоучителемъ, ¹⁾ онъ измѣняетъ самому себѣ и вмѣсто живой, дышащей правдою драмы, создаетъ вялое, угловатое обличіе въ лицахъ, бѣдное сценическимъ интересомъ, еще болѣе бѣдное проводимой въ немъ мыслью; несостоятельность его въ этомъ отношеніи очевидна. Если же въ произведеніяхъ Островскаго мы захотимъ непременно отыскивать тотъ идеалъ жизни, къ которому онъ влекомъ инстинктомъ своей художнической природы, намъ бы всего вѣрнѣе, кажется, слѣдовало обратиться къ одной изъ его пьесъ подъ заглавіемъ: «*Не такъ живи какъ хочется*» (народная драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ). Заглавіе ея опредѣляетъ и основную мысль ея, истекающую всецѣло изъ нашего народнаго, бытоваго міросозерцанія. Увлеченіе страстями, стремленіе выйти на разгулъ и просторъ жизни, освободиться отъ оковъ, налагаемыхъ на чело-

¹⁾ «Доходное мѣсто», Ком. въ 5 дѣйств., самое слабое произведеніе Островскаго.

вѣка нравственными и общественными законами порицается здѣсь прямо во имя родныхъ, во имя суроваго, но непреложнаго долга и того безмолвнаго смиренія предъ неисповѣдимою волею Провидѣнія, которое во всѣ времена составляло отличительную черту русскаго народнаго духа, «Выбирай что лучше: либо жить честно, въ любви «у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатью въ домѣ; либо «жить весело, на смѣхъ и покоръ людямъ, на горе роднымъ, на «радость врагу челоѣковъ!» говоритъ старикъ-отецъ сыну, закружившемуся въ вихрѣ житейскихъ соблазновъ, «Терпи и терпи! Да «наказанье — то съ кротостью принимай, да съ благодарностью», говоритъ въ свою очередь другой отецъ оскорбленной дочери своей, намѣревающейся бѣжать отъ невѣрнаго, возненавидѣвшаго ее безъ причины мужа, «живи *по закону*, какъ люди живутъ, живи не «такъ какъ хочется, а живи какъ Богъ велить». Въ этихъ словахъ выражается весь смыслъ драмы; къ этому нравственному заключенію приводитъ она неизбежно, путемъ вполне естественнаго, логичнаго развитія данныхъ характеровъ и положеній. Судя по поэтичности тона, а въ особенности по необыкновенной симпатичности типовъ, воспроизведенныхъ здѣсь авторомъ съ видимою къ нимъ любовью, можно, кажется, не ошибаясь, отнести это произведеніе къ числу тѣхъ, въ которыя, какъ говорится, художникъ положилъ свою душу. Исходя непосредственно изъ его внутренняго міра, изъ его творческихъ потребностей, подобныя произведенія даютъ намъ обыкновенно ключъ къ объясненію самого художника, какъ бы ни была объективна форма, въ которую онъ вообще привыкъ облекать свои созданія. На основаніи этого соображенія, упомянутая драма представляетъ собою лучшее опроверженіе критической оцѣнки Островскаго съ точки зрѣнія той школы, которая въ темныхъ явленіяхъ русской жизни видитъ неестественное послѣдствіе умственной не-

вѣрности, но незадумываясь долго, заключаетъ прямо изъ этихъ явленій о необходимости уничтожить всякій авторитетъ и вычеркнуть изъ жизни народа до малѣйшихъ слѣдовъ религіознаго элемента, замѣняя ихъ новыми ученіями о безусловной свободѣ человеческой личности, вращающейся въ тѣсныхъ предѣлахъ земной жизни. Такія воззрѣнія, навѣянные изуча и успѣвпія проникнуть путемъ литературы во многіе кружки нашего общества, идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ бытовымъ міросозерцаніемъ русскаго народа, которое такъ вѣрно угадалъ и сочувственно воспроизвелъ Островскій въ драмѣ «Не такъ живи какъ хочется» своимъ по преимуществу русскимъ, художническимъ чутьемъ.

Съ началомъ нынѣшняго Царствованія, сценическая литература наша вступаетъ въ новый фазисъ. Въ противоположность тому «непосредственному протесту», который, какъ мы замѣтили, составлялъ до этихъ поръ отличительный характеръ созданій нашихъ народныхъ драматическихъ дѣятелей, являются пьесы по преимуществу *тенденціозныя*, разумѣя подъ этимъ словомъ извѣстную, определенную идею, проводимую авторомъ въ пьесѣ и клонящуюся къ извѣстной цѣли. Въ этихъ произведеніяхъ протестъ не истекаетъ единственно изъ осмысленнаго воспроизведенія темныхъ сторонъ жизни, какъ невольное, неизбежное его послѣдствіе, въ которомъ самъ авторъ и его личный взглядъ на предметъ остаются какъ-бы не причастны. Протестъ выражается здѣсь а priori, предпосылается, такъ сказать, авторомъ и суживается при этомъ въ болѣе тѣсныя рамки: *протестуется противъ того-то именно, во имя того-то*. Вслѣдствіе этого правда жизни, вѣрность изображаемыхъ характеровъ и положеній отодвигаются здѣсь на задній планъ, обходятся, а нерѣдко и безпощадно насилуются, лишь только не подходятъ онѣ подъ цвѣтъ того поученія, которое авторъ имѣетъ

въ виду преподавать своимъ зрителямъ и для котораго самая пьеса служить для него только средствомъ. При такихъ условіяхъ, художественное достоинство произведенія состоитъ естественно въ пропорціи обратной съ значеніемъ той мысли, которой оно служитъ проводникомъ: оно тѣмъ слабѣе, чѣмъ рѣзче выдается цѣль, преслѣдуемая въ немъ и, на оборотъ, тѣмъ болѣе выигрываетъ въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ, чѣмъ менѣе способенъ авторъ задаваться *предвзятой* идеей и чѣмъ объективнѣе, по этому отношению онъ къ изображаемой имъ жизни. ¹⁾

Въ тенденціозномъ направленіи нашего театра нельзя не видѣть отраженія той возбужденной дѣятельности общественной мысли, которая начинается у насъ съ эпохи крымской войны. Оно идетъ параллельно съ поступательнымъ движеніемъ нашей литературы и принимаетъ тотъ или другой отбѣнокъ, смотря потому, въ какую сторону направлены флюгера нашей (по преимуществу Петербургской) журналистики, которой, по большей части, современная русская сцена служитъ рабскимъ эхомъ. Такимъ образомъ, въ началѣ истекшаго десятилѣтія когда всѣми органами нашей прессы подымался вопросъ о взяточничествѣ, какъ о самомъ главномъ общественномъ злѣ,—появляется комедія *Графа Соллогуба «Чиновникъ»*. Комедія эта, слабая, столько же по основной мысли своей, сколько и по художественному достоинству, одолжена была своимъ кратковременнымъ успѣхомъ единственно настроенію той минуты.

¹⁾ Такимъ образомъ, лучшимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ безспорно почитать 4 акт. драму Писемскаго: «Горькая Судьбина», въ которой, не смотря на какъ бы преднамѣренное сопоставленіе двухъ типовъ, помѣщика и крестьянина, съ цѣлью выставить послѣдній въ ущербъ первому, интересъ самаго положенія беретъ постоянно верхъ надъ идеею сословнаго антагонизма, лежащей въ основаніи драмы. «Горькая Судьбина» Писемскаго, равно какъ и драма Островскаго: «Гроза», удостоены обѣ отъ Академіи «Уваровской» преміи за лучшія драматическія произведенія.

Еще памятенъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ зрители отзывались на эти слова, вложенныя авторомъ въ уста своего главнаго лица и вказавшіяся тогда такою смѣлою повизною на сценѣ:

«Взяточки распространяли между нами это странное начало «равнодушной безирравственности.... Я смѣяться надъ этимъ не въ силахъ. Мнѣ кажется, что тутъ напротивъ надо плакать и ка-
яться и слезами покаянія стереть пятно, наложенное на насъ въ-
ками. Надо внимнуть въ самихъ себя, надо исправиться, надо
«крикнуть на всю Россію, что пришла пора, *и действительно*
она пришла,—искоренить зло съ корнями....»

Главная идея «Чиновника» заключается въ томъ, что «для искорененія стариннаго разврата», состоящаго, въ понятіяхъ автора, именно во взяточничествѣ, необходимо, чтобы на низшія служебныя должности поступали люди образованные и при томъ независимые по состоянію, такіе, какъ выражается дилеттантъ—чиновникъ Графа Соллогуба, «которые въ службѣ не нуждаются, но въ которыхъ служба нуждается». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года помѣщенъ былъ превосходный разборъ этой комедіи покойнаго Н. Ф. Павлова, въ которомъ остроумный критикъ разоблачилъ всю несостоятельность подобнаго воззрѣнія и указалъ на сколько самъ авторъ допускаетъ незаконности въ дѣйствіяхъ своего идеальнаго чиновника. Вслѣдъ за тѣмъ, въ опроверженіе аристократическихъ средствъ, предлагаемыхъ авторомъ «Чиновника» для искорененія «стариннаго разврата», появляется комедія г. Львова, подъ заглавіемъ: «*Свѣтъ не безъ добрыхъ людей*», героемъ которой представленъ честный и способный «канцелярскій чиновникъ», сопоставленный съ начальникомъ, свѣтскимъ человекомъ, негодеемъ, нагло пользующимся трудомъ подчиненнаго, котораго онъ губить безжалостно, въ видахъ корыстолюбія. Пьеса эта,

исполненная ходульности и декламации, имѣла, столь же мало заслуженный, какъ и комедія Графа Соллогуба, но гораздо еще большій чѣмъ она, успѣхъ, благодаря напускнымъ демократическимъ тенденціямъ Петербургской публицистики. Невостово рукоплескали въ Александринскомъ театрѣ ея нескончаемымъ утомительнѣйшимъ монологамъ; слышались даже крики: «правда, святая правда, господинъ Львовъ!»—когда всѣми унижаемый, оскорбленный какъ человѣкъ и какъ супругъ, бѣднякъ-чиновникъ Волковъ возглашалъ: «Да, я бѣдный чиновникъ,—не больше! А знаете ли вы, какая ужасная, душу потрясающая драма заключается въ двухъ этихъ ничтожныхъ словахъ, которыя каждый изъ васъ (это обращалось къ зрителямъ) произноситъ, нисколько не помышляя, какую печатю клеймить онъ того, кому судьба бросила эту кличку? Бездомный скиталецъ, труженикъ вѣчный, бѣдный чиновникъ не смѣетъ разсчитывать даже на чье нибудь состраданіе!... Кровопійца, грабитель! вотъ тѣ понятія, которыя такъ часто родятся у васъ при мысли о бѣдномъ чиновникѣ! А мнѣ, наприимѣръ, часто нечего вѣсть!.. Сердце, честь, совѣсть! ихъ нѣтъ у меня: мнѣ плюнуть въ глаза и бросать горсть денегъ.... я долженъ ихъ взять; не то меня же раздавятъ какъ гадину и ни кто не услышитъ послѣдняго вопля растерзанной души моей!»

Въ 1858 г. дана была одноактная комедія того же автора, подъ заглавіемъ «Предубѣжденіе» ¹⁾, съ тѣмъ же героемъ, бѣднымъ чиновникомъ, но на этотъ разъ въ образѣ молодого становаго пристава, который, выражаясь его собственными словами, «изъ губернаторской канцеляріи поступилъ, изъ желанія прямой пользы, на одну изъ тѣхъ должностей, называемыхъ низшими, которыя отнюдь не низки

1) Или: «Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто».

«и если люди ихъ унизили, люди же должны ихъ поднять». На этомъ мѣстѣ онъ «не стѣсненный узкими требованіями свѣта, не «нуждаясь ни въ какихъ украшеніяхъ *для своей личности*, трудится съ утра до ночи на пользу 10.000 вѣрннхъ ему людей, защищаетъ обиженного, предастъ правосудію виновнаго, водворяетъ миръ въ семействахъ». Не менѣе счастливый въ любви, чѣмъ богатый «Чиновникъ» гр. Соллогуба, неимущій становой г. Львова плѣняетъ богатую невѣсту, генеральскую дочь, но болѣе стойкій въ вѣрованіи въ свое служебное призваніе, онъ, на предложеніе отца своей возлюбленной: отказаться отъ невѣсты или «отъ унижительной должности», отвѣчаетъ что «не можетъ изъ любви пожертвовать своими гражданскими убѣжденіями», — вслѣдствіе чего изгоняется изъ дому старымъ «исполненнымъ «предразсудковъ» генераломъ, который впрочемъ, убѣдившись подъ конецъ въ добродѣтеляхъ ревностнаго чиновника, соглашается отдать дочь «не за становаго пристава, а за *человѣка какихъ дай Богъ побольше*». Не смотря на то, что эта пьеса, по внутреннему достоинству своему, ни сколько не была хуже первой, она пала на сценѣ съ первыхъ двухъ представленій. Интересъ вопроса «о чиновникѣ» былъ исчерпанъ, и публика отнеслась къ запоздалому произведенію г. Львова также непріязненно, какъ сочувственно отзывалась она на напыщенные возгласы его первой комедіи.

Къ этому же разряду сценическихъ произведеній можно отнести и 4-актную комедію г. *И. Потькина: «Мишура»*. Авторъ старался доказать въ ней, что безкорыстіе по службѣ далеко еще не есть абсолютная честность. Онъ представляетъ для этого современный типъ фата-чиновника, благодаря фразерству и покровителямъ, быстро поднимающагося по службѣ. Герой его взятокъ не беретъ и

даже безпощадно преслѣдуетъ ихъ у подчиненныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдомо покровительствуетъ извѣстному лихоимцу, секретарю своему, для того чтобы соблазнить его хорошенькую дочь и страхомъ изгнанія изъ службы заставляеть отца потворствовать ихъ «отношеніямъ». Соперника своего онъ гонить съ мѣста, увлекаетъ и губить невинную дѣвушку, составлявшую предметъ его желаній, и затѣмъ уѣзжаетъ бросивъ ее опозоренную, на произволъ судьбы....

По мѣрѣ того, какъ журналистика, при постепенно возрастающемъ у насъ вліяніи ея и значеніи, вызываетъ къ обсужденію все болѣе и болѣе насущныхъ общественныхъ вопросовъ и сообразно тому какъ само общество все пытливѣе и тревожнѣе относится къ равностороннимъ явленіямъ своей жизни, русскій театръ устремляется въ ту же сторону, заявляетъ тѣ же притязанія на разрѣшеніе вопросовъ жизни. Представляясь же по формѣ, подраженіемъ театру созданному у насъ Островскимъ, тенденціозный репертуаръ послѣдняго времени изобличаетъ, по духу въ немъ господствующему, близкое родство съ тѣми социальными теоріями, которымъ въ прессѣ нашей служатъ главнѣйшими представителями журналы: «Современникъ» и «Русское Слово».

Отраженіе идей, распространенныхъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ социально-демократической литературой, замѣтно тѣмъ болѣе въ современныхъ произведеніяхъ нашего театра, что за исключеніемъ Островскаго, онъ не имѣетъ вовсе самобытныхъ и талантливыхъ писателей. Ихъ замѣняютъ, по преимуществу бездарные борзописцы, постановляющіе 3-хъ или 5-ти актные «оригинальныя» ¹⁾ пьесы, по большей части въ виду причитающагося за нихъ про-

¹⁾ *Оригинальными*, какъ извѣстно, обозначаются, на театральномъ языкѣ нашемъ, всѣ *непереводные* пьесы.

цента со сбора. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, поставщики эти озабочены прежде всего матеріальнымъ успѣхомъ своихъ произведеній и стараются обезпечить его, прилаживаясь къ данному настроенію публики и къ общему тону вліяющей на нее журнальной литературы. «Оригинальные» пьесы этихъ господъ, не смотря на содержаніе ихъ, заимствующееся исключительно изъ русской жизни, ни въ какомъ случаѣ, по миросозерцанію въ нихъ заключающемуся, не могутъ быть почитаемы оригинальными, но еще менѣе народными произведеніями. Всѣ они за немногими исключеніями, словно писанныя, по конкурсу, на заданныя темы, вертятся на слѣдующихъ основныхъ мотивахъ: *семейный деспотизмъ, деспотизмъ барскій, безнравственность барскаго воспитанія и свѣтской жизни, неравенство состояній и сословныя предрасудки*. На этой, до крайности истертой, демократической канвѣ западнаго издѣлья расшиваются русскіе узоры, поражающіе столько же однообразиемъ, сколько и фальшивостью своихъ красокъ. Субъективность воззрѣнія авторовъ на воспроизводимыя ими явленія жизни и натянутасть ихъ пріемовъ колятъ глаза во всѣхъ этихъ *тенденціозныхъ* драмахъ и комедіяхъ. Бѣдность воображенія не менѣе очевидна въ нихъ. Часто интрига одной пьесы почти буквально повторяется въ другой ¹⁾. Извѣстные типы вылиты всѣ по одной и той же формѣ и отъ столкновенія ихъ истекаютъ совершенно одинаковыя положенія, разрѣшающіяся одной и той-же катастрофой. Такимъ образомъ, типъ *отца* выражается обыкновенно въ образѣ безсмысленнаго угнетателя или безнравственнаго человѣка, который тѣмъ или другимъ путемъ является причиной несчастія и

¹⁾ «Дома на дому нашелъ» и «Нехуже другихъ», «Семейные расчеты» и «Быть и слыть», «Богатая Невѣста» и «Что часто бываетъ».

пагубы для своихъ кровныхъ. Въ драмѣ «*Отецъ Семейства*,» напримеръ, самодуръ отецъ раззоряетъ семейство свое и вгоняетъ сына своего въ чахотку; въ комедіи «*Дока на доку нашелъ*» и въ драмѣ «*Пагуба*» отецъ насильно выдаетъ дочь за немилаго и губить этимъ всю ея жизнь; въ комедіи «*Смуть*» отецъ подбиваетъ сына обокрасть мать; въ драмѣ «*Ребенокъ*» безнравственная жизнь отца поражаетъ смертельно чуткую, нѣжную природу молоденькой дочери; въ драмѣ «*Лиза Фомина*» честная дѣвушка рѣшается на самоубійство, убѣдась, что нѣжно-любимый отецъ ея—плутъ и мерзавецъ; въ драмѣ «*Статья доходная*» отецъ продаетъ дочь; въ драмѣ «*Таня*», въ комедіи «*Быль молодцу не укоръ*», въ драмѣ «*Противъ теченія*» сословные предразсудки отцовъ обрекаютъ дѣтей ихъ на неисходное горе или смерть, и проч. и проч. Мать,—или совершенно безгласное, тупое существо, или, если она принадлежитъ къ высшему сословию,—пустая и сварливая женщина, жертвующая, изъ за тщеславія, счастіемъ своихъ дѣтей и ихъ человѣческимъ достоинствомъ ¹⁾. Такъ называемые «*Свѣтскіе люди*» (т. е. лица высшихъ сословій) изображаются глубоко развращенными существами, совершающими безнаказанно самыя неблаговидныя, низкія дѣла: въ женитьбѣ они ищутъ только средства поправить дѣла свои, разстроенныя безумнымъ мотовствомъ ²⁾, губятъ несчастныхъ женъ своихъ ³⁾, безсовѣстно кидаютъ на произволъ судьбы обольщен-

¹⁾ «Чужая вина,» «Богатая невѣста,» «Дока на доку нашелъ,» «Свѣтъ и его тѣни,» «Быть и слыть,» «Гувернеръ,» Въ др. «Семейные расчеты,» молодая женщина, выданная матерью за недостойнаго ея человѣка, сходится съ ума и въ безуміи своемъ повторяетъ одну и ту же фразу: «маменька что вы со мной сдѣлали!»

²⁾ «Дока на доку нашелъ,» «Не хуже другихъ,» «Быль молодцу не укоръ,» «Богатая Невѣста,» «Благодѣтель,» «Быть и слыть.»

³⁾ «Дока на доку нашелъ,» «Не хуже другихъ.»

ныхъ или бѣдныхъ дѣвушекъ и прижитыхъ отъ нихъ дѣтей, ¹⁾ завѣдомо компрометируютъ женщинъ ²⁾, продаютъ ихъ письма ³⁾, покупаютъ дочерей у отцовъ себѣ въ любовницы ⁴⁾ и мужей для своихъ любовницъ ⁵⁾, унижаются, льстятъ, ползаютъ предъ нажившимся торгашемъ, ⁶⁾ обманываютъ, строятъ ковы ⁷⁾, совершаютъ убійства ⁸⁾,—и все это изъ алчности къ деньгамъ, чувственности или тщеславія, единственныхъ побужденій, которыя, съ точки зрѣнія нашей демократической литературы, могутъ руководить людей принадлежащихъ къ «породѣ баричей». На трудъ, на полезную дѣятельность эти люди неспособны, такъ какъ для этого нужна серьезная подготовка, которую «барское воспитаніе» неспособно дать.— «Куда мнѣ идти? Что мнѣ дѣлать?» разсуждаетъ свѣтскій молодой человѣкъ, «Барскій» ⁹⁾, которому отецъ его предлагаетъ на выборъ: кинуть обожаемую имъ швею и жениться на безобразной графинѣ, или лишиться богатаго его наслѣдства. «Работать начать? Да на что же я способенъ? какое дѣло знаю? Никакого! Вотъ тебѣ и званіе! Вотъ и отстаивай свои убѣжденія» ¹⁰⁾. *Свѣтскія женщины и дѣвушки* проникнуты тою же нравственною несостоятельностью, вслѣдствіе чего готовы во всякое время пожертвовать чувствомъ

¹⁾ «Быль молодцу не укоръ», «Мишура», «Быть и слыть».

²⁾ «Институтка».

³⁾ «Чужая вина».

⁴⁾ «Статья доходная».

⁵⁾ «Однодворецъ».

⁶⁾ «Благодѣтель».

⁷⁾ «Что часто бываетъ».

⁸⁾ «Пасынокъ».

⁹⁾ Въ ком. «Быль молодцу не укоръ».

¹⁰⁾ Въ другомъ мѣстѣ этой комедіи тотъ-же молодой человѣкъ такъ опредѣляетъ воззрѣнія свѣтскихъ людей на женитьбу: «Мы женимся для нашего жизненнаго смысла, свѣтскаго, общественнаго; для этого нужны деньги, «связи и умъ; только чувство здѣсь совершенно лишнее...»

своимъ, изъ расчетовъ тщеславія или корысти ¹⁾. «Въ свѣтъ все продажно, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи *«Свѣтъ и его тѣни»*, ласки, чувства, самыя святыя, дорогія убѣжденія! И это будетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ ни одуряющей бѣдности, ни одурившей роскоши. Но мы съ тобой «не доживемъ, до этого времени. Не стоитъ и жить, если не «доживемъ,» отвѣчаетъ на это его собесѣдникъ... Для большей рельефности, омерзительному типу *«барича»* сопоставляется типъ *«бѣднаго и честнаго труженика»*, неизбежно повторяющійся въ образѣ учителя студента, медика или музыканта. Онъ является постоянно какъ живой, хотя безсильный, *протестъ* противъ окружающаго его зла ²⁾; къ нему влекутся неотразимо всѣ молодыя женскія сердца ³⁾; онъ возбуждаетъ въ нихъ «новыя лучшія мысли и стремленія къ какой-то новой лучшей жизни» ⁴⁾; онъ безкорыстно, изъ одной любви къ правдѣ, заступаетъ за честь женщины ⁵⁾; вырываетъ ее «изъ среды, въ которой должны заглухнуть ея честныя побужденія и здоровыя не початыя силы» ⁶⁾; поддерживаетъ ее своимъ братскимъ участіемъ, когда она готова пасть подъ ударами судьбы ⁷⁾. Онъ въ особенности исполненъ негодованія противъ того порядка вещей, при которомъ возможны «матушкины сынки, тунеядцы.»—«По меньше бы ихъ было, гово-

¹⁾ «Быть и слыть,» «Свѣтъ и его тѣни,» «Чужая вина».

²⁾ Медикъ въ др. «Не хуже другихъ;» Архитекторъ, «подающій большія надежды,» въ ком. «Свѣтъ и его тѣни».

³⁾ Учитель въ ком. «Богатая невеста,» Университетскій кандидатъ въ сценахъ: «Что часто бываетъ;» Учитель въ др. «Ребенокъ».

⁴⁾ Музыкантъ изъ крѣпостныхъ въ др. «Противъ теченія».

⁵⁾ Учитель въ ком. «Институтка».

⁶⁾ Бывшій студентъ въ ком. «Благодѣтель».

⁷⁾ Учитель въ др. «Пасынокъ».

рить онъ, такъ лучше бы было бѣднымъ людямъ труженикамъ» ¹⁾. Но къ нимъ самимъ онъ питаетъ глубочайшее презрѣніе.— «Къ чему это отчаяніе?» говоритъ онъ, наприѣръ, ²⁾ негодяю баричу, рыдающему надъ трупомъ жены своей, которую онъ, женившись на ней изъ за денегъ, разворилъ и уморилъ гнусными своими поступками съ ней; «мертвую не воскресишь; а вамъ эти слезы нейдутъ. «Не пройдетъ года, вы сами будете смѣяться надъ этой ужасной минутой. Женитесь еще разъ и даже выйдите. Можетъ быть денегъ нѣтъ? Вздоръ,—отыщите! О средствахъ вы не задумаетесь, «какія бы гнусныя они ни были; все равно. Вѣдь наживаются же другіе Богъ знаетъ какими путями, насчетъ чужаго труда и нищеты; и мягко имъ, и хорошо, и спокойно, и ничто въ мірѣ ихъ не тревожитъ... А вы? чѣмъ вы хуже другихъ? ³⁾.

Нельзя не замѣтить, что, въ понятіяхъ нашихъ тенденціонныхъ драматурговъ, чѣмъ ниже ступень занимаетъ данная личность на общественной лѣстницѣ, тѣмъ развитѣе и тоньше ея психическая воспримчивость, тѣмъ способнѣе она къ безкорыстнымъ, возвышеннымъ побужденіямъ, къ пожертвованію собою, счастіемъ своимъ и жизнью, для спасенія или блага ближняго. Такимъ образомъ, авторъ комедіи «*Свѣтъ и его тѣни*,» какъ яркую противоположность «Продажнымъ чувствамъ свѣта,» представляетъ зрителямъ своимъ цыганку, пѣвицу Сару, живущую на содержаніи у молодого богача, но которая, на мольбы любовника своего выйти за него

¹⁾ «Не хуже другихъ».

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ ком. «Быль молодцу не укоръ,» при подобномъ же положеніи, «Новый человекъ» выражается такъ, относительно общаго потворства къ гнуснымъ поступкамъ «баричей»: «онъ живое существо въ ходячій трупъ превратилъ, а между тѣмъ посмотрите, всѣ и все за него; пожалуй даже общество оправдаетъ его, приберетъ пословицу, скажетъ: быль молодцу не укоръ! «Ведите меня въ желтый домъ!»

замужъ, отвѣчаетъ ему: «рѣжь меня, жги меня, не пойду я за тебя. Ты подумаешь, ты будешь подозрѣвать, что я польстилась на твоё богатство, что я тоже продажная. Да, ни за что, ни за что въ свѣтъ!» Въ драмѣ «Таня» такого же рода женщина, Даша, заставляетъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ любовника своего, чиновнаго господина, дать согласіе на бракъ сына его съ швеею Таней, къ которой она питаетъ самое нѣжное, экзальтированное чувство.¹⁾ Сама швея Таня умираетъ отъ того только, что ея возлюбленный оскорбилъ ее подозрѣніемъ въ невѣрности ему. Дочь однодворца Подоплекаина, въ драмѣ «*Статья доходная*,» узнавъ, что отецъ продалъ ее, кидается немедленно въ воду, хотя и знаетъ, что господинъ, купившій ее и у котораго она живетъ въ гувернанткахъ, не способенъ воспользоваться своими правами, безъ ея полнаго согласія и т. п. Между тѣмъ какъ типъ человѣка, принадлежащаго, по рожденію, къ высшему сословію, воспроизводится неизмѣнно подъ одной и тою же фізіономіею дряблага или порочнаго себялюбца, руководимаго самыми пошлыми или низкими побужденіями. Въ драмахъ «изъ простонароднаго быта» изображаются сильные, благородные характеры, движимые страстью или негодованіемъ противъ не правды и угнетенія слабаго сильнымъ и увлекающіеся этимъ до преступленія. Въ драмѣ «*Горькая судьбина*» напимѣръ, суровая, энергичная фигура крестьянина Ананія, разбивающаго объ стѣну ребенка, прижитаго женою его отъ помѣщика, тѣмъ ярче, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ передъ зрителемъ, что соперникъ его, баринъ изображенъ уже до того несостоятельнымъ, слабонервнымъ и непрактичнымъ существомъ, что, терзаемый сознаніемъ вины своей передъ Ананіемъ, онъ не находитъ ничего умнѣе какъ предло-

¹⁾ Означенная драма впрочемъ очевидно французскаго происхожденія.

жить ему, своему крестьянину, драться съ нимъ на дуэли. Въ драмѣ «*Кара Божія*» старикъ мѣщанинъ Лопатниковъ рѣшается убить и ограбить заночевавшаго у него комисіонера, что бы спасти отъ рекрутства страстно любимого имъ сына, и самъ отдается въ руки правосудія, когда сынъ его не хочетъ принять денегъ, происхожденіе которыхъ кажется ему сомнительнымъ. Въ драмѣ «*Мастеровой*» честный молодой крестьянинъ, доведенный до отчаянія измѣною дѣвушки за него просватанной, убиваетъ ее и соперника своего и выдается полиціи роднымъ отцомъ своимъ. Тотъ-же мотивъ повторяется въ драмѣ «*Пауза*.» Въ драмѣ «*Доля-горе*» преступленіе истекаетъ изъ еще болѣе возвышеннаго и чистаго источника. Молодой рыбакъ, Петръ, тайно любитъ дѣвушку, за которой волочится товарищъ его, Николай, отъявленный негодяй и губитель женскихъ сердецъ. Наташа склоняется на коварныя рѣчи и обѣщанія этого Донъ-Жуана и отдается ему, но скоро ему надоѣдаетъ и онъ ее безжалостно покидаетъ, разславивши ея позоръ. «Погибала я свое дѣвичество,» говоритъ она въ порывѣ глубокаго отчаянія, — «теперь на всѣ четыре стороны мнѣ дорога открыта.» Молчаливый Петръ является не жданнымъ и невѣдомымъ ей заступникомъ ея. «Что же, али въ самомъ дѣлѣ дѣвкѣ то пропадать надо?» Говоритъ онъ ея обольстителю. «Голубчикъ Николаша, спаси христѣанскую душу, женись на Натальѣ, Богомъ тебя Свѣтымъ прошу.» Но просьбы его напрасны; Николай отвѣчаетъ ему грубыми насмѣшками. Угрозы Петра имѣютъ такъ же мало успѣха; онъ видается наконецъ на товарища и топить его въ Волгѣ. Черезъ нѣсколько времени, Петръ, бѣжавшій въ самую ночь преступленія и поступившій, подъ чужимъ именемъ, бурлакомъ на расшиву, встрѣчается, въ какой-то отдаленной мѣстности, съ Наташей, которую «одинъ хорошій человекъ купецъ, изъ омута вынулъ» и хо-

четь жениться на ней. Сюда же является и отецъ Петра, который, почитая, какъ и всѣ, сына своего утонувшимъ вмѣстѣ съ Николаемъ, кинулъ съ горы все свое добро и пошелъ по міру собирать на Божію церковь. Оба они узнаютъ его. «Гдѣ же Николаша?» спрашиваетъ Петра пораженная удивленіемъ Наташа. — «Эхъ доля моя—горе, житье лютое! отвѣчаетъ онъ; я его убилъ!» «Вяжите его!» немедленно восклицаетъ старикъ, Петровъ отецъ, — «вяжите! Родитель непокрывшикъ сына разбойника!» Петра уводятъ, а Наташа (чтобы, вѣроятно, никому изъ этихъ трехъ лицъ не перещеголять другаго великодушіемъ) объявляетъ своему любовнику, купцу, что «она идетъ за Петромъ. Онъ за меня жизнь свою загубилъ, такъ развѣ за такую любовь слѣдъ мнѣ его покидать? Пополамъ горе легче нести. Неищи меня; все старое я порѣшила и тоска отъ сердца отхлынула. Прощай, не поминай лихомъ.»

Взаимныя отношенія между сословіями тенденціозные драматурги наши почитаютъ необходимымъ изображать крайне враждебными. Въ какой мѣрѣ чувства, приписываемыя ими, съ этой стороны, лицамъ, принадлежащимъ низшимъ классамъ нашего общества, согласны съ дѣйствительностью русской жизни, можно судить по слѣдующимъ образчикамъ:

Въ комедіи «*Былъ молодцу не укоръ*,» въ бѣлошвейномъ магазинѣ, хозяйка котораго, злая женщина, гнететъ равно безсмысленнымъ гнетомъ всѣхъ своихъ работницъ, живутъ между прочимъ двѣ дѣвушки, съ вида пріятельницы. Одна изъ нихъ, Даша, мѣщанскаго происхожденія «прошла всѣ тяжкія,» другая, Груня, круглая, безпомощная сирота, дворянка, невинная и чувствительная дѣвушка, любитъ одного молодого человѣка, который равно влюбленъ въ нее. Даша всѣми средствами старается свести ихъ, но не изъ желанія счастья своей подругѣ, а съ злобною цѣлью погубить ее. — «Си-

дѣтъ съ ней рядомъ не могу, съ *этой дворянкой*,» такъ выражается она, когда остается одна, — «такъ вотъ и точить зависть на нее. Погоди красота, не уйдешь отъ сестры нашей, сравняешься. Точно она укоръ мой; взгляну я на нее, сердце такъ и защемитъ, старое вспомнеть. Да погоди, *дворянка*, на одну половицу съ нами встанешь! Погуляй, посмотри, узнаешь какъ нашей сестрѣ эта любовь сладко проходить!!..»

— «Вы барышня, *благородная*, а у меня недоувѣріе къ благороднымъ,» говоритъ, въ комедіи *«Зачастую»*, дочь прачки соперницъ своей, невѣстѣ молодого человѣка, въ котораго влюблена эта, переложенная на русскіе нравы, французская гризетка. «Вы, *благородныя*, насъ презираете, но знайте же, что мы васъ ненавижимъ. Ребенкомъ я бѣгала въ худыхъ башмачкахъ, въ грязномъ платьишкѣ, въ слякоть и морозъ. Я часто стояла у церковныхъ оградъ, тамъ бѣгали такія-же какъ и вы, въ шитыхъ юбкахъ, завитыхъ, напояженныхъ. *За что же вамъ такое счастье? Чѣмъ я хуже васъ? Меня уже ребенкомъ, грызла злость и зависть*, и самое большое удовольствіе мое было бросить въ васъ грязью.»

Въ комедіи *«Быть и слыть»*, гусарскій офицеръ, соблазнивъ бѣдную дѣвушку и приживъ отъ нея сына, отказывается дать малѣйшее пособіе на содержаніе этого ребенка, но узнавъ, что она состоитъ горничной у просватанной имъ невѣсты, которую онъ почиталъ богатой, и въ состояніи которой начинаетъ сомнѣваться, благородный воинъ предлагаетъ бывшей своей любовницѣ деньги, «чтобы разузнать всю подноготную» о домѣ, въ которомъ она служить. «Узнай и прибѣги мнѣ все доложить, что бы я могъ, въ случаѣ чего, *улизнуть*, ухачь отсюда. Не нужно мнѣ вашихъ денегъ,» съ отвращеніемъ отвѣчаетъ ему она. «Обманете вы и ихъ, какъ меня обманули. Запрягу я себя день и ночь въ работу, а

ребенка не оставлю безъ хлѣба. Не отрекись я отъ моего рожденія, я простая, не изъ воспитанныхъ, какъ вы баринъ, офицеръ...»

Въ комедіи «Однودворецъ» богатый помѣщикъ Скаловъ предлагаетъ выслаужившемуся изъ кантонистовъ офицеру, жениться на его любовницѣ. Господинъ этотъ съ радостью принимаетъ предложеніе и на укорительныя слова отца своего старика однودворца Пузовка, бывшаго управляющимъ у того же Скалова, отвѣчаетъ: «я, батюшка, карьеру дѣлаю,—грѣшно вамъ отбивать у меня счастье. Лучше хлѣбъ ѣсть, чѣмъ мякину вашу жевать, а на счетъ *того*, такъ кто Богу не грѣшенъ; опять это на меня не падаетъ, мнѣ что за дѣло-съ!...» Не смотря на такое откровенное изложеніе понятій о чести, руководящихъ его сына, старикъ однودворецъ негодуетъ не на этого взрослого, безстыднаго глупца, а на богача Скалова, котораго онъ и позоритъ публично. «У васъ все есть», говоритъ онъ ему между прочимъ,—«и вотчина, и угодыя разныя и мамзели, а у меня одинъ былъ сынъ и того вы сманили, отняли...» и проч. и проч.

Въ миновавшемъ *крѣпостномъ правѣ*, или вѣрнѣе, въ его злоупотребленіяхъ, театральные борзописцы наши находятъ удобный предлогъ для изображенія высшаго сословія вполне заслуживающимъ эти чувства злобы и омерзенія. Сюда обращаются они и за дешевымъ матеріаломъ, въ которомъ находятъ готовые драматическія положенія и средства производить неминуемые сценическіе эффекты, посредствомъ легчайшаго изъ всѣхъ драматическихъ приѣмовъ, то есть, — вызывая въ зрителяхъ чувство состраданія къ угнетенной невинности. Здѣсь нѣтъ, разумѣется, и рѣчи о художественномъ безпристрастіи, о трезвости красокъ, о правдоподобности изображаемыхъ характеровъ и столкновеній ихъ между собою. Драматурги

наши, въ этомъ отношеніи, держатся, повидимому, извѣстнаго правила, что «цѣль оправдываетъ средства,» вслѣдствіе чего и обходятся съ истиной самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Въ комедіи «*Было да прошло*» ¹⁾ наприимѣръ, молодая дѣвушка, подаренная еще ребенкомъ, помѣщикомъ ея, Княземъ Оршевскимъ, одной изъ его знакомыхъ «въ то время забавлявшейся разными «филантропическими бреднями»,—воспитана была въ домѣ этой дамы и оказалась замѣчательною пѣвицею. Талантъ ея, умъ и красота привлекаютъ къ ней много обожателей и воспитательница ея, графиня, начинаетъ видѣть въ ней опасную соперницу для своей взрослой, непривлекательной дочери, которую ей ни какъ не удастся выдать замужъ. Сестра графини, злая и надменная женщина, еще болѣе раздражаетъ въ ней это непріязненное чувство. Между тѣмъ аномальное положеніе бѣдной дѣвушки подаетъ поводъ разнымъ омерзительнымъ «свѣтскимъ людямъ» относиться къ ней самымъ оскорбительнымъ образомъ. Одинъ «адъютантъ» даже прямо предлагаетъ Еленѣ сдѣлаться его любовницей, и на ея негодованіе отвѣчаетъ, что вѣдь «она крѣпостная, не жениться же ему на ней, «а она ему нравится». На эту сцену наталкивается сестра графини и, пользуясь этимъ случаемъ, изливаетъ всю желчь свою на несчастную дѣвушку, называя ее «развратною и неблагодарною холопкой». На это Елена отвѣчаетъ, что «благодарной ей не за что «быть, что ее возвысили до искусства, чтобы низвести до степени «инструмента и сдѣлать изъ нея забаву порочной праздности. Ра-
«дуйтесь, говоритъ она, что я еще не проклиная васъ за это».

¹⁾ Заимствована изъ комедіи нѣмецкаго писателя Вольссона: «Nur eine Seele!» Эта пьеса была запрещена въ Берлинѣ въ 1861 г., «какъ оскорбительная для русскаго дворянства».

Дерзкую «холопку» тотчасъ же изгоняють изъ дома графини и отправляютъ съ отцомъ (крестьяниномъ, прѣхавшимъ за нею на подводѣ), къ барину ея, князю Оршевскому. Старый, знатный, богатый князь, которому поклоняется вся губернія съ ея начальствомъ во главѣ, изображенъ человѣкомъ весьма умнымъ, эстетически развитымъ, страстнымъ музыкантомъ, любезнѣйшимъ собесѣдникомъ въ обществѣ, но страшнымъ деспотомъ въ душѣ и крѣпостникомъ, по убѣжденію. Онъ пируетъ у сосѣда, молодаго помѣщика Волынскаго, въ то время, когда ему привозятъ его «крѣпостную пѣвицу». Онъ немедленно посылаетъ за ней и приказываетъ ей пѣть предъ многочисленнымъ обществомъ, собравшимся у Волынскаго. Она отвѣчаетъ, что пѣть не будетъ.—«Тѣло мое ваше», говоритъ она своимъ страннымъ языкомъ, «но душа моя, принадлежитъ мнѣ одной. А пѣніе мое—моя душа». Разбѣшенный князь выдается на нее съ поднятыми кулаками, но удержавъ хозяиномъ дома, Волынскимъ, который видѣлъ Елену еще въ Петербургѣ у графини и питаетъ къ ней съ тѣхъ поръ тайную, но самую пламенную страсть. Князь приказываетъ тогда надѣть на непокорную рабу посконный сарафанъ и нарядить ее на барщинную работу. Волынскій прибѣгаетъ къ хитрости для спасенія Елены. Онъ пишетъ, на другой день послѣ этой сцены, письмо къ князю, въ которомъ извиняется «за свое вчерашнее вмѣшательство» и проситъ его продать ему Елену. Старый развратный крѣпостникъ, приписывая это желаніе низкимъ чувственнымъ побужденіямъ, отвѣчаетъ Волынскому, что онъ «всегда сочувствуетъ молодымъ повѣсамъ» и потому готовъ уступить ему Елену даромъ, но лишь съ тѣмъ условіемъ, «чтобы она сама сказала своему барину, что хочетъ идти къ Волынскому». Волынскій предваряетъ дѣвушку объ этомъ и умоляетъ ее согласиться исполнить прихоть князя, какъ бы оно и ни было тяже-

ло для нея, такъ какъ это единственное средство «вырвать ее и отца ея изъ рабства;» онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ ей руку свою и сердце. Вслѣдъ затѣмъ является князь, и дѣвушка робко излагаетъ ему свою просьбу словами: «позвольте мнѣ принять покровительство этого великодушнаго человѣка.—Что за фразы! прерываетъ ее со смѣхомъ князь. «Говори просто: прошу васъ «дозволить мнѣ быть любовницей г. Волинскаго».—«Отецъ, прости «меня!» вопицаетъ Елена и «гордо» говоритъ князю: «я остаюсь «у васъ!» Манифестъ 19 февраля приноситъ Еленѣ желанную волю и она выходитъ за мужъ за Волинскаго. Князь, въ первую минуту пораженный объявленіемъ этого манифеста, спѣшитъ первый за тѣмъ исполнить Царскую волю и, обращаясь, къ собравшимся у него сосѣдямъ, говоритъ: «читали? Царь пишетъ, что онъ началъ «это дѣло актомъ довѣрія къ Россійскому дворянству. Понимаете-«ли:—довѣріемъ? Ну, такъ намъ, какъ истиннымъ русскимъ дворя-«намъ, нужно доказать и доказать, что Олъ не ошибся въ насъ! «Parbleu! Стало быть такъ нужно!»....

Въ пьесѣ *«Помѣшанный»* молодой, богатый помѣщикъ Цепельниковъ собирается жениться на крѣпостной своей, воспитанницѣ покойной его матери, «дѣвушкѣ умной и образованной». Многочисленная родня его обоихъ половъ видитъ въ этомъ поступкѣ «поруганіе дворянской чести» и изготавляетъ на него просьбу, въ которой объявляется онъ сумасшедшимъ. Всѣ эти лица изображены въ крайне-карикатурномъ и омерзительномъ видѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ возбудить въ зрителяхъ глубочайшее отвращеніе къ дворянству и его сословнымъ притязаніямъ. Предводитель Фордобаевъ, напримѣръ, выражаетъ эти притязанія слѣдующимъ образомъ: «жениться на своей крѣпостной! вѣдь это не уваженіе этихъ какъ «нихъ?...условіи, да! общественныхъ условій.... попираніе правъ сво-

«его сословія...вѣдь послѣ этого всякій имѣетъ право вамъ въ гла-
«за наплевать! Вѣдь онъ не хочетъ понять, что такое столбовый
«дворянинъ! Вѣдь это не мечта, не мнѣ какой-нибудь языческій,
«не дворяшка, съ позволенія сказать! Нѣтъ-съ, это подпора, столбъ
«отечества!...Онъ забылъ, что дворяне войны вели, кровь свою
«благородную проливали!» и проч. и проч. Ротмистръ Разгуляевъ,
«широкая натура,» какъ значится въ оглавленіи дѣйствующихъ
лицъ въ пьесѣ, подбрасываетъ Печельникову оскорбительную для
чести любимой имъ дѣвушки записку, за что остальные родствен-
ники обѣщали дать ему денегъ, но обманутый ими, онъ отрываятъ
весь заговоръ ихъ Печельникову, извиняясь тѣмъ, что «я, говорю
«онъ, былъ въ такомъ положеніи, я казенныя денежки ухнулъ! я
«дворянинъ! У меня есть благородныя чувства, да! Меня бы всѣ
«подлецомъ назвали. Я и рѣшился. Мнѣ деньги обѣщали, если я
«разстрою свадьбу. Я и разстроилъ. А они меня обманули, аспиды,
«обманули меня!...» Приживалка у одной изъ родственницъ Печель-
никова подводитъ безпрестанно дворовыхъ этой барыни подъ гнѣвъ
ея, находя наслажденіе присутствовать при ихъ наказаніи. — «Отведи
«Машку въ баньку, приказываетъ она, барыня приказала, а я сама
«посмотрю, чтобъ ее хорошенько посѣкли.» Разгуляевъ собирается
высѣчь ее самую «въ банькѣ,» но она вырывается у него и вбѣ-
гаетъ на сцену держась за платье обѣими руками и крича: «честь
«мою дворянскую замарали!» Et alia ejusdem farinae...

Въ драмѣ «*Противъ теченія,*» ¹⁾ особенно выпукло и рѣзко

¹⁾ Драма эта имѣла большой успѣхъ на сценѣ Александринскаго театра, въ концѣ нынѣшняго театральнаго сезона (1865 г.) Сюжетъ ея заимствованъ изъ истиннаго происшествія, какъ утверждалъ покойный М. С. Щепкинъ, первый разсказавшій о немъ и называвшій всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Разсказъ этотъ, если не ошибаемся, попалъ и въ напечатанныя записки покойнаго артиста.

проводится, въ одно и тоже время, протестъ противъ сословныхъ правъ и противъ родительскаго авторитета. Авторъ ея для этого обращается, какъ водится, къ крѣпостному праву и воспроизводитъ одинъ изъ самыхъ исключительныхъ его случаевъ. Помѣщикъ, генералъ Сурковъ, тупой и брюзгливый человѣкъ, замѣтивъ въ одномъ крестьянскомъ мальчикѣ музыкальныя способности, отымастъ его, силою своей барской власти, у родителей, у которыхъ онъ единственное дитя, и посылаетъ его учиться музыкѣ въ Петербургъ.—«Дураки,» говоритъ генералъ, обливающимся слезами отцу и матери ребенка, котораго ему вздумалось «благодѣтельствовать,»—дураки коли видите, «что самъ баринъ взялся упрочить счастье васьего Гриши, вы должны были бы съ радости молебны за него «служить, а не хныкать.»—Черезъ десять лѣтъ, Гриша возвращается изъ Петербурга къ «благодѣтелю» своему, который производитъ на него весьма невыгодное впечатлѣніе.—«Я думалъ найди въ немъ добраго старичка, предъ которымъ открою всю свою «душу, разсуждаетъ онъ, оставшись одинъ; что-же вышло? Не давъ мнѣ сказать двухъ словъ, онъ напомнилъ мнѣ, что я крестьянскій «сынъ, хвастается сдѣланнымъ мнѣ добромъ. Благодѣтель—мой помѣщикъ!». Генералъ между тѣмъ представляетъ молодаго музыканта единственной дочери своей, Машѣ, которую авторъ постарался изобразить весьма чувствительной особой. Она «матери своей не помнить и во всю жизнь свою любила только гувернантку свою, которой уже болѣе нѣтъ на свѣтѣ, но которая была ей дороже «всѣхъ близкихъ».—«Ну, вотъ тебѣ музыкантъ,» говоритъ ей отецъ, которому досадно смотрѣть на ея вѣчно-скупчающее лице,—«теперь не будешь пустяки разные выдумывать,—онъ тебя лучше «всякой гувернантки развлечетъ.» За этой рекомендаціей, мудрый родитель этотъ уѣзжаетъ по какому-то дѣлу на продолжительное

время изъ деревни. Чувствительная барышня и крѣпостной музыкантъ остаются на полной своей волѣ и между ними тотчасъ-же образуется величайшая интимность. Мама повѣряетъ Гришѣ сокровеннѣйшія свои тайны: ее мучить мысль, что она «ни къ кому не привязана, а вѣдь это грѣхъ,—развѣ я не должна любить отца? Онъ развѣ не хлопочетъ о моемъ счастьи, вѣдь онъ любитъ меня?» Авторъ драмы не далъ себѣ труда объяснить ни единымъ намекомъ откуда, въ какой средѣ, крѣпостный мальчикъ, посланный учиться специально музыкѣ, могъ почерпнуть свое «гуманное» образованіе, но отвѣты, даваемые имъ на душевныя сомнѣнія генеральской дочки свидѣлствуютъ объ образѣ мыслей свойствъ самыхъ *современныхъ*. — «Вы говорите, объясняетъ онъ ей, что отецъ вашъ заботится о васъ. Да вѣдь это онъ дѣлаетъ не для васъ, а для себя. Онъ васъ не любитъ, ибо кто любитъ, тотъ знаетъ, что любезной личности пріятно и непріятно, а онъ постоянно дѣйствуетъ «противно вашимъ вкусамъ и желаніямъ.» — «Мнѣ кажется вы правы, отвѣчаетъ на это дѣвушка, я не умѣю съ вами спорить, но «не говорите мнѣ объ этомъ, я не хочу грѣшить.» — «Обманывать грѣшнѣе, чѣмъ говорить правду,» возражаетъ моралистъ-музыкантъ и затѣмъ доказываетъ своей ученицѣ, что она «сама не любитъ «своего отца.» — «Что-же дѣлать, если вы ничего общаго съ нимъ «не имѣете.. Не осуждайте меня, говоритъ онъ наконецъ, за то, что я ненавижу генерала, *что и въ васъ думалъ найти то-же чувство.*» Убѣжденная, какъ видно, такимъ откровеннымъ и деликатнымъ изложеніемъ чувствъ собесѣдника своего, въ высокой нравственной его развитости, чувствительная барышня немедленно предлагаетъ ему «быть ея братомъ и покровителемъ,» вслѣдствіе чего и виснетъ ему на шею. Гроза между тѣмъ собирается надъ интересною четой. Сестра генерала, до которой дошли слухи о непри-

личной короткости племянницы ея «съ холопомъ,» прѣзжаетъ къ Машѣ съ выговоромъ, а музыканта осыпаетъ самою грубою бранью. и грозитъ «угодить его подъ красную шапку.» Авторъ не преминулъ при этомъ изобразить дочь этой дамы цѣлующуюся въ кустахъ съ прѣхавшимъ съ ними какимъ-то молоденькимъ кузеномъ, въ виду, очевидно, *сопоставить* безнравственность «свѣтской дѣвушки» съ чистотою свободно-мыслящей женской личности. Тетка Маши, вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ, извѣщаетъ обо всемъ брата своего, который, съ другой стороны, получаетъ извѣстія о близости дочери съ музыкантомъ, отъ дворецкаго своего, который, равно какъ и всѣ дворовые люди генерала, ненавидятъ Гришу, «попав «шаго въ бары изъ холопьевъ.» Разбышенный Генераль даетъ имъ «приказаніе «схватить *такого-сякого* музыканта Гришку и дѣлать «съ нимъ, что хотятъ, лишь бы онъ мнѣ на глаза не попадался, а «не то я убью его, своими руками убью!» Любовники между тѣмъ собираются бѣжать за границу, съ фальшивыми паспортами, которые имъ обѣщали достать. Старикъ крестьянинъ, отецъ Гриши, ѣдетъ за этими паспортами въ городъ, но возвращается оттуда съ страшной вѣстью: генераль долженъ быть черезъ часъ въ деревню.— «Бѣги, спасайся Гриша, умоляетъ его отецъ, бѣги! *Вѣдь тебя «идъ нибудь—въ сараѣ придавятъ!* Кто за тебя заступится,— «вѣдь ты вѣрнопостной! Скажутъ потомъ, что самъ умеръ и концы въ воду! Поди, судись съ ними.» Дворовые люди между тѣмъ приходятъ брать музыканта. Но онъ схватываетъ пистолетъ и грозитъ убить перваго, кто наложитъ на него руку. При этомъ онъ говоритъ толпѣ: «Что я вамъ сдѣлалъ? зачѣмъ вы такъ радостно «спѣшите исполнить приказаніе барина, предъ которымъ вы сами «дрожите. Вамъ завидно, что меня, брата вашего, холопа, полюбила «дочь вашего помѣщика. Дураки, дураки, если-бы вы дорожили боль-

«ше собой и думали о своемъ собственномъ счастьи, вы бы радовались на меня и помогали бы мнѣ!...» Пьеса кончается тѣмъ, что любовники рѣшаются умереть; въ то самое время, когда генералъ въѣзжаетъ въ свою усадьбу, раздаются два выстрѣла и на сцену вносятъ бездыханное тѣло Маши: музыкантъ застрѣлилъ ее и себя.

Изъ представленныхъ нами выписокъ, мы въ правѣ, кажется вывести безошибочно то печальное заключеніе, что наша современная драматическая литература, почти безъ исключенія, ¹⁾ носить на себѣ характеръ направленія положительно враждебнаго существующему общественному порядку и проводить путемъ сцены ученія самаго ридикально-демократическаго свойства. Въ виду этого нельзя не принять во вниманіе что театръ, по степени вліянія своего на массы, стоитъ неизмѣримо выше печатнаго слова, какую бы форму оно ни принимало. Книга, журналъ, газета имѣютъ значеніе въ средѣ людей, получившихъ извѣстную, хотя бы самую, малую долю образованія, а слѣдовательно, въ нѣкоторой степени, способныхъ провѣрять, — подвергать критикѣ прочитанное ими, между тѣмъ какъ театръ, дѣйствуя посредствомъ живыхъ, осязательныхъ образовъ, доступенъ личностямъ, стоящимъ на самой низкой степени духовнаго развитія и по этому пассивно принимающимъ идеи, идущія къ нимъ непосредственно со сцены. Въ нашей странѣ, гдѣ,

¹⁾ Даже тамъ, гдѣ наши авторы относятся по возможности объективно къ изображаемымъ ими явленіямъ жизни какъ напр. въ пьесахъ: «Слово и дѣло», «Разладъ», «Неровня» и др., нельзя не замѣтить какой-то необычайной робости въ пріемахъ ихъ, едва только данное положеніе требуетъ отъ нихъ откровеннаго порицанія *новаго* и безпристрастнаго одобренія *старого*. Они очевидно стараются въ этихъ случаяхъ обойти сами положеніе той или другою уловкою. Въ этомъ можно легко убѣдиться изъ подробнаго изложенія этихъ пьесъ, представляемаго въ запискѣ, служащей приложеніемъ къ настоящему очерку.

къ сожалѣнію, только съ этой маседры преподаются народу поученія, гдѣ онъ такъ мало имѣетъ случаевъ услышать слово истины, слѣдуетъ быть особенно внимательнымъ въ дѣлѣ цензурнаго разсматриванія пьесъ, претендующихъ на значеніе общественное.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ОБОЗРѢНІЮ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛІТЕРАТУРЫ.

НЕ ХУЖЕ ДРУГИХЪ.

ДРАМА ВЪ 3-хъ д. 6-ти карт. съ прологомъ и эпилогомъ.

ВЛ. МИХАЙЛОВА.

(Безнравственность барскаго воспитанія).

Свѣтскій, разоренный человѣкъ, «генеральскій сынъ», боящійся труда какъ огня и полагающій деньги единственною цѣлью въ жизни, ищетъ невѣсты въ купеческомъ кругу. Повторяется точь въ точь интрига и весь ходъ комедіи: «Дока на доку нашелъ». Характеръ Карденина и Барона и дѣвушекъ-купчихъ, на которыхъ они женятся, совершенно тождественны. Катастрофа таже: разореніе, вслѣдствіе безалабернѣйшей и постыдно пустой и развратной жизни, но съ той разницей, что г. Карденинъ вгоняетъ жену въ чахотку. Ему сопоставленъ *честный труженикъ* докторъ, являющійся въ прологъ и эпилогъ и выражающійся такъ между прочимъ: «поменьше бы вотъ такихъ матушкиныхъ сынковъ,—туеядцевъ было, такъ лучше бы было бѣднымъ людямъ—труженикамъ». Онъ же заключаетъ пьесу отвѣчая на просьбу Карденина спасти жену: «поздно, сударь, поздно. Мертваго не воскресишь. И къ чему это отчаяніе, оно вамъ вовсе нейдетъ. Непройдетъ года

*

и вы сами будете смѣяться надъ этою ужасною минутой. Жени-
тесь еще разъ, и даже выгоднѣе. Можетъ быть денегъ нѣтъ,
вздоръ—отыщите! О средствахъ Вы не задумаетесь, какія бы гнус-
ныя они ни были, все равно. Вѣдь наживаются же другіе Богъ
знаетъ какими путями, на счетъ чужаго труда и нищеты, и мяг-
ко имъ и хорошо и спокойно, и ни что въ мірѣ ихъ не растро-
гаетъ. . . . А вы? Чѣмъ же вы хуже другихъ».

БЫТЬ И СЛЫТЬ.

КОМЕДИЯ ВЪ 4-хъ Д.

Г-НИ ГОСЛАВСКОЙ.

(Безнравственность свѣтской жизни и сословные предрасудки).

У вдовы генеральши Лауровой двѣ дочери: одна пустая, тще-
славная дѣвушка, Саша, другая Лиза, умная, чувствительная и сері-
озная. Мать, желая выдать ихъ замужъ, успѣла прожить все остав-
шееся послѣ мужа состояніе на балы, театръ, на свѣтскую жизнь;
она находитъ наконецъ для Саши жениха, гусарскаго ротмистра,
Омутава, котораго почитаетъ богатымъ, между тѣмъ какъ онъ раз-
считываетъ на состояніе невѣсты. Лиза, между тѣмъ, любитъ втай-
нѣ бывшаго воспитанника своего отца, *молодаго медика*, который
такъ же любитъ ее, но не смѣетъ высказаться, почитая себя невы-
годною для нея партіею. Лиза въ то-же время ищетъ себѣ мѣсто клас-
сной дамы, чтобы избавиться отъ жизни, грустный исходъ которой
она предчувствуетъ. Вдругъ мать получаетъ письмо отъ одного бо-
гатаго и знатнаго господина, который проситъ руки Лизы. Первая
мысль дѣвушки, узнавъ объ этомъ, благодарить Бога за то, что
«ее, значитъ, можно любить», въ чемъ она до этой поры сомнѣ-

васъ, почитая себя не красивой и не любезной. За тѣмъ она отказывается на отрѣзъ выходить за нелюбимаго человѣка. Происходитъ сцена между ею и матерью, которая разбѣшенная упорствомъ дочери, говоритъ что «узнаешь въ ней ея покойнаго отца и также ненавидитъ ее, какъ ненавидѣла его.—Ты хочешь быть «классной дамой! Генеральская дочь! О это убьетъ меня. . . Но «я не позволю, я все разрушу. . . . Я проклинаю тебя!» . . Молодой медикъ застаётъ за тѣмъ Лизу одну въ сильномъ горѣ, она ему все рассказываетъ. Узнавъ, что она бѣдна и несчастна, онъ открывается ей въ любви. Она, въ порывѣ восторга, отвѣчаетъ ему тѣмъ же, говоря: «ты не знаешь мою мать, она отравитъ, «разобьетъ наше счастье. Уйдемъ отсюда. Я къ тебѣ пойду, буду «трудиться съ тобою, жить у тебя. У меня никого, никого кро- «мѣ тебя!» Онъ соглашается, но Лиза потрясенная до глубины души сценой съ матерью, впадаетъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой ее спасаетъ лишь искусство ея любезнаго, медика Балева. Едва оправившись, она собирается напомнить данное ему обещаніе, переѣхать къ нему жить. Ее удерживаетъ старикъ слуга любящій ее съ колыбели, отъ котораго она не скрываетъ своего положенія.— «Но почему же? спрашиваетъ съ удивленіемъ дѣвушка, мы любимъ «другъ друга, остальное все вздоръ, предрасудки, все люди устро- «или». Онъ ей рассказываетъ о томъ, какъ «жена его ушла съ лю- «бовникомъ и дочь свою кинула, какъ онъ обожалъ эту дочь остав- «ленную ему и какъ наконецъ она, прійдя въ возрастъ, въ мать «пошла и тоже бросила его, съ кѣмъ-то ушла, а тамъ въ такую «жизнь втянулась, что лучше и не вспоминать». . . Ну, говоритъ онъ ей въ заключеніе длиннаго разсказа: «а какъ ты съ твоимъ «нарѣченнымъ разлюбите другъ дружку? Легко ли тебѣ отъ него «зависть будетъ? Да отъ одной тоски, что ты живешь на его счетъ,

«ты не вынесешь. А одинокое горе и мысли родить дурныя. . . » Убѣжденная этими доводами, Лиза рѣшается принять мѣсто классной дамы, оказывающаеся вакантнымъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. «Жизнь, полная лишеній и заботъ, одинокій, тяжелый трудъ, къ которому я не привыкла, говоритъ она,—не легко мнѣ будетъ; но за то полное уваженіе къ себѣ, свобода дѣйствій и независимость!» И съ этимъ уѣзжаетъ. Тотъ же, Григорій, подобными анекдотами изъ жизненнаго опыта своего успокаиваетъ горе Балеваго! «Ты правъ старикъ, говоритъ медикъ, будущность велика, а мы молоды...будемъ идти каждый своей дорогой, трудясь и надѣясь на лучшее.» «Дѣлать болѣе нечего!» Оматовъ между тѣмъ узнаетъ о дѣйствительномъ денежномъ положеніи своей невѣсты чрезъ горничную ея, бывшую его любовницу, которая, отойдя отъ Лаурова, приходитъ просить у него пособія для ребенка, прижитаго ею отъ Оматова. Онъ грубо отказываетъ ей сначала въ томъ, но узнавъ отъ нея о бѣдности своей невѣсты, общается ей денегъ съ тѣмъ, чтобы она «обо всемъ навѣрное разузнала, да «пришла мнѣ сказать, чтобы я могъ *улизнуть*, уѣхать отсюда.» На это дѣвушка, «съ отвращеніемъ» отвѣчаетъ, что «ей денегъ его не нужно.» «Обманете вы и ихъ какъ меня обманули. Запрягу «я себя день и ночь въ работу, а ребенка не оставлю безъ хлѣба. «Не отрекусь я отъ моего рожденія; хоть я и бѣдная и родители «мои крестьяне и копѣйка моя трудовая, да и я женщина «простая, не изъ воспитанныхъ, не изъ *благородныхъ*, какъ вы, «*баринъ*, офицеръ!...» Оматовъ нисколько не тронутый этимъ, самымъ наглымъ образомъ, вызываетъ невѣсту и мать ея на отказъ ему, явившись къ нимъ преднамѣренно въ нетрезвомъ видѣ съ грубымъ требованіемъ объясненій на счетъ приданаго.

ПАСЫНОКЪ.

Драма въ 5-ти д.

СОЧ. ГОРСКАГО.

(Недостатокъ нравственныхъ правилъ и тунеядство ведутъ къ преступленію).

Воспитанникъ петербургскаго военнаго заведенія, гвардейскій офицеръ Бурцевъ, развратникъ и мотъ, прїѣзжаетъ въ деревню, принадлежащую ему, но которая по волѣ покойной его матери, отдана въ пожизненное владѣніе вотчима его, Оловянникова. Старикъ, «человѣкъ вспылчивый, суровый и властолюбивый», какъ значитсѣ въ оглавленіи дѣйствующихъ лицъ, ненавидитъ своего пасынка, который съ своей стороны питаетъ къ нему все болѣе и болѣе враждебное чувство соотвѣтственно съ возрастающею у него нуждою въ деньгахъ, въ которыхъ ему отказываетъ старикъ. Бурцевъ прїѣхалъ съ намѣреніемъ просить у него подѣлиться съ нимъ имѣніемъ и употребляетъ для переговоровъ сестру свою, молодую вдову, дочь Оловянникова. Старикъ отказываетъ ему на отрѣзъ и едва рѣшается пустить къ себѣ въ домъ пасынка. Изъ этого положенія происходитъ рядъ сценъ, веденныхъ довольно искусно, въ которыхъ раздраженіе обѣихъ сторонъ, усиливаясь постепенно, доходитъ до неминуемой катастрофы. Пасынокъ рѣшается «покончить» съ вотчимомъ, который на его мольбы отвѣчалъ отказомъ, а на его угрозы презрѣніемъ: «небоюсь я тебя; твоей душѣ только на кутежъ «хватить.» Бурцевъ лишаетъ его жизни, задушивъ ночью подушкой. Убійца приговоренъ къ каторжной работѣ, а бѣдная невинная сестра его вслѣдствіе интриги лихоимца судьи, отсылается на поселеніе за то, что не донесла объ угрозахъ брата отцу ея, въ исполненіе которыхъ она, по нравственной чистотѣ своей, никакъ не хотѣла

вѣрить. Въ эту драму введено довольно не нужное лицо воспитателя малолѣтнаго сына молодой вдовы, «благороднаго и развитаго молодого человѣка,» который остается ей преданнымъ до конца.

СЕМЕЙНЫЕ РАЗСЧЕТЫ.

ДРАМА ВЪ 4-хъ Д.

КУЛИКОВЫХЪ.

(Безнравственность барскаго воспитанія и продажность брака).

Раззоренная дворянка, мать трехъ дочерей невѣстъ, выдаетъ лучшую по нравственнымъ достоинствамъ, меньшую изъ нихъ, за сына нажившагося всякими нечистыми путями купца. Дѣвушка жертвуетъ собой для матери и сестеръ, выходя за непроходимаго глупца. Свекоръ покупаетъ на ея имя 800 душъ крестьянъ, которыхъ тиранить не милосерднымъ образомъ. Она вступается за нихъ и подвергается вслѣдствіе этаго самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны свекра, которому потакають и всѣ члены ея семейства, разсчитывая на то, что онъ поможетъ имъ деньгами. Молодая женщина, послѣ отвратительной сцены съ нимъ, сходитъ съ ума, повторяя въ своемъ безуміи одну и ту же фразу. «Маменька, что вы со мной сдѣлали!» Пьеса отличается страшною карикатурностью всѣхъ выведенныхъ въ ней въ огромномъ числѣ лицъ, грубостью языка и неправдоподобностью многихъ характеровъ. Идея ея, кромѣ протеста, противъ продажности брака выражается еще, по мысли авторовъ и въ этихъ словахъ, которые говоритъ одинъ изъ крестьянъ

янь ишѣнія, въ которомъ такъ безнаказанно распоряжается негодай-богачъ Филатъ Переваловъ: «Сохрани Богъ отъ мора, отъ пожара, «да отъ нашего брата, какъ угодить въ бара!»

БЫЛЬ МОЛОДЦУ НЕ УКОРЪ.

Комедія въ 4-хъ д.

Н. ПОТЪХИНА.

(Безнравственность общества, гдѣ сильный безнаказанно можетъ совершать низкія дѣла, а слабымъ остается на долю позоръ или отчаяніе).

Г-жа Гюбштейнъ, «по первому мужу коллежская ассесорша и кавалерша», содержитъ бѣлошвейный магазинъ и гнететъ страшнымъ деспотизмомъ добраго нѣмца-мужа, племянника своего Силина, *изъ университетскихъ развитыхъ*, и работницъ своихъ, Груню сироту, дворянку и мастерицу Дашу. Даша «прошла сѣвось всѣ тяжкія» и въ душѣ злобствуетъ противъ невинной Груни, съ которою на словахъ дружна, и старается всѣми силами свести ее съ молодымъ человѣкомъ Барскимъ, въ котораго влюблена Груша. Въ 1-мъ актѣ длинная экспозиція. Силинъ влюбленъ въ Груню; тетка его хочетъ выдать ее за стараго таможеннаго лихоимца Хватова; она этому отказывается, отъ Силина кое-какъ отдѣлывается и отправляется на свиданіе съ Барскимъ, подталкиваемая озлобленной противъ всего свѣта Дашею, которая выражается такъ: «сидѣть съ ней рядомъ не могу, съ этой *дворянкой*, такъ вотъ и точить «зависть на нее. Погоди красота, неуйдешь отъ сестры нашей, «сравняешься.... Точно она укоръ мой, взгляну на нее, сердце такъ

«и зашептитъ, старое вспомнится. Да погоди *дворянка*, на одну «половицу съ нами встанешь! Погуляй, посмотри, узнаешь какъ «нашей сестрѣ эта любовь сладко проходить!» Во 2-мъ дѣйствіи отецъ Барскаго хочетъ женить сына на старой дѣвушкѣ, графинѣ, находящейся въ дружбѣ съ его любовницею свѣтскою женщиною, «занимающеюся благотворительностію». Сынъ, успѣвшій между тѣмъ соблазнить Груню, отвѣчаетъ, что онъ *долженъ* жениться на ней. Тогда отецъ предлагаетъ ему на выборъ: или жениться на графинѣ или отказаться отъ наслѣдства, такъ какъ имѣніе имъ благопріобрѣтено «я копилъ, работалъ, спину ломалъ, шею гнулъ,» говорить онъ по этому поводу. Сынъ оставшись одинъ, разсуждаетъ: «куда же идти, что дѣлать? Работать начать! Да какое же я дѣло «знаю—?ни какого! Вотъ и поди, отстаивай свои убѣжденія. Вотъ и «образование!» И вслѣдствіе этого онъ порѣшаетъ въ своей головѣ жениться на графинѣ, но «Груни забывать и посвятить ей всю «жизнь, при чемъ озолотить ее». Отецъ, получивъ наконецъ согласіе сына, велитъ Силину, (который у него домашній секретарь), разослать приглашительные билеты на помолвку молодого Барскаго съ графиней. Въ это время вбѣгаетъ Груня, которую Даша предварила объ измѣнѣ ея любовника и кидается на шею ему съ рыданіемъ, но отецъ выпроваживаетъ сына, между тѣмъ какъ Силинъ хочетъ увести Гуню и разражается ругательствами противъ старика Барскаго «знайте, *бояринъ*, кричитъ онъ, что я презираю васъ, «какъ ту негодную пѣявку, которая сосетъ все доброе, все честное». «Господи! не ужели и эти ея слезы не дойдутъ до Неба!» Его гонять вонъ, а за тѣмъ старикъ Барскій выпроваживаетъ Груню, говоря ей, что «онъ уважаетъ чувство и потому нехочетъ, чтобы «сынъ его говорилъ съ ней въ домѣ ей незнакомѣ, что ей «стыдно быть здѣсь».

Въ 3-мъ актѣ, въ минуту, когда Хватовъ находится у г. Гюбштейнъ, еще вполнѣ увѣренный, что Груня за него пойдетъ замужъ, ей приносятъ письмо отъ молодого Барскаго, въ которомъ онъ объясняетъ ей, что женится на «нелюбимой женщинѣ», но предлагаетъ ей «остаться, если не для свѣта, то другъ для друга тѣми же и пройти смѣло жизненную дорогу какъ рыцари безъ «страха и упрека». При письмѣ деньги, которыя Груня въ отчаяніи, кидаетъ въ огонь, къ величайшей злости г. Гюбштейнъ, которая немедленно выгоняетъ ее отъ себя, между тѣмъ какъ оскорбленный Силинъ, прочитавшій письмо, и къ которому Груня обращается «за помощью», злобно отталкиваетъ ее, въ слѣдствіе чего честный старикъ нѣмецъ Гюбштейнъ говоритъ ему: «я вамъ скажу два слова «по тихонько, вы подлецъ».

Въ послѣднемъ актѣ Груня, жена стараго подагрика, который «Богъ знаетъ откуда взялъ ее». За нею (дѣйствіе въ Павловскѣ) толпою волочится молодежь. Барскій встрѣчается съ нею и возобновляетъ свои исканія, извиняется за прошлое тѣмъ, что: «мы женимся - де для нашего жизненнаго смысла, свѣтскаго, «общественнаго; для этого нужны намъ деньги, связи и умъ «только чувство здѣсь лишнее, и потому женился бы я на тебѣ «любви бы нашей неприбавилось, а скорѣе убавилось!» Она даетъ ему договорить и за тѣмъ отвѣчаетъ: «прочь бездушный фразеръ! «Вы хотите заставить меня повторить преступленіе мною уже сдѣланное черезъ васъ! я замужемъ, а у васъ въ груди не сердце, «а гнѣздо змѣи». Силину, предлагающему ей также вернуться къ нему, она говоритъ: «поздно! Вы могли поднять меня, поддержать, «подать мнѣ руку, а вы отвергнули меня. Счастье мое погребено «съ той минуты. Я принадлежу моему мужу». Силинъ по ея уходѣ, наталкивается на Барскаго, котораго тотчасъ же обзываетъ: «раз-

«бойникъ, душегубецъ, знай, что нельзя безнаказанно живыхъ людей обращать въ ходячіе трупы!» — и кидается на него. Его оставливаютъ, а онъ указывая на удаляющагося Барскаго, говоритъ въ заключеніе: «Всѣ и все за него; его, пожалуй, даже и общество «оправдаетъ, приберетъ поговорицу, скажетъ: былъ молодцу не укоръ!» «Ведите меня въ желтый домъ».

ТАНЯ.

ДРАМА въ 5-ти д. съ прологомъ.

СОЛОВЬЕВА.

(Семейный произволъ и сословный предрасудокъ).

Опять тотъ же мотивъ бѣдной, честной дѣвушки, любимой молодымъ человѣкомъ не равнаго съ ней положенія и которому суровый родитель не позволяетъ жиниться на ней. Пьеса видимо передѣлана съ французскаго. Г. Крутойровъ «богатый и чиновный господинъ» употребляетъ, относительно непріятной для него страсти сына къ бѣдной швеѣ, приемы болѣе тонкіе, чѣмъ насильственные. Онъ диктуетъ своему секретарю анонимное письмо къ сыну, въ которомъ ему говорится, что «безъ него мѣсто его у той, которую онъ такъ свято любить, бываетъ занято другимъ, болѣе «его счастливымъ». Въ порывѣ ревности молодой Крутойровъ прерываетъ сношенія съ Таней. За несчастную дѣвушку между тѣмъ вступается подруга ея молодости, потерянная женщина, сохранившая къ Танѣ нѣжную дружбу. Она любовница отца Крутойрова и страхомъ огласки и скандала, заставляетъ его согласиться на бракъ

сына съ Таней. Но уже поздно; когда Крутойаровъ съ женою и сыномъ являются къ бѣдной швеѣ, «съ повинными головами», они застаютъ ее умирающей.

СВѢТЪ И ЕГО ТѢНИ.

Комедія въ 4-хъ д.

ПОЛОНСКАГО.

(Обличеніе безнравственности свѣтской жизни).

Избитые типы пустѣйшихъ «свѣтскихъ людей», какими они постоянно выводятся на нашемъ театрѣ. Мелочное, жалкое тщеславіе, которому жертвуются всѣ остальные интересы жизни, самыя законныя чувства и нравственный долгъ,—вотъ общій характеръ изображаемаго авторомъ общества, въ среду котораго онъ вводитъ два живыя лица. Одинъ изъ нихъ «молодой архитекторъ подающій «большія надежды», Уюльскій, честная, увлекающаяся и неопытная личность, и нѣкто Кременчуговъ, которому огромное богатство и независимый характеръ даютъ особенное значеніе въ свѣтѣ, который онъ глубоко презираетъ. Уюльскій друженъ съ нимъ и повѣряетъ ему тайну о любви своей къ одной свѣтской дѣвушкѣ, Полиѣ Бѣлоканской, которая сама его любитъ и призналась ему въ этомъ. Кременчуговъ радуется за пріятеля и даже даритъ ему домъ въ Москвѣ, «на радостяхъ». Онъ, въ свою очередь, повѣряетъ Уюльскому, что намѣренъ жениться на цыганкѣ, съ которой онъ въ связи, но что она до сихъ поръ никакъ не хочетъ на это согласиться. — «Странно! жениться на продажной женщинѣ» восклицаетъ молодой человекъ. Кременчуговъ приходитъ въ бѣшенство отъ этого

слова, но Уюльскій, тотчасъ же замѣтивъ свою неосторожность, умоляетъ его простить ему. Кременчуговъ успокоивается, но въ душу его закрадывается желаніе слегка отплатить Уюльскому за оскорбительный его отзывъ о любимой имъ женщинѣ. Вскорѣ представляется ему для этого удобный случай. Онъ встрѣчается на одномъ вечерѣ съ г-жею Бѣлоканской, матерью дѣвушки, любимой Уюльскимъ, и, въ разговоръ съ нею, говоритъ ей сначала, что холостая жизнь ему надѣла, потомъ легкимъ намекомъ даетъ ей понятіе, что дочь ея ему нравится, и кончаетъ вопросомъ: «когда васъ можно застать дома?»—«Для васъ всегда,» отвѣчаетъ восхищенная барыня и бѣжитъ сообщить дочери о неожиданной блестящей партіи, ожидающей ее. Вслѣдствіе этого разсчета, безсердечная, пустая свѣтская дѣвушка пишетъ Уюльскому, чтобы онъ «забылъ все то, что она говорила ему, что это было съ ея стороны не кокетство, но радужная мимолетная мечта, и ничего «больше»... А что теперь «она должна пожертвовать собой для «блага своей семьи» и проч. Письмо свѣтской дѣвушки подписано: «извѣстная вамъ П.» Уюльскій, въ полномъ отчаяніи, прибѣгаетъ съ этимъ письмомъ къ Кременчугову, котораго застаетъ въ величайшемъ восторгѣ: цыганка Сара рѣшилась наконецъ выйти за него замужъ! Кременчуговъ признается пріятелю въ томъ, что онъ настоящій виновникъ отказа Полины и пользуется случаемъ излить свою злобу на ненавистное ему «продажное» общество.—«Все «продается тамъ, говоритъ онъ, чувства, ласки, убѣжденія, самыя «святыя дорогія убѣжденія! И это будетъ до тѣхъ поръ, пока «не будетъ ни одуряющей бѣдности, ни одурѣвшей роскоши,—«но мы съ тобой не доживемъ до этого времени!—Не стоитъ и жить, если не доживемъ!» говоритъ на это Уюльскій. Горячая выходка богача Кременчугова противъ «одурѣвшей роскоши» увѣн-

чивается полнымъ успѣхомъ. Увлеченная его краснорѣчіемъ, любовница его объявляетъ ему на отрѣзъ, что «ни за что не будетъ его женой! Рѣжь меня, жги меня,» говорить она словами Пушкинско́й пѣсни, «не пойду за тебя. Ты говоришь, что все продается «и все покупается въ свѣтѣ и хочешь и меня окунуть въ этотъ «омутъ. Вы оба подумаете, будете подозрѣвать, что я вышла за «мужъ за богатство, что я тоже продажная. Да ни за что, ни за «что въ свѣтѣ»...

Публика нашла въ разныхъ мѣстахъ этой пьесы намеки на нѣкоторые извѣстныя свѣтскія личности.

РАЗЛАДЪ.

Комедія въ 2-хъ д. съ эпилогомъ.

ВЛАДЫКИНА.

(Столкновение двухъ поколѣній).

Довольно добросовѣстное по намѣренію, но весьма слабое по исполненію, сопоставленіе двухъ поколѣній, въ лицѣ отца и сына. Вдовый старикъ, помѣщикъ, честный и энергичный «взроспій на понятіяхъ своего времени,» оскорбляется тѣмъ, что взрослый сынъ его, не менѣе его «благородный и энергичный труженикъ,» служащій въ Петербургѣ, задумалъ жениться тамъ на бѣдной дѣвушкѣ и, не испросивъ предварительно отцовскаго благословенія, пріѣхалъ къ нему только объявить объ этомъ и просить, если можно, выдѣлать его, на случай если у него будутъ дѣти. Обиженный отецъ отказываетъ сыну въ законной просьбѣ его, говоря, что «рѣшаясь «жениться и совѣтуясь единственно съ самимъ собой, онъ и въ «будущемъ долженъ былъ разсчитывать лишь на одного себя».

Обиженный сынъ отвѣчаетъ, что «онъ такъ цѣнитъ свою свободу, что «не можетъ добровольно поставить себя въ зависимость даже отъ отца, и потому разговоръ конченъ. Обезпечить его отецъ не согласенъ, а вспомошествованія отъ него онъ никакого не приметъ.» Вслѣдствіе чего, онъ немедленно уѣзжаетъ въ Петербургъ. Оставшись одинъ, отецъ глубоко оскорбленный «незаслуженнымъ пресрѣньемъ сына» рѣшается доказать ему, что «онъ еще можетъ «кусаться очень больно, когда его затронуть». Вслѣдствіе этого, онъ отдаетъ, по дарственной записи, половину своего имѣнія любовницѣ своей, отъ которой имъ прижитъ сынъ, но немедленно наказанъ за этотъ поступокъ, такъ какъ глупая женщина эта, подъ вліяніемъ негодя брата, бывшего двороваго, объявляетъ ему, что съ этихъ поръ «намѣрена жить въ законѣ,» и потому «будетъ уже намъ съ вами, погрѣшили,»—а братъ ея прямо гонитъ старика съ роднаго пепелища, переданнаго имъ любовницѣ, но въ которомъ онъ думалъ и умереть, до смерти лелеянный ею. Онъ переѣзжаетъ въ другое имѣніе, гдѣ и умираетъ на рукахъ вызваннаго имъ роднаго сына, которому говоритъ передъ концемъ: «мы ошиблись искренно оба. Ты гордъ, заносчивъ, «самоувѣренъ и молодъ. Я гордъ, самоувѣренъ—и старъ! Мы оба «честны и каждый по своему, былъ справедливъ. Виною всему «время и нетерпимость наша съ тобой. Оба мы всю жизнь «старились служить добру и неуважали это сходство другъ въ другъ «потому, что служили ему различно, потому, что родились въ разное время. Грустно, обидно, когда не признаютъ за тобой даже «честныхъ намѣреній всей твоей жизни!—Будьнисходителенъ къ «людямъ, сынъ мой; изо—ста одинъ, не больше, сознательно злой «человѣкъ!»

ПОМѢШАННЫЙ.

Сцены въ 3-хъ д.

С. ФЕДОРОВА.

(Гнусная безнравственность барства съ его сословными предрасудками).

Молодой, богатый помѣщикъ Пепельниковъ хочетъ жениться на крѣпостной своей, воспитанницѣ его покойной матери, дѣвушкѣ «честной, умной и образованной». Многочисленная родня его обоихъ половъ приходитъ въ негодованіе; всѣ эти лица изображены съ очевиднымъ намѣреніемъ представить въ наиболѣе каррикатурномъ и омерзительномъ видѣ движущія ихъ сословныя притязанія. Одинъ изъ родственниковъ г. Фордобаевъ, выражается наприм. такъ: «Человѣкъ самостоятельный, образованный.... И вдругъ.... «жениться на своей крѣпостной! Вѣдь это что? а? Неуваженіе «законовъ, неуваженіе этихъ... какъ ихъ? условій! Да, условій «общественныхъ.... Попираніе правъ своего сословія.... Ну, и все «этакое.... Говорить страшно, чѣмъ все это пахнетъ.... Ну, и при «томъ вѣдь это пятно на дворянство, позоръ на всю губернію. «Вѣдь послѣ этого всякій имѣетъ право вамъ въ глаза наплевать... «Вѣдь онъ не хочетъ понять, что такое столбовый дворянинъ! «Вѣдь это не мечта, не мифъ какой-нибудь языческій, не дворянщина, съ позволенія сказать! Нѣтъ-съ, это подпора, столбъ «отечества!... Небось, учился въ разныхъ университетахъ и ли «целяхъ, а забылъ, что дворяне войны вели, благородной крови «нещадил.... и проч. и проч.» Чтобы воспрепятствовать позорному, въ глазахъ ихъ, браку, родственники Пепельникова собираются объявить его сумасшедшимъ, но одинъ изъ нихъ, отставной ротмистръ Разгуляевъ, «широкая натура» (какъ значится въ оглав-

леніи дѣйствующихъ лицъ пьесы), предлагаетъ болѣе удобоисполнимое средство. Онъ пишетъ дѣвушкѣ, любимой Пепельниковымъ, записку, въ которой назначаетъ ей свиданіе, какъ бы давнишней любовницѣ своей, и распоряжается такъ, чтобы эта гнусная записка попала въ руки Пепельникова. Вслѣдствіе этого, происходитъ разрывъ между любовниками. Но интрига эта вскорѣ обнаруживается самимъ Разгуляевымъ, который, не получивъ отъ остальныхъ родственниковъ обѣщанныхъ ему за это денегъ, признается Пепельникову, что «онъ былъ подлецъ передъ нимъ, но что вотъ кто «его подстрекнулъ. Я не виноватъ, говоритъ онъ, я былъ въ такомъ положеніи... Я казенныя денежки ухнулъ! Я дворянинъ! У «меня есть благородныя чувства, да! Меня всѣ бы подлецомъ называли.. Я, я рѣшился. Мнѣ денегъ обѣщали, если я разстрою «свадьбу. Я и разстроилъ! Обманули, обманули аспиды меня». Видя, что планъ ихъ не удался, «благородные дворяне-родственники» возвращаются къ прежнему намеренію ихъ представить Пепельникова сумасшедшимъ. Фордобаевъ (оказывающійся, по смыслу его положенія въ пьесѣ, предводителемъ дворянства, хотя прямо не означенъ такимъ въ оглавленіи дѣйствующихъ лицъ) приступаетъ съ своимъ письмоводителемъ къ освидѣтельствованію его, предлагая ему «вопросные пункты» въ родѣ того: «дважды два, и того сколько?» и т. п. Пепельникова спасаетъ отъ всей этой интриги пріѣздъ новаго губернатора, «изъ молоденькихъ», какъ выражается письмоводитель, стариннаго его пріятели, который на слова Фордобаева: «мы это Ваше Превосходительство во избѣжаніе огласки, свидѣтельствуемъ... Небывалый примѣръ... Дворянская честь, В. Пр-во,» отвѣчаетъ: «я непонимаю о какой дворянской чести вы говорите. Мнѣ кажется, есть одна честь,—честь честнаго человѣка!» На это Фордобаевъ отвѣчаетъ словами, заканчивающими пьесу: «что

«же это такое! и онъ за него! Срамъ! Позоръ на всю губернію! Въдь это наконецъ реформой пахнетъ! реформой!»

Ко всѣмъ остальнымъ лицамъ, выведеннымъ въ этихъ сценахъ, авторъ относится съ тѣмъ же злобнымъ пристрастіемъ. Между прочимъ выведена нѣкто г-жа Безпрозванная, приживалка одной изъ родственницъ Пепельникова. Она наущиваетъ на дворовыхъ этой барыни и подводитъ ихъ безпрестанно подъ ея гнѣвъ, находя наслажденіе присутствовать при ихъ наказаніи: «отведи Машку въ баньку, говоритъ она, я сама посмотрю какъ ее накажутъ. Намедни матушка, Карпычъ такъ-таки и непосѣкъ ее, а докладывалъ вамъ, что наказалъ». «Широкая натура» Разгуляевъ собираетъ самую ее высѣчь «въ банькѣ», откуда она едва спасается и съ крикомъ вбѣгаетъ на сцену: «Честь мою дворянскую замарали!» и проч.

НВ. Слова: *дворянство*, *дворянскій*, которыя у автора повторяются безпрестанно, съ явнымъ намѣреніемъ придать имъ карикатурное или гнусное значеніе, замѣняются на сценѣ словами: *помѣщики*, *мы*, или вовсе исключаются. Но враждебный дворянскому сословію смыслъ этой пьесы ни сколько отъ этого не умалется.

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Комедія въ 5-ти д.

ПАЛЬМА.

(Безнравственность нажитого неправдою богатства и всей сопрягающейся къ нему среды, въ современныхъ нравахъ).

Изображенъ нажившійся, необразованный и тщеславный купецъ-подрядчикъ С. Куличовъ «благодѣтельствующій» разнымъ тунеяд-

цамъ—паразитамъ безстыдно унижающимъ передъ нимъ и лстящимъ ему, между тѣмъ какъ онъ оставляетъ въ нищетѣ родную сестру свою, которую выгналъ изъ своего дома подъ тѣмъ предлогомъ, что она отдалась какому-то любовнику, а въ сущности, потому, что боялся, чтобы этотъ господинъ, соблазвившій ее и желавшій на ней жениться, не потребовалъ отъ него отчета въ капиталѣ сестры Куличова, который этотъ послѣдній заграбилъ мошенническимъ образомъ. Куличовъ ждетъ изъ Петербурга утверждения за нимъ миллионнаго подряда, который отдается ему безъ торга. Г. Фонъ-Кратцъ, начальникъ комисіи, по вѣдомству которой производится этотъ подрядъ, проситъ у Куличова руки племянницы его Тани, для сына своего, пошлаго фата изъ «свѣтскихъ людей». Куличовъ соглашается, боясь вліянія Фонъ-Кратца на «милліонное его дѣло» но Таня любитъ въ тайнѣ, «бѣднаго труженника» Сперанцева, служившаго въ конторѣ у Куличова, но вышедшаго оттуда, такъ какъ нечистыя дѣла, тамъ производящіеся, противны его честнымъ убѣжденіямъ. Она рѣшается уйти изъ подъ власти дяди и съ помощью бѣдной тетки, сестры его, устраивается ѣхать въ Петербургъ съ одной изъ своихъ пріятельницъ, замужней женщиной. «На волю, на волю! говорятъ она себѣ; развѣ можно стѣсняться, когда услышишь это чудное слово: на волю! «О какъ хорошо любить такого человѣка, который ведетъ все впередъ и впередъ!» продолжаетъ она, думая о Сперанцевѣ. Онъ прибѣгаетъ проститься съ ней и между прочимъ говоритъ ей: «Простите меня, я былъ не всегда правъ передъ вами; вы были для меня всегда дороги, но вы все-таки были въ моихъ глазахъ «явленіе, кровно—связанное съ тѣмъ порядкомъ вещей, для котораго «всей ненависти моей мало.... вы были барышня, питомица мадамъ «Куличовой. Но вы сдѣлали теперь то, чего я никогда не ожи-

«даль... Дай же Богъ, чтобы Вы и напередъ не потеряли напра-
«сно ни крупницы этой силы, которой въ васъ теперь такъ много.»
Она даетъ ему руку на будущее, «въ кототоромъ и имъ, быть
«можетъ засвѣтитъ солнце», и уѣзжаетъ. Куличовъ между тѣмъ
готовитъ пиръ на весь городъ, по поводу сговора племянницы съ
сыномъ Фонъ-Кратца. Гости собираются, но вдругъ хозяинъ полу-
чаетъ разомъ двѣ роковыя вѣсти: племянница сбѣжала изъ дома,
а подрядъ на который онъ полагалъ единственную надежду выпу-
таться изъ опаснаго положенія, въ которомъ находятся его дѣла,
вслѣдствіе безалаберно-роскошной его жизни, подрядъ назначено
отдать съ торговъ, въ установленномъ порядкѣ, а надъ Фонъ-Крат-
цемъ наложена ревизія. Все созванное общество, паразиты и льсте-
цы, исчезаютъ мгновенно; Куличову остается вѣреть лишь одинъ
забубенный безсрочно-отпускной гусарь, который говоритъ ему:
«я братъ, не свинтусъ, понимаю, что значить долгъ чести, въ
«полку за всегда былъ товарищъ». На что Куличовъ отвѣчаетъ:
«Русская ты душа Ваня, вотъ это по нашенски, люблю! А дурни,
«то эти дурни! Бѣгутъ, какъ отъ зачумленнаго. Врете вы, братцы;
«коли на то пошло, такъ мы всё съ вами изъ одного, изъ чумнаго
«квартала, вотъ что-съ! Одинъ безъ васъ тутъ ни чего-бы я не
«подѣлалъ... Испугались, ха, ха, ха, ревизія! Да вѣдь чиновникъ-то
«этотъ чай тоже человѣкъ, хлѣбомъ питается, а не газами воз-
«душными!.. Не робѣй, Ваня, не пропадемъ, выскочимъ!»

Въ комедіи этой есть нѣсколько второстепенныхъ, довольно
удачно очерченныхъ лицъ. Между прочимъ изображенъ чиновникъ
«съ современными идеями,» правитель дѣлъ Фонъ-Кратца; онъ бе-
ретъ съ Куличова взятку въ формѣ займа подъ домъ своей тещи,
который не стоитъ и половины занимаемой суммы, и въ тоже вре-
мя говорить, что «онъ не принадлежитъ къ людямъ стараго по-

«рядка, что молодое поколѣніе тяжело скорбѣтъ, потому, что ему суждено бороться съ старыми понятіями и привычками, подъ вліяніемъ которыхъ толкуются и объясняются чистѣйшія его намѣренія и невиннѣйшіе поступки. Все это грустно, очень грустно! «Да, прибавляетъ онъ вздыхая, вамъ господа, не понять нашей грусти!...»

Нельзя между прочимъ не обратить вниманія на неприличность одной сцены въ этой комедіи. Одного изъ паразитовъ Куличова, отставнаго генерала Мордасова, увѣрили въ шутку, что племянница хозяина выходитъ за старика Фонъ-Кратца. Мордасовъ, самъ имѣвшій тайное намѣреніе присвататься къ невѣстѣ, которую онъ почитаетъ богатою, поздравляетъ, скрѣпя сердце того, кого онъ почитаетъ своимъ счастливымъ соперникомъ. Изъ этого выходитъ довольно забавное положеніе, которое авторъ почелъ нужнымъ усилить слѣдующимъ образомъ:—«Мужчина, пока здоровъ, никогда не старѣ, говоритъ Мордасовъ. Какое старѣ? возражаетъ Фонъ-Кратцъ, думая, что рѣчь идетъ о его сынѣ; «Кровь знаете, безпкойная, кипитъ. Разныя фантазіи въ головѣ, шалости... Одна только женитьба спасти можетъ. Надо поторопиться съ этимъ. Потомъ ужъ я и успокоюсь, предоставляю молодежи блаженствовать.—Какъ это вы сказали? Спрашиваетъ изумленный собесѣдникъ.—Я говорю, отвѣчаетъ Фонъ-Кратцъ, въ невинности души, что я дѣлаю свое сдѣлаю и со стороны ужъ буду любоваться ихъ успѣхами. «Правду сказать, я моего сына такъ воспиталъ, что могу многого отъ него ожидать на этомъ поприщѣ.—Какъ, то есть вы отъ роднаго вашего сына?» восклицаетъ Мордасовъ....

СТАТЬЯ ДОХОДНАЯ.

ДРАМА ВЪ 2-ХЪ Д.

КАФТЫРЕВА.

(Отецъ продаетъ дочь свою).

Пьяница старикъ однодворецъ (Подоплекинъ), проведеншій жизнь свою въ паясничествѣ у сосѣднихъ помѣщиковъ, имѣетъ дочь «развитую, съ возвышенными чувствами» дѣвушку, Надю, въ которую влюбленъ благородный, хотя необразованный молодой человѣкъ, сынъ пріятеля Подоплекина, Скворешникова, состоящаго въ должности управляющаго у «богатаго 40-калѣтнаго помѣщика» Кручинина. Надя готова идти за Скворешникова, чтобы избавиться отъ грубаго, пьянаго отца, но онъ нехочетъ отдавать ее за бѣднаго человѣка. Въ это время пріѣзжаетъ въ имѣніе свое самъ Кручининъ, который знакомъ съ Надей, воспитывавшейся въ Петербургѣ у какой-то тетки, и пылаетъ къ ней страстною любовью. Онъ жениться на ней не можетъ, такъ какъ уже женатъ, хотя давно развѣхался съ женой, но хочетъ вырвать дѣвушку изъ оута, въ который бросила ее судьба! Онъ предлагаетъ Подоплекину взять дочь его въ гувернантки къ проживающимъ у него будто малолѣтнимъ дѣтямъ какой-то бѣдной родственницы. Подоплекинъ, догадавшійся о тайныхъ намѣреніяхъ Кручинина, соглашается на его предложеніе, выманивъ у него предварительно порядочную сумму денегъ. Ничего незнающая объ этомъ Надя, на которую съ издавна Кручининъ имѣлъ вліяніе и которая любитъ его, сама того неподозрѣвая, охотно собирается и отправляется съ нимъ, а Подоплекинъ, оставшись одинъ, говоритъ: «Ну Надя, будь тверда! я себѣ благополучіе произвелъ, а ты дѣвушка... вѣпись!»

Кручининъ, не въ силахъ будучи таить далѣе свою страсть, объясняется съ Надей, которая признается ему тоже въ любви, но умоляетъ его отпустить ее: «жениться на мнѣ вы не можете, на «васъ всѣ возстанутъ, а вы вѣроятно не захотите сдѣлать меня «жертвой», говоритъ она. Ихъ разговоръ прерванъ прїѣздомъ сосѣда, Закорюзлова, отставнаго военнаго изъ «лихихъ кутилъ»; Надя уходитъ, а Закорюзловъ, не церемонясь, начинаетъ подтрунивать надъ Кручининимъ: «молодецъ, говоритъ онъ ему, не любить упускать «того, что въ руки плыветъ и проч.» Съ Надей онъ еще менѣе церемонится. Наткнувшись на нее послѣ сцены съ молодымъ Скворешниковымъ, который, терзаемый ревностью, приходитъ навѣки проститься съ ней, говоря, что «не можетъ перенести того, что здѣсь «разыгрывается»,—Закорюзловъ объясняетъ ей, что Кручининъ женатъ и что отецъ продалъ ее за деньги Кручинину. Она поражена до глубины души. Напрасно, со слезами, умоляетъ и Кручининъ, простить ему его поступокъ, «представлявшійся ему какъ единственное средство спасти ее».—«Вѣдь я люблю васъ, Наденька, будьте «моею.—Я ваша, я ваша собственность, говоритъ она на это, вы «можете дѣлать со мной что хотите; только прошу васъ, оставьте «меня теперь». Является Подоплекинъ. Она умоляетъ его отдать деньги Кручинину. Онъ не соглашается. Она звонитъ, требуетъ старика Скворешникова, который объявляетъ ей, что сынъ его умираетъ: «хоть утѣшь ты его, голубушка моя, предъ послѣднимъ концомъ». Она «цѣлуетъ старика въ голову» и убѣгаетъ. Закорюзловъ и взволнованный Кручининъ возвращаются на сцену. Подоплекинъ проситъ опять денегъ у послѣдняго, между тѣмъ какъ Закорюзловъ поднимаетъ стараго шута и осмѣиваетъ его грубыми шутками. Подоплекинъ, окончательно пьяный, приходитъ въ какой-то неправдоподобный экстазъ раскаянья, колотитъ себя въ грудь, восклицая: «Гдѣ дочь,

«гдѣ? и на страшномъ судѣ спросать: куда дочь дѣвалъ? и ввергнуть тебя въ тѣму крошѣшную, гдѣ будетъ скрежетъ зубовъ, и дьяволы спросать!»... Загорюзовъ является съ людьми, которые покрываютъ Подоплекина мѣшкомъ и держутъ его. Въ это время вбѣгаетъ старикъ Скворешниковъ и кричитъ, что Надя утонула. Подоплекинъ, какъ значится въ пьесѣ «прорываетъ въ бокахъ мѣшокъ и падаетъ на колѣна»... Занавѣсъ падаетъ.

ИНСТИТУТКА.

Комедія въ 4-хъ д.

Дьяченко.

(Пустота свѣтскихъ нравовъ).

Молоденькая дѣвушка, только что вышедшая изъ института, поступаетъ въ семейство, еще не стараго доброго и честнаго помѣщика, жена котораго, женщина пустая и легкомысленная, увлекается страстными фразами свѣтскаго фата. Она соглашается на свиданіе съ нимъ въ своей комнатѣ. Неожиданное возвращеніе отсутствующаго мужа, спасаетъ ее отъ измѣны ему и заставляетъ любовника ея спастись бѣгствомъ. Онъ пробирается коридоромъ, ведущимъ въ комнату гувернантки, и въ попыткахъ кидается туда, а изъ окна этой комнаты соскакиваетъ въ садъ. Его принимаютъ за вора, потому узнаютъ его. Молодая гувернантка находчивостью своею спасаетъ хозяйку. Заподозрѣнная за тѣмъ въ свою очередь, она спасена благороднымъ раскаянцемъ настоящей виновной, которая во всемъ признается мужу. Пьеса не претендуетъ на социальное значеніе, но духъ общій всѣмъ нашимъ современнымъ драматическимъ произведеніямъ

изобличается здѣсь въ томъ же неизбѣжномъ сопоставленіи свѣтскаго негодяя съ «честнымъ бѣднымъ труженикомъ», на этотъ разъ въ образѣ учителя при дѣтяхъ того же помѣщика, и въ неправдоподобномъ великодушіи и находчивости молоденькой дѣвочки, жертвующей своею честью для спасенія вздорной свѣтской женщины, которую она не имѣетъ никакихъ причинъ особенно любить.

СЛОВО И ДѢЛО.

Комедія въ 5-ти д.

УСТРАЛОВА.

(Чувство, приносимое въ жертву долгу, съ точки зрѣнія «современнаго» человека).

Пьеса эта представляетъ по задачѣ своей, особый интересъ, такъ какъ она написана была въ защиту «*новыхъ людей*», послѣ появленія извѣстнаго романа Тургенева: «Отцы и дѣти». Соціально-демократическая школа въ нашей литературѣ, получившая здѣсь въ первый разъ названіе школы «нигилистовъ», подъ которымъ съ тѣхъ поръ и обозначаютъ ее, раздѣлилась на два противоположные лагеря относительно главнаго типа этого романа, Базарова. «Современникъ» отнесся къ нему съ крайнею враждебностью и назвалъ произведеніе Тургенева «гнусною клеветою на молодое поколѣніе.» Г. Писаревъ въ «Русскомъ словѣ» совершенно напротивъ, призналъ въ Базаровѣ вѣрное изображеніе типа не только существующаго, но и долженствующаго быть принятымъ за образецъ современнымъ поколѣніемъ. Въ комедіи «Слово и дѣло, авторъ, очевидно принадлежащій къ этому послѣднему мнѣнію, выводитъ съ особенною любовью въ своемъ главномъ дѣйствующемъ лицѣ вариантъ того же типа современнаго ма-

теріалиста съ видимою цѣлю оправдать законность его существованія (за raison d'être) и смягчить вмѣстѣ съ тѣмъ всё тѣ слишкомъ черствыя черты, которыми личность Базарова возбудила непріязненное къ себѣ чувство въ большинствѣ читающей публики.

Вертяевъ, сынъ небогатаго и мало образованнаго отца, (судя потому, что онъ «неохотно отпустилъ сына учиться въ университетъ»), по окончаніи курса наукъ, получилъ въ Тамбовской Губерніи мѣсто управляющаго мыловареннымъ заводомъ. Проживши тамъ нѣсколько лѣтъ, и накопивши нѣсколько деньжонокъ отъ жалованья, онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ «удрать за границу годика на два, а потомъ завести маленькую химическую лабораторію «и засѣсть въ ней, какъ крокъ въ норкѣ.» Онъ является къ университетскому товарищу своему, Лавинскому, состоящему на службѣ въ какомъ-то министерствѣ, котораго онъ на первыхъ же порахъ, упрекаетъ во-первыхъ, за то, «что онъ служить, не имѣя къ этому «никакого призванья», а во вторыхъ за то, «что въ немъ слишкомъ много еще энциклопедичности и идеальничанья.—Мы, говорить «онъ, такъ называемые скептики да матеріалисты, умѣемъ хоть мыло «варить, и то хорошо... *Я вѣрю въ то, что знаю, признаю то, что вижу, и уважаю то, что приноситъ пользу.* «О прочемъ мнѣ нѣтъ дѣла.... Чувство-блажь, которую напускаютъ «на себя люди отъ бездѣлья. Напримѣръ: я понимаю, что можно «заниматься женщиною и даже любить ее, но опять таки любить «не въ смыслѣ любви, не такъ какъ вы понимаете, а любить какъ «свое созданіе, какъ авторъ любить свое произведеніе....—Значить, «ты ни когда не женишься? Спрашивается его Лавинскій.—Никогда! «—Если-бы даже и влюбился?—Я никогда не влюблюсь! Чортъ «знаетъ, и слово такое глупое! Влюбляются школьники и институтки. «Разсудокъ и чувство исключаютъ другъ друга. При нормальной

«дѣятельности разсудка, чувство существовать не можетъ!» Лавинскій повѣряетъ ему, въ свою очередь, что онъ любитъ и любима и что на слѣдующій день должна быть помолвка его съ Наденькой Мартовой, умной и прелестной дѣвушкой.—«Ну, слава Богу, хоть «разъ удалось видѣть счастливаго человѣка!» говорить на это Вертяевъ. Но тучи между тѣмъ собираются надъ головою счастливица. Онъ получаетъ письмо съ извѣстіемъ объ опасной болѣзни старушки матери и принужденъ ѣхать къ ней въ деревню. Онъ привозитъ Вертяева въ домъ Мартовыхъ, прося ихъ видѣть въ немъ своего лучшаго друга. Передъ прощаньемъ съ невѣстой, Лавинскій высказываетъ все идеальное воззрѣніе свое на жизнь: онъ строитъ планы на будущее, когда Наденька будетъ его женою.—«Я хочу принадлежать вамъ безраздѣльно, говоритъ онъ, я такъ высоко ставлю «свою любовь, что всякую постороннюю мысль, всякое занятіе, которое-бы не относилось къ вамъ, буду считать святотатствомъ. Мы «уѣдемъ въ Италію, чтобы никто не мѣшалъ нашему счастью. «Синее небо, воздухъ, который ласкаетъ и нѣжитъ, горы, виноградники, сады... Вотъ гдѣ можно забыть все на свѣтѣ и думать только «о своей любви!».... Въ разговорѣ за тѣмъ съ Вертяевымъ молодая дѣвушка слышитъ голосъ совершенно иныхъ убѣжденій. Вертяевъ горячо возстаетъ противъ такого чувства любви, которое требуетъ себя въ жертву всего человѣка.—«Это не любовь восклицаетъ онъ; «ужъ если говорить о любви, такъ она должна возбуждать человѣка «къ дѣятельности, а не повергать его въ апатію. Развѣ можно сидѣть, сложа руки? Да тутъ черезъ двѣ недѣли задохнешься отъ «бездѣлья! Нѣтъ, женщина не имѣетъ права требовать такихъ «жертвъ; она, напротивъ, должна указывать любящему ее человѣку «на святость честнаго труда, труда, приносящаго не матеріальныя «выгоды, а невыразимое нравственное наслажденіе!»

Отсутствие Лавинского продолжается три мѣсяца. За это время «нечесанный, неуклюжій» Вертяевъ, съ своимъ суровымъ міросозерцаніемъ, успѣлъ, ни сколько самъ не подозрѣвая этого, произвести сильное впечатлѣніе на Наденьку. Женихъ ея возвращается, но «сердце «сжимается у нея, ей хочется плакать, когда вспомнить она, что «черезъ недѣлю она будетъ его женою!— «Вчера, говоритъ она, онъ про- «силъ дать ему цвѣтокъ на память, и странно!... Мнѣ вдругъ сдѣлалось «смѣшно и досадно на него и на себя. Отъ чего онъ говоритъ все о люб- «ви?... Хотѣла-бы я знать, попросилъ бы Вертяевъ цвѣтокъ на память?» Нашъ матерьялистъ между тѣмъ самъ чувствуетъ въ себѣ зарожденіе чувства до этихъ поръ ему неизвѣстнаго. Онъ рѣшается уѣхать и приходитъ прощаться съ Наденькой.— «Какъ же вы прежде объ этомъ «не сказали, отчего такое внезапное рѣшеніе?» Спрашиваетъ она его съ изумленіемъ. «Здѣсь я ни чѣмъ незанимался, весь излѣнился, «работа на умъ нейдетъ, ни къ чему охоты нѣтъ. Сердце мое все «изныло!» прорывается у него наконецъ, въ приливѣ отчаянія. «Остань- «тесь!» отвѣчаетъ ему на это дѣвушка и бѣжитъ отъ него. Она вскорѣ возвращается съ письмомъ въ рукахъ, которое проситъ его передать Лавинскому, «но не раньше какъ завтра.» Пусть сегодня онъ будетъ «спокоенъ и ни передъ кѣмъ не выскажетъ своей тревоги.» Вертяевъ обѣщаетъ. Сцену эту между тѣмъ подсмотрѣлъ нѣкто Бродко, сослуживецъ Лавинскаго, когда-то самъ искавшій руки Наденьки и нацѣлю- щійся разстроить ея свадьбу. Онъ сообщаетъ Лавинскому, что его невѣста только что передала какую-то записку другу его, Вертяеву. Лавинскій требуетъ эту записку отъ Вертяева, который отвѣчаетъ, что по данному имъ обѣщанію, онъ можетъ ее отдать ему только на слѣдующій день. Тогда Лавинскій, внѣ себя, громко, передъ всѣмъ обществомъ, съѣхавшимся на вечеръ у г-жи Мартовой, придравшись къ тому, что Вертяевъ отказывается принять участіе въ танцахъ,

разражается против него оскорбительною выходкою, въ которой называетъ его «гаеромъ и шарлатаномъ, который нагло оскорбляя все «завѣтное и святое, браня все съ плеча и дерзко хвастаясь своимъ «цинизмомъ, бьетъ лишь на эффектъ, чтобъ показать, что онъ ве- «ликанъ, а всѣ остальные для него пигмеи!..» На эту выходку, Вертяевъ, удержанный Наденькою, отвѣчаетъ только: «благодарите «меня, что я уѣзжаю; иначе вамъ было бы стыдно взглянуть мнѣ «въ лицо!» Но разбѣшенный Лавинскій хочетъ непременно стрѣлять- ся съ бывшимъ другомъ своимъ, котораго онъ почитаетъ измѣнни- комъ. Бродко вызывается быть его секундантомъ.

Наденька узнавъ о предстоящей дуэли, уѣзжаетъ тайно изъ дому и является къ Лавинскому умоляя его помириться съ Вертяевымъ. «Я одна всему виною, письмо было къ вамъ,... я просила васъ от- «срочить нашу свадьбу... я не могу еще ручаться, что вы будете со «мною счастливы... Но это ничего, все будетъ опять по старому. «Пройдетъ два три мѣсяца, и я буду въ состояніи оцѣнить васъ «вполнѣ... А теперь вы должны помириться, вы оскорбили его, вы «должны просить у него прощенія, это требуетъ правда и совѣсть.» «Вы боитесь не за меня, а за пего, Надежда Николаевна, воскли- «цаетъ Лавинскій; о, я ненавижу этого человѣка...» Въ это время раздаются шаги. Лавинскій едва успѣваетъ увести дѣвушку въ ближ- ную комнату. Входитъ Вертяевъ. Онъ объявляетъ Лавинскому, что драться съ нимъ опъ не будетъ. «Я не трусь, вы это знаете, гово- «рить онъ, но мстить вамъ не хочу; между прочимъ вы скажете, «что нанесенное мнѣ оскорбленіе я могу смыть только кровью. Не- «правда. Я оскорбленъ и я же за то рискую лишиться жизни? И «все это для того, чтобы подчиниться условіямъ общества, гдѣ еще «невыработалось понятіе ни о правѣ слабого, ни о справедливомъ возмез- діи!..» Онъ отдаетъ ему письмо Наденьки и объявляетъ, что уѣзжаетъ въ

тотъ же день и, что они никогда уже болѣе не встрѣтятся, ни съ нимъ ни съ Наденькой. Лавинскій внезапно смягчается. — «Но что же все это значить?» Спрашиваетъ онъ недоумѣвая. «Ты хочешь знать, отвѣчаетъ «матерьялистъ, отчего я уѣзжаю, отчего я такъ встревоженъ? Отъ того, что я ее люблю... Я самъ этого не зналъ... Я ничего не говорилъ ей... Никогда, никогда! Я бы умеръ со стыда... А между тѣмъ вся прежняя жизнь моя рухнула и я долженъ снова начинать жить! Вотъ отчего я уѣзжаю! Дай Богъ тебѣ не испытать никогда такого перелома, такой борьбы съ самимъ собою! Прости меня!» восклицаетъ Лавинскій, кидаясь ему на шею. Они прерваны приходомъ Бродко, которому Лавинскій объявляетъ о примиреніи своемъ съ Вертяевымъ. Бродко обливается злостью, видя, что махіавеллическіе планы его не удались. «Забвеніе и терпѣніе, ядовито говорить онъ, это совершенно по рыцарски! Одинъ великодушнѣе другаго!» Лавинскій тотчасъ же оборачиваетъ оружіе противъ него и называетъ его клеветникомъ. Изъ этого возгарается новая исторія, которая, не смотря на вмѣшательство Вертяева, кончается вызовомъ Бродко Лавинскимъ. Они соглашаются драться тотчасъ же. Бродко уходитъ. Наденька все слышала изъ сосѣдней комнаты, и признаніе Вертяева и вызовъ Лавинскаго. Она кидается къ нему съ новою мольбою. «Я не хочу быть виновницею вашей смерти, восклицаетъ она; моя совѣсть не дастъ мнѣ покоя! Да!» «Вамъ жалъ не меня, а самихъ себя. Вы не много потеряете, если я буду убить,» отвѣчаетъ, «горько усмѣхаясь,» Лавинскій и кидается вонъ изъ комнаты.

Последнее дѣйствіе комедіи переноситъ насъ въ Гейдельбергъ, куда Наденька переселилась съ больной матерью, послѣ смерти Лавинскаго, убитаго на дуэли Бродко. Прошло полгода съ тѣхъ поръ. Вспоминая о бывшемъ женихѣ своемъ, молодая дѣвушка говорить, что «такимъ людямъ, какъ она, наша жизнь негодится,» и мысль ея съ новою заботою

обращается къ Вертяеву. «Вспоминаетъ ли онъ когда нибудь о прежнемъ?» спрашиваетъ она себя, и отвѣчаетъ: «Нѣтъ, гдѣ ему помнить! развѣ такіе люди думаютъ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ труда?» Вдругъ узнаетъ она, что Вертяевъ въ Гейдельбергѣ, въ одномъ городѣ съ нею. Онъ является къ ней, онъ привезъ ей письмо отъ Лавинскаго, умершаго на его рукахъ. Она пробѣгаетъ его глазами, потомъ спрашиваетъ Вертяева: «Помнить ли онъ все?» Смущенный, онъ отвѣчаетъ: «Кажется все»... «Такъ прочтите это письмо.» Въ немъ Лавинскій, передъ смертью, проситъ Наденьку выйти за Вертяева. Онъ видитъ ясно, что онъ любимъ. «Какъ? я простой, бѣдный... Развѣ меня можно?» говоритъ онъ, сквозь слезы въ первую минуту восторга. «Благодарю васъ,» медленно говоритъ онъ за тѣмъ послѣ продолжительнаго молчанія и становясь на колѣни, «вы меня, бѣд-
«няка, нишаго, надѣлили такимъ сокровищемъ, о какомъ я никогда
«не думалъ. Но теперь выслушайте. Знаете ли вы, какъ я люблю
«васъ? Знаете, чѣмъ я болѣе всего докажу свою любовь? Тѣмъ, что
«я на васъ не женюсь. Что я такое? Простой рабочій, труженикъ.
«Вы не войдете въ мою сферу, вы въ ней задохнетесь отъ суровой
«жизни. Вы не такъ воспитаны, не къ тому привыкли. Я съ утра
«до ночи буду работать, не изъ за денегъ, нѣтъ, а потому, что безъ
«работы я умру, какъ рыба уснетъ безъ воды. А вы? цѣлый день
«одна... И вотъ настанетъ минута, незамѣтно подкрадется въ душу
«вашу сожалѣніе... А тогда все пропало!.. Нѣтъ, эта жертва вамъ
«не по силамъ.» «Что же мнѣ остается дѣлать?» спрашиваетъ такъ не-
ожиданно разочарованная дѣвушка. «Покоритесь!» отвѣчаетъ этотъ
странный энтузіастъ безцѣльнаго труда. На прощанье онъ поучаетъ
ее слѣдующему:

«Когда вы встрѣтите человѣка, каковъ я былъ прежде, который
«будетъ отвергать все, ломать всякое чувство, признавать только

«одинъ разсудокъ, жить однимъ умомъ, уважать одну видимую пользу,— не вѣрьте! Это только слово. Вы смотрите на дѣло! Не вѣрьте ему, онъ лжетъ. Лжетъ невольно, съ убѣжденіемъ, но... лжетъ. Пусть нѣтъ для него ничего святаго, кромѣ пользы... Настанетъ минута, и онъ узнаетъ, навѣрно, что есть въ жизни что то другое, въ чемъ мы не властны... Я это говорю по опыту, и дай Богъ, чтобы всякой это испыталъ... тогда не будетъ фальшивыхъ убѣжденій!»

ГУВЕРНЕРЪ.

Комедія въ 5 д.

ДЬЯЧЕНКО.

(Деспотизмъ и безнравственность матери, свѣтской женщины).

Еще не старый, вздорный, невѣжественный, неразборчивый на средства, но одаренный извѣстнымъ природнымъ благородствомъ, Французъ, состоитъ въ должности гувернера взрослого русскаго юноши и любовника его матери, генеральши помѣщицы. Напитанная сословными предразсудками, сварливая и безсердечная эта женщина держитъ сына своего какъ ребенка, на вожжахъ и безпрестанно вздыхаетъ о минувшемъ крѣпостномъ правѣ, при которомъ она могла и «наказать и миловать». Она безжалостно выгоняетъ изъ своего дома воспитывавшуюся у нея дочь бѣднаго сосѣда, замѣтивъ взаимную страсть этой дѣвушки и ея безхарактернаго сына, тщетно старающагося уговорить мать согласиться на ихъ бракъ. Страсть эта между тѣмъ грозитъ гибелью бѣдной дѣвушкѣ; она оказывается беременною и прибѣгаетъ поздно вечеромъ къ своему любовнику, умоляя его

спасти ее. Ихъ застаеъ надменная генеральша и хочетъ воспользо-
ваться этимъ случаемъ, чтобы предать позору ту, которая «осмѣли-
лась претендовать быть ея belle—fille.» Она намѣревается позвать
людей и велѣтъ со скандаломъ отвести несчастную къ ея отцу, когда
вдругъ неожиданно вступаетъ за беззащитную дѣвушку Французъ-
губернеръ.— «Moi, Jean Dorsy, enfant de Paris, Parisien pur sang,
восклицаетъ онъ, je ne le permettrai jamais! Mademoiselle, votre bras!
И уводитъ ее, укутавъ съ головы до ногъ, для большей предосто-
рожности. Вернувшись къ своей старухѣ-любовницѣ, которой, пе-
редъ выходомъ, онъ пригрозилъ огласкою ихъ отношеній, онъ объя-
вляетъ ей, что она une méchante femme и что между ними все
кончено.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

Драма въ 4 д.

ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВА (КРЫЛОВА).

(Деспотизмъ барства и сословныхъ предрассудковъ).

Помѣщикъ и генералъ Сурковъ, желая «облагодѣтельствовать»
одного крестьянскаго мальчика, единственнаго сына въ семействѣ,
отымаеъ его силою своей помѣщичьей власти у родителей и отпра-
вляетъ въ Петербургъ, учиться музыкѣ: «Вы дураки, говоритъ онъ
«отцу и матери, разливающимся слезами,—коли видите, что самъ
«баринъ вашъ взялся упрочить счастье вашего сына, вы должны
«были бы съ радости молебны за него служить, а не хныкать». Все
первое дѣйствіе происходитъ въ сборахъ къ отъѣзду мальчика
Гриши и происходящихъ, вслѣдствіе этого, сценахъ отчаянія страстно
любящей его матери. Между этимъ дѣйствіемъ и послѣдующимъ

проходить 10 лѣтъ. Гриша успѣвшій за это время получить не только музыкальное, но и «гуманное» образованіе, возвращается на родину, къ своему «благодѣтелю». Впечатлѣніе, произведенное имъ на него, высказывается имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Такъ вотъ онъ, благодѣтель, о которомъ я мечталъ какъ дуракъ... Я думалъ «найти добраго старика, предъ которымъ открою всю свою душу. «Что же вышло? Не давъ мнѣ сказать двухъ словъ, онъ сталъ попрекать меня моимъ рожденіемъ, обидѣлся, что я немогъ дать ему «отчета о проѣханной мною дорогѣ... Онъ хвастается сдѣланнымъ «мнѣ добромъ... Благодѣтель мой *помѣщикъ*.» Между тѣмъ генералъ представляетъ его своей единственной дочери Машѣ: «вотъ тебѣ, «говорить онъ, музыкантъ, о которомъ я тебѣ говорилъ; теперь не «будешь пустяки разные выдумывать,—онъ тебя лучше всякой гувернантки развлечетъ». За тѣмъ этотъ мудрый отецъ семейства уѣзжаетъ изъ деревни, по дѣлу какого-то наслѣдства, на довольно продолжительное время. Дочь его и крѣпостной музыкантъ остаются одни. Они не расстаются и все ближе становятся другъ къ другу. Между ими происходятъ разговоры въ родѣ слѣдующаго: Маша повѣряетъ Гришѣ, «что она матери своей не помнить и во всю свою «жизнь любила только гувернантку свою, которой уже болѣе нѣтъ «на свѣтѣ, но которая была ей дороже всѣхъ ея близкихъ, и что «теперь она чувствуетъ, что ни къ кому не привязана. А вѣдь это «грѣхъ, прибавляетъ она, развѣ отецъ мой не хлопочетъ о моемъ «счастьи, вѣдь онъ любитъ меня.» Но Гриша разувѣряетъ: «вы «говорите, что отецъ вашъ заботится о васъ. Да это онъ дѣлаетъ «не для васъ, а для себя. Онъ васъ не любитъ, ибо кто любитъ, «тотъ знаетъ, что любезной личности пріятно и непріятно, а онъ «постоянно дѣйствуетъ противно вашимъ вкусамъ и желаніямъ. Да «и не можетъ онъ любить васъ, потому что вы совсѣмъ не по-

*

«хожи на генеральскую дочку, какъ бы ему хотѣлось. Наконецъ, «скажите откровенно, въ минуту горя или сильной радости, было ли у васъ хоть когда нибудь желаніе высказаться передъ вашимъ отцомъ? — Миѣ кажется, вы правы, говорить ему дѣвушка, я не умѣю съ вами спорить, но не говорите объ этомъ, я не хочу грѣшить. — «Обманывать грѣшнѣе, чѣмъ говорить правду,» возражаетъ моралистъ-музыкантъ и продолжаетъ въ томъ же тонѣ: «За чѣмъ вы заглушаете въ себѣ голосъ душевный? Вы сами не любите отца вашего. Что же дѣлать, если вы ничего общаго съ нимъ не имѣете... Когда я видалъ васъ съ нимъ и онъ высказывалъ свои замѣчанія, миѣ хотѣлось зажать ему ротъ, чтобы не слышать такого вздора и невѣжества... *«Не осуждайте меня,* говоритъ онъ наконецъ, за то, что я ненавижу генерала, *что и въ васъ думалъ найти то же чувство!*» Убѣжденная такимъ откровеннымъ образомъ мыслей въ высокой нравственной развитости своего собесѣдника, Маша отвѣчаетъ ему на это предложеніемъ «быть ея братомъ и покровителемъ.» «Помилуйте, я не желалъ этого... я не хотѣлъ этого...» бормочетъ юный музыкантъ, самъ, по видимому, изумленный быстротою своихъ успѣховъ въ дѣлѣ воспитанія генеральской дочки. «Вы отказываетесь!» восклицаетъ она, въ негодованіи. «Такъ за чѣмъ же вы возбуждали во мнѣ новыя, лучшія мысли и желаніе какой-то новой, лучшей жизни? Вы такъ хотѣли вырвать меня изъ подъ гнета и когда я сама стараюсь объ этомъ, вы отказываетесь!» Назидательная эта бесѣда прервана пріѣздомъ сестры генерала, Катерины Петровны и дочери ея, молодой особы, которую авторъ заставляетъ цѣловаться въ кустахъ съ сопровождающимъ ее какимъ-то кузеномъ, вѣроятно для неизбѣжнаго сопоставленія этой «свѣтстой» дѣвушки съ страстною натурою «свободно мыслящей» Маши. Катерина Петровна, до которой дошли слухи о томъ, что племянница ея «компро-

метируется съ «холопожь», осыпаетъ Гришу самой оскорбительной бранью, грозитъ ему «красной шапкой» и объявляетъ Машѣ, что не преминетъ о ея поведеніи извѣстить генерала. По ея уходѣ Маша кидается на грудь музыканта, восклицая: «Прости имъ это, братъ мой!» за тѣмъ они исчезаютъ въ вечернемъ сумракѣ, уже обнимающемъ садъ, въ которомъ происходитъ это дѣйствіе. Между тѣмъ новая гроза собирается надъ любовниками. Дворовые люди генерала, ненавидящіе Гришу, «попавшаго въ бары изъ холоповъ», доносятъ анонимнымъ письмомъ генералу о всемъ томъ, что происходитъ въ его отсутствіе. Генералъ пишетъ грубое письмо дочери, въ которомъ приказываетъ ей немедленно переѣхать къ теткѣ и ждать тамъ его пріѣзда, а «такого сякого» музыканта Гришку обѣщаетъ отдать въ солдаты, если онъ осмѣлится видѣться съ нею. Любовники рѣшаются бѣжать за границу, съ фальшивыми паспортами. Гриша склоняетъ старика отца своего, крестьянина, помогать имъ. Старикъ ѣдетъ для этого въ городъ, но возвращается оттуда съ страшнымъ извѣстіемъ: генералъ поспѣшилъ своимъ возвращеніемъ и черезъ часъ будетъ дома; онъ далъ приказъ дворецкому своему, главному врагу Гриши, схватить его и «дѣлать съ нимъ что онъ хочетъ, лишь бы онъ ему «на глаза не попадался, а не то убью, своими руками убью его!» — «Бѣги, Гриша, умоляетъ его, дрожащій отъ страха, отецъ, бѣги, *«вѣдь тебя идѣ нибудь въ сарай придавятъ; кто за тебя заступится, ты крепостной! Скажутъ потомъ, что самъ умеръ, и концы въ воду. Поди, судись съ ними!»* Но гриша бѣжать не согласенъ. — «Куда говорить онъ, да меня первый исправникъ какъ собаку на цѣпи приведетъ. Разстаться съ тобой, Маша, «чтобы лишнихъ пять, шесть часовъ играть въ прятки, глупо»! Люди между тѣмъ, подъ предводительствомъ дворецкаго, приходятъ его брать. Онъ схватываетъ пистолетъ и грозитъ убить перваго, ко-

торый наложить на него руку.—«Что я вамъ сдѣлалъ? говорить онъ «за тѣмъ вы такъ радостно спѣшите исполнить волю барина, предъ «которыхъ вы сами дрожите. Вамъ завидно, что меня, брата вашего, «холопа, полюбила дочь вашего помѣщика! Дураки, дураки, еслибъ «вы дорожили болѣе собой и думали о своемъ собственномъ счастьи, «вы бы радовались на меня и помогали бы мнѣ!» Онъ просить у нихъ получаса свободной жизни, а тамъ я самъ отдамся въ руки. Дворовые уходятъ. Онъ пользуется остающимися временемъ, чтобы проститься съ Машей, говоря ей, что онъ рѣшился «кончить разомъ, «чтобы неслышать этихъ упрековъ и угрозъ, чтобы развѣдаться со «всякою властью!» Она рѣшается умереть съ нимъ, и въ то время когда генералъ въѣзжаетъ въ свою усадьбу, въ близъ лежащемъ лѣсу слышатся два выстрѣла, вслѣдъ за которыми выносятъ на сцену окровавленное тѣло дѣвушки. Любовникъ ея застрѣлилъ и ее и себя.

БЫЛО ДА ПРОШЛО.

КОМЕДИЯ ВЪ 4 Д.

НОВИЦКАГО И РОДИСЛАВСКАГО.

(Деспотизмъ и безнравственность барства).

Содержаніе этой комедіи заимствовано изъ пьесы нѣмецкаго литератора Вольфсона: «Nur eine Seele» (которая, была запрещена въ Берлинѣ въ 1861 году, изъ нежеланія оскорбить русское правительство и общество). Богатый старый князь Оршевскій, крѣпостникъ по убѣжденію, и вмѣстѣ съ тѣмъ эстетически тонко-развитый человѣкъ, былъ когда-то обожателемъ графини Раевой, которая въ то время увлекалась филантропіею и бредила Ж. Ж. Руссо. Она увидала у князя черногла-

зенькую дворовую дѣвочку и взяла ее къ себѣ на воспитаніе. Теперь эта прекрасная молодая дѣвушка, «очень образованная и великодушная музыкантша.» Молодежь, посѣщающая домъ графини Раевой, ухаживаетъ за нею, къ великому неудовольствію хозяйки, взрослой дочери, которой «никакъ не удастся выйти за мужъ, не смотря на «то, что нѣжная маменька чего—чего недѣлала, чтобы поймать же-
«ниха для дочки». Въ этомъ чувствѣ поддерживаетъ графиню сестра ея, генеральша Зоричъ. «Эта холопка мѣшаетъ счастію Мери,» говоритъ она ей, «ее необходимо спровадить и я уже писала князю Оршевскому, «чтобы онъ взялъ обратно эту драгоценность.» Наглое ухаживанье за Еленой «свѣтскаго франта» (означеннаго въ пьесѣ подъ названіемъ «адъютанта»), на котораго генеральша имѣетъ виды для своей племянницы, даетъ ей новый случай излить на бѣдную дѣвушку всю злобу своей надменной души. Елену отправляютъ къ барину съ отцомъ ея, мужикомъ, котораго князь прислалъ на подводѣ за дочерью. Въмѣсто прощанья, ее «осыпаютъ самыми ядовитыми, обидными «упреками,» на которые она отвѣчаетъ, что «ваши благодаренія бы-
«ли для меня самымъ тяжелымъ наказаніемъ. Вы возвысили меня «до искусства, чтобы низвести меня до степени инструмента и «бросить добычею безстыжему любопытству, чтобы сдѣлать изъ меня «забаву порочной праздности. И мнѣ благодарить васъ за это! Ра-
«дуйтесь, что я еще не проклиная васъ за это!...» Второе дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ молодого Помѣщика Волынцева (въ этомъ лицѣ нѣмецкій авторъ изобразилъ типъ, который какъ бы преднамѣ-
ренно, тщательно избѣгается нашими доморощенными драматическими борзописцами, типъ дѣйствительно образованнаго и либеральнаго человека изъ высшаго сословія). Онъ вернулся изъ-за границы, едва узнавъ о предстоящей крестьянской реформѣ въ его отечествѣ. Пріятель его, племянникъ князя Оршевскаго, молодой энтузіастъ, встрѣ-

чаетъ его по этому случаю громкими фразами «о новой эрѣ наставшей для Россіи, которая должна все преобразовать въ ней». — «Я уже полгода слышу эти фразы со всѣхъ сторонъ, отвѣчаетъ ему «Волынцевъ, и ни единой живой, здоровой мысли не вынесъ изъ нихъ. «Россія, мой милый, не Америка, у нея свой складъ, своя почва. «Вмѣсто этихъ возгласовъ, читай лучше исторію народовъ, читай «внимательно. Вездѣ *время*, мой другъ, вездѣ разумная постепенность... «Но намъ мало того, что уже сдѣлано, нѣтъ, подавай все вдругъ «и сейчасъ!.. Все придетъ, все сдѣлается, но въ свое время и сдѣлается благоразумно, повѣрь мнѣ. Рука, дающая амнистіи, дающая «свободу гласности и печати рука твердая; она дастъ и свободу чело- «ловѣку...» а къ Воынцеву между тѣмъ съѣзжаются гости и между прочимъ князь Оршевскій, который приводитъ съ собою свой домашній оркестръ и объявляетъ, что приказалъ явиться сюда же только, что привезенной ему крѣпостной пѣвицѣ, которую онъ еще не видалъ. Воынцевъ, догадывающійся, что дѣло идетъ объ Еленѣ, которая произвела на него еще въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе, проситъ князя «избавить и себя и другихъ отъ зрѣлища, на которомъ, го- «воритъ онъ, вы будете играть незавидную роль.» Князь отвѣчаетъ на это громкимъ смѣхомъ. Входитъ Елена, въ крестьянскомъ платьѣ. — «Что это значить?» восклицаетъ князь. «Я ваша крѣпостная, отвѣ- «чаетъ она, вы приказали мнѣ придти, я и пришла.» «Ну прекрасно, «такъ спой-же намъ что нибудь. — Нѣтъ, пѣть я не стану! Тѣло мое «ваше, но душа моя принадлежитъ мнѣ одной... А пѣніе мое—моя душа!» Взбѣшенный князь кидается на нее. Его удерживаетъ Воынцевъ. «Князь вы въ моемъ домѣ! Анатолій, говоритъ онъ племян- «нику, отвези сейчасъ Елену Михайловну домой въ моей коляскѣ. У «васъ есть друзья, тихо шепчетъ онъ на ухо дѣвушкѣ, васъ спа- «суть!» Ее уводятъ. Князь изумленный смѣлостью Воынцева, спра-

пиваетъ его: «да за кого ты заступаешься? Ну кто она?—Она женщина,» отвѣчаетъ молодой человѣкъ. На другой день Волынцевъ является къ князю съ извиненіями «за вчерашнее» и просьбою «продать ему Елену.» Старый развратникъ полагая, что Волынцевъ желаетъ сдѣлать изъ нея свою любовницу и «сочувствуя молодымъ по вѣсамъ,» отдаетъ ему Елену даромъ, но съ условіемъ, чтобы «она сама сказала ему, что идетъ къ Волынцеву и идетъ съ удовольствіемъ.» Волынцевъ, видя, что это единственное средство спасти дѣвушку, соглашается на это условіе, и отправляется уговаривать Елену отвѣчать князю въ требуемомъ имъ тонѣ. Онъ застаётъ ее метущей дорожки въ саду, на что приговорилъ ее князь, въ наказаніе за ея вчерашній отказъ пѣть по его приказанію. Волынцевъ объясняетъ ей требованіе ея барина.—«Ни за что! отвѣчаетъ она, я нерѣшусь купить свободу цѣной такого униженія.» Волынцевъ предлагаетъ ей руку и сердце и прибавляетъ еще къ тому, что «князь вмѣстѣ съ «нею согласенъ отпустить на волю и ея отца, если она только исполнитъ предлагаемое условіе.» Она наконецъ соглашается. Является князь. Она выражаетъ ему свою просьбу словами: «Позвольте мнѣ «принять покровительство этаго великодушнаго человѣка.» Князь помираетъ со смѣху.—«Что за фразы! нѣтъ, голубушка, по нашему «это не такъ. Говори: прошу васъ дозволить мнѣ быть любовницею «г. Волынцева?» «Отецъ прости меня!» раздирающимъ голосомъ восклицаетъ дѣвушка и «гордо» говорить князю: «Я остаюсь у васъ, «остаюсь тѣмъ же чѣмъ была.»

Въ послѣднемъ дѣйствіи у князя Оршевскаго собираются окрестные помѣщики для обсужденія какимъ образомъ можно было бы укротить своеволіе и неблагонамѣренные поступки помѣщика ихъ уѣзда г. Волынцева. Онъ насытилъ имъ всѣмъ: «самоуправно порѣшилъ со «своими крестьянами; отдѣлилъ имъ земли съ усадьбами и избавилъ

«отъ личныхъ повинностей, дворовыхъ своихъ отпустилъ на волю, «завелъ школу въ имѣніи, а кабакъ закрылъ, наконецъ подалъ «просьбу губернатору на самого князя Оршевскаго! Они общими силами готовятся, упрятать его подъ опеку,» какъ вдругъ является адъютантъ губернатора съ извѣстіемъ, «что объявленъ Манифестъ «объ освобожденіи крестьянъ.» За нимъ входятъ Волынцевъ и Елена. Князь пораженъ и долго остается безъ словъ, но наконецъ приходитъ въ себя и твердымъ голосомъ посылаетъ сказать священнику, что- «бы завтра отслужить молебенъ съ водосвятиемъ, о чемъ повѣститъ «всѣхъ крестьянъ и сосѣдей. Царь пишетъ: *Мы начали сіе дѣло «актомъ нашею довѣрія къ Россійскому дворянству.* Читали? «Понимаете ли? довѣріемъ? Ну, такъ намъ, какъ истиннымъ русскимъ «дворянамъ, нужно показать, и доказать, что Онъ не ошибся въ «насъ. Parbleu! Стало быть такъ нужно!.. Одного мнѣ жаль, моихъ «музыкантовъ... Ну, буду имъ платить, какъ Италіянамъ въ Петербургѣ платятъ, они и останутся!» Елена говоритъ ему, что теперь она готова пѣть для него съ утра до вечера. Волынцевъ указывая на свою невѣсту, заканчиваетъ пьесу словами: «Слезы и молитва 20 «милліоновъ ей подобныхъ и блестящая страница въ исторіи, — вотъ «достояніе нашего великаго Монарха!»

III.

РОМАНЪ, ПОВѢСТЬ И РАЗСКАЗЪ.

Вліяніе критики, которая, какъ изложено выше, съ конца сороковыхъ годовъ стремилась обратить нашу литературу въ оружіе стороннихъ цѣлей—отразилось на произведеніяхъ прозы почти въ такой-же степени, какъ на лирикѣ. Не болѣе двухъ или трехъ талантовъ умѣли избѣжать этого вліянія; все-же остальное, пренебрегая истиннымъ творчествомъ, разрабатывало какую-либо *предвзятую* модную идею, или гонялось съ дагерротипомъ за каждымъ мелочнымъ явленіемъ повседневности и низводило изящную словесность нашу на степень газеты и фельетона, не заботясь о художественномъ достоинствѣ произведенія. Публицизмъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не могъ развиваться въ нашемъ обществѣ по несуществованію нужныхъ для этого элементовъ; изящная-же словесность попала въ цѣпи такъ называемой *натуральной* школы, знаменемъ которой совершенно ложно провозглашенъ былъ *Гоголь*. Результатомъ этого въ произведеніяхъ прозы минувшаго десятилѣтія было отсутствіе художественности и прямыхъ элементовъ публицизма, а осталась только болѣе или менѣе рельефная *тенденціозность*.

Прежде всего стало замѣтно стремленіе пересадить на нашу почву теоріи Жоржа-Санда, съ его *эманципациею женщинъ*. Направленіе это проглядываетъ уже въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ *Евгеніи Туръ* (графини *Сальясъ-де-Турнемиръ*). Таковы

повѣсти ея: *Племянница*, *Ошибка* и другія; но крайняя точка этого направленія выразилась съ цинической откровенностью въ романѣ г. *Авдьева* — *Подводный Камень*, который такъ понравился многимъ (особенно—провинціальнымъ) читательницамъ и сбилъ ихъ съ толку. По смыслу этого романа,—женщина не можетъ быть связана ни религіозными, ни гражданскими узами брака; законъ ей *чувство, любовь*; она—не жена, но *сожительница* мужчины и должна быть вѣрна пока любить, внѣ этого условія она свободна и если *по чувству любви* переходитъ отъ одного мужчины къ другому, то это никакъ не можетъ быть названо *безнравственнымъ*; напротивъ,—безнравственно, если женщина не любя своего мужа остается съ нимъ. Такова логика этого романа, написаннаго довольно легкимъ и увлекательнымъ слогомъ, романа, пробившагося сквозь цензуру и произведшаго, какъ извѣстно, нѣсколько случаевъ семейнаго разлада, скандала и даже — проституціи. Вліяніе этого романа не ограничилось однимъ теоретическимъ развитіемъ въ нашей литературѣ принципа *эманципации женщины*; этотъ-же самый принципъ пытался провести въ практику г. *Чернышевскій* въ романѣ: *Что дѣлать?* Подъ обаяніемъ этого послѣдняго романа, явившагося въ печати не смотря на полное отрицаніе въ немъ всѣхъ принятыхъ основъ семейства и нравственности, — все падшее, все неразвитое или неимѣвшее случая получить нравственное направленіе, всѣ таковыя субъекты женскаго пола въ нашемъ современномъ обществѣ, стремятся создать для себя на практикѣ такой видъ общественной организаціи, который исключалъ-бы понятія о какихъ бы то ни было семейныхъ обязанностяхъ. Это есть собственно усвоеніе современному нашему обществу принципа—*abolition de la famille* подъ вѣвѣской поощренія женскаго труда, женскихъ артелей и тому подобнаго.

О социалистических и коммунистических тенденціяхъ романа *Что дѣлать?* будетъ сказано ниже.

Рядомъ съ стремленіемъ развивать теоріи Жоржа-Санда, замѣтна у прозаическихъ писателей нашихъ минувшаго десятилѣтія, *особенная забота о низшихъ слояхъ нашей бюрократіи* того времени. Въ этомъ отношеніи одни писатели устремились на бѣдность и загнанность чиновниковъ, а другіе—стали бичевать взяточничество и другія злоупотребленія этой среды. Первая категорія какъ-бы примыкаетъ къ произведеніямъ Гоголя и лучшее *по концепціи*, что было въ этомъ отношеніи написано, это романъ *Достоевскаго—Блудные Люди*. Не смотря на то, что въ этомъ романѣ слишкомъ силенъ элементъ преувеличенія и каррикатуры,—въ немъ есть тотъ ингрѣдиентъ, которымъ отличается *истинное гоголевское направленіе*, въ немъ есть «видимый міру смѣхъ и невидимыя ему слезы». Карая чиновника, писатель любитъ въ немъ человека. Если-бы это свойство присутствовало *постоянно* въ произведеніяхъ нашихъ обличителей несовершенствъ бюрократической среды, то съ одной стороны творчество и художественность не были бы забыты совершенно (какъ это произошло); а съ другой стороны, въ направленіи этомъ не было-бы ничего предосудительнаго потому, что дѣло искорененія зла,—какъ цѣль, преслѣдовалось бы чувствомъ возвышенной любви, а не однимъ крайнимъ желаніемъ забросать грязью, оскорбить дѣлую среду, а читателей разсмѣшить и, если можно, ожесточить. Къ сожалѣнію, большинство писателей, нападавшихъ на чиновниковъ, совершенно позабыли упомянутое свойство *истиннаго гоголевскаго направленія* и применили къ категоріи *ложной натуральной школы*, которая, пренебрегая чувствомъ возвышенной любви писателя и усвоивая себѣ исключительно чувство ожесточенія, все болѣе и болѣе утрачивала элементъ творчества и художе-

ственности и выродилась съ годами въ газетное *обличительное* направление, въ своего рода бюрократическую скандальную хронику. Въ этомъ направленіи ничего уже нѣтъ *гоголевскаго*, кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ приѣмовъ. Писатели этого направленія очень ошибочно полагали, что стоитъ только нарисовать карикатуру на чиновника, да сказать при этомъ нѣсколько тривіальныхъ выраженій, то и выйдетъ произведеніе въ духѣ Гоголя. И вотъ, не смотря на то, что иной обличитель тщательно собралъ и влилъ въ свое произведеніе весь ядъ, всю желчь и всю тривіальность злости, — нѣсколько строкъ, нѣсколько простыхъ словъ Гоголя неизмѣримо сильнѣе и существеннѣе, потому что въ этихъ немногихъ словахъ слышится художникъ искренно сожалеющій о падшемъ братѣ своемъ—чиновникѣ. Не имѣя таланта, творчества, или пренебрегая вслѣдствіе подстрекательства *тенденціозной* критики условіями художественности, наши обличители *ложной натуральной школы* усиливались замѣнить въ своихъ произведеніяхъ отсутствіе истиннаго таланта присутствіемъ злости, рѣзкости, и, если можно,—скандальности. Съ такими намѣреніями наша обличительная литература принялась вытаскивать *на пользу гласности*, на публичное осмѣяніе весь хламъ изъ каждаго канцелярскаго подвала, изъ каждаго грязнаго закоулка, изъ каждаго бѣднаго угла—жилища нищаго чиновника. Произведеній съ подобнымъ направленіемъ явилось въ журналистикѣ нашей минувшаго десятилѣтія множество, начиная съ холодныхъ и вполне—фельетонныхъ сочиненій г. *И. Панаева*. Большая часть литературы этого рода полна бездарности и самолюбивыхъ претевзій на скандалъ; но и нѣсколько истинныхъ талантовъ посвятили свою дѣятельность этому направленію. Замѣтнѣе другихъ въ этомъ отношеніи г. *Щедринъ (Салтыковъ)*, начавшій свою литературную дѣятельность еще въ минувшее царствованіе и

приобрѣтшій извѣстность и даже нѣкоторый авторитетъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» стали печататься его *Губернскіе Очерки*. Изображая съ юмористическимъ обличеніемъ административную среду и бюрократическій бытъ въ провинціяхъ, г. Щедринъ взглянулъ на него со свойственной ему точки зрѣнія, представивъ смѣшную фальшь или злоупотребленія этой среды, находя все въ этой сферѣ комическимъ или пошлымъ. Тутъ у него являются и *либералы*, но они изображены смѣшными, потому, вѣроятно, что они не такъ либеральны, какъ-бы автору того хотѣлось; являются люди *отживающіе*, люди въ какомъ-то среднемъ *переходномъ* состояніи, а также чиновники и помѣщики прежняго закала и новые, модные дѣятели, комичные сколько отъ самихъ себя, столько-же и отъ условій, въ которыя они поставлены самимъ свойствомъ ихъ гражданскаго положенія. Не смотря на бывшій огромный успѣхъ ихъ въ публикѣ, произведенія Щедрина имѣютъ больше значеніе бойкаго, легкаго и юмористическаго фельетона во вкусѣ *отрицанія*. Замѣчательно, что въ произведеніяхъ Щедрина нигдѣ незамѣтно никакого *идеала* и ничего положительнаго. Къ этой же категоріи принадлежатъ нѣкоторые произведенія *Печерскаго (Мельникова)*, *Провинціальныя воспоминанія г. Селиванова* и проч.

Не менѣе рельефно, чѣмъ подраженіе Жоржу Санду и порицаніе нашей бюрократіи, выдается въ новѣйшей беллетристикѣ нашей *сопоставленіе выстигхъ классовъ нашего общества съ низшими, изображеніе столкновенія крестьянъ сперва съ помѣщиками, а потомъ, послѣ упраздненія крепостнаго состоянія,—съ дворянствомъ*. Это составляетъ, вмѣстѣ съ проповѣдью эманципаціи женщины, главный предметъ участія современной литературы нашей въ дѣлѣ разработки социальныхъ вопросовъ. Такое

направленіе, не смотря на множество рѣзкихъ и, нерѣдко, оскорбительныхъ для высшаго сословія нашего произведеній,—встрѣтило въ цензурѣ менѣе охранительной дѣятельности, чѣмъ выходилъ противъ верхнихъ слоевъ нашей бюрократіи. А между тѣмъ литература въ одно и тоже время и съ одинаковою силою стала порицать какъ бюрократію, такъ и социальный строй нашъ. Причина такого различнаго примѣненія цензурной строгости къ двумъ предметамъ одинаковой важности заключалась, вѣроятно въ томъ, что дѣло упраздненія крѣпостной зависимости, какъ искорененіе зла, накопившагося путемъ нашего историческаго развитія, выступило въ свое время на первый планъ и такъ общаательно подѣйствовало на всѣ элементы нашего общества, что нѣкоторой части органовъ администраціи нашей, а въ томъ числѣ и цензорамъ трудно было удержаться на той высотѣ гражданской нравственности, которая при какихъ-бы то ни было условіяхъ не допускаетъ пристрастія. При томъ-же оскробленіе бюрократіи всегда могло легче обнаружиться, чѣмъ посягательство на достоинство сословія, которое въ исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій не показало ни замкнутости, ни особенной ревности къ правамъ своимъ и въ составѣ котораго оказалось въ послѣднее время очень много лицъ, которые по принципу, или вслѣдствіе увлеченія моднымъ направленіемъ, заявили себя въ отношеніи къ дворянскому сословію враждебно. Наконецъ, должно замѣтить еще и то, что вопросъ о междусословныхъ отношеніяхъ у насъ и весьма односторонніе взгляды на нихъ были предметомъ лучшихъ произведеній наиболѣе талантливыхъ писателей нашихъ минувшаго десятилѣтія. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства и цензура, и все общество усвоивали себѣ пристрастныя воззрѣнія. Вопросъ собственно о вредѣ крѣпостнаго права и о ненормальности отношеній между высшимъ и низшимъ сословіями

заявилъ себя въ нашей литературѣ весьма давно; болѣе-же опредѣленнымъ образомъ онъ выразился въ нашей беллетристикѣ съ появленіемъ въ печати лучшаго произведенія г. *Тургенева*, извѣстнаго подъ заглавіемъ *Записки Охотника*. Это рядъ, большею частью — превосходныхъ, мастерскихъ эскизовъ, содержаніе которыхъ почти всегда или пошлость, невѣжество, хлѣбосоольство и порой наивная жестокость помѣщиковъ, или же нищета, загнанность и верѣдко безвыходное положеніе талантливейшей натуры крестьянина. Замѣчательно, что если въ этомъ произведеніи и высказалось что-либо злое и оскорбительное для нашего высшаго сословія, то очевидно, что это произошло не отъ преднамѣренности автора, не завѣдомо ему, но какъ послѣдствіе безпристрастнаго, художественнаго и объективнаго воспроизведенія правды жизни. Поэтому-то *Записки Охотника* не могутъ произвести взаимнаго раздраженія между сословіями, но вліяніе ихъ, какъ истинно-художественнаго произведенія, примирительное, побуждающее всѣхъ равно сознать социальную неправду крѣпостнаго права, скорбѣть и стремиться дружно общими силами къ искорененію этого зла. Можно сказать безъ преувеличенія, что этимъ произведеніемъ г. Тургеневъ принесъ обществу существенную пользу въ томъ отношеніи, что какъ любимый и всѣми уважаемый писатель онъ заблаговременно и почти наканунѣ государственнаго акта, предрасположилъ многихъ въ пользу отмены крѣпостнаго права, безъ междусловныхъ раздраженій. Такова полезная сторона истинно-художественныхъ произведеній, и относясь къ подобнымъ произведеніямъ мягко и съ полной терпимостью, такъ цензора дѣйствуетъ справедливо, дѣлая доступнымъ обществу серьезное выраженіе правды и добра, а не своекорыстныя тенденціи ослѣпить громкими фразами и эксцентрическими замашками близорукихъ читателей и расположить ихъ къ *одностороннему* и пол-

ному раздраженію взгляду на предметъ. О другихъ произведеніяхъ г. Тургенева будетъ сказано ниже. Здѣсь-же должно замѣтить, что *объективность* есть основное качество въ его талантѣ. Личность автора почти исчезаетъ въ его твореніи; онъ стремится художественнымъ чутьемъ своимъ воскресить явленіе во всей его непосредственности и это удается ему до такой степени, что, прочтя каждое изъ серіозныхъ произведеній г. Тургенева, всегда почти вѣлья сказать, чему сочувствуетъ самъ авторъ въ своемъ твореніи, куда направлены его симпатіи? Это характеристическая черта истиннаго художника. Такъ, въ повѣсти г. Тургенева: *Наканунъ*, ясно рѣчь идетъ о расширеніи круга правоспособности женщины, объ эманципациі ея отъ грубаго, семейнаго деспотизма и даже, отчасти отрицаніе нѣкоторыхъ уже установившихся и освященныхъ временемъ взглядовъ на таинство брака,—а между тѣмъ, изображая отношенія этого вопроса къ окружающей, практической средѣ, рисуя соприкосновеніе *новыхъ* идей съ укоренившимися и въ свою очередь сложившимися въ полную и традиціональную систему воззрѣніями общества, г. Тургеневъ предлагаетъ глазамъ зрителей только драму столкновенія различныхъ направленій, не дѣлая изъ этого никакого рѣзкаго, своего вывода. Вотъ почему, его повѣсть: *Наканунъ*, задавшись такимъ-же животрепещущимъ вопросомъ, какъ и тенденціозный романъ г. Авдѣева—*Подводный камень*,—даетъ пищу серіозному размышленію, не подстрекая страсти и не потворствуя, подобно упомянутому роману г. Авдѣева, безнравственному разрыву семейныхъ узъ въ пользу простаго *сожителства*, (*consortium*), ибо если героиня повѣсти *Наканунъ* и пренебрегаетъ принятыми условіями семейства и брака, то она принуждена къ этому крайнимъ, грубымъ деспотизмомъ ея семьи, а съ другой стороны цѣлый рядъ испытаній и несчастій доказываетъ ей, что новыя

идеи о бракѣ еще недостаточно выяснились и развились для того, чтобы окружающая среда могла усвоить ихъ себѣ безпрепятственно, и наконецъ, похождения своей героини г. Тургеневъ *не возводитъ въ принципъ*, какъ это, напротивъ, дѣлаетъ въ своемъ романѣ г. Авдѣевъ. Во внутреннемъ различіи повѣсти г. Тургенева и романа г. Авдѣева цензура можетъ усмотрѣть степень дозвоительности произведений, содержаніе которыхъ касается вопроса объ эманципации женщины и *новыхъ* воззрѣній на брачный союзъ.

Послѣ *Записокъ Охотника*, *Семейная хроника* С. Аксакова, изобразивъ тяжелый и дикій деспотизмъ частныхъ людей въ отношеніи къ семьѣ и къ крѣпостнымъ крестьянамъ, въ отдаленную эпоху (при Екатеринѣ II-й),—какъ бы обнажила корни современнаго намъ дерева, указала на преемственность тѣхъ явленій, съ которыми молодые писатели наши считали возможнымъ покончить мгновенно. Тѣмъ не менѣе, сочиненіе С. Аксакова написано безъ всякой задней мысли, безъ модныхъ тенденцій. Въ *Семейной Хроникѣ*, также какъ и въ *Запискахъ Охотника*, изобличается зло, но не возбуждается ожесточенія противъ цѣлаго сословія или противъ отдѣльныхъ людей, посредствомъ которыхъ суждено было обнаружиться всѣмъ крайностямъ исторической неправды. Напротивъ, не ожесточеніе, но сожалѣніе чувствуетъ читатель, видя что такія энергическія, стойкія и прямые натуры какъ старшій *Багровъ*, натуры,—способны быть столпами цивилизации и гражданственности, глхнуть подъ корою невѣжества и крѣпостнаго права. Грубый деспотизмъ *Багрова* отвратителенъ, но цивилизующее вліяніе женщины (его невѣстки) магически укрощаетъ и умягчаетъ необузданность его. Недостатки не заслоняютъ человѣка,—и читатель не чувствуетъ неопредѣленнаго раздраженія и побужденія заклеить съ плеча цѣлое сословіе, взваливъ на него одного общій, вѣковой грѣхъ.

Не таковы произведенія г. *Григоровича*, который положитель-но рассчитывает на эффектъ. *Антонъ-Горемыка*, *Бобыль*, *Метель* и даже отчасти *Рыбаки* суть такія произведенія, которыя при многихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ имѣютъ капитальный недостатокъ, покрывающій и даже стирающій эти достоинства. Описанія русской природы и обстановка жизни современнаго крестьянина у г. Григоровича воспроизведены вѣрно. Рамка лучшихъ его произведений широка, нѣкоторыя подробности даже прекрасны; но за тѣмъ все существенное, а именно: внутренній смыслъ произведенія, характеристика главныхъ лицъ и общій колоритъ принесены въ жертву модному настроенію эпохи и посвящены своего рода *амитации*. Автору надо было, во что-бы-то ни стало, изобразить въ глазахъ читателя не только безвыходное положеніе крестьянина, какъ въ рассказѣ *Метель*, но и неимоверную, до болѣзни доходящую, чуткость и раздражительность его нервовъ, какъ въ *Антонъ-Горемыкѣ* или идиллическую сентиментальность, какъ въ *Рыбакахъ*. Тутъ до истины дѣла мало, тутъ мало заботы до вопроса: какимъ образомъ грубая и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи среда крестьянскаго быта, могла развить въ крестьянинѣ эту тонкость впечатлѣній, эту неимоверную воспримчивость, эту до мелодрамы доходящую плаксивость? Автору мало также нужды и до другаго вопроса: какъ при такомъ высокомъ психическомъ развитіи, которымъ отличаются его герои-крестьяне, они могутъ мириться съ грязной обстановкой домашняго быта, съ тривиальностью и нерѣдко съ цинизмомъ столь часто слышимымъ и видимымъ въ понятіяхъ простаго народа? Не въ этомъ вопросъ для г. Григоровича. Ему только-бы внушить читателю, что олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей и притомъ угнетенныхъ добродѣтелей есть крестьянинъ, что окружающая крестьянина среда ниже того уровня на которомъ онъ стоитъ, а высшее сословіе все заурядъ полно не-

вѣждѣ, идіотовъ или тирановъ. Незнаніе всей обстановки жизни мужика, его міросозерцанія и народныхъ характеровъ не допустило г. Григоровича долго держаться на высотѣ художественныхъ авторитетовъ: произведенія г. *Писемскаго* (*Плотничья Артель*, *Лышій*, *Батка* и проч.), въ которыхъ прямо изображенъ былъ нашъ мужикъ, низвели г. Григоровича съ его пьедестала. Правда, кисть г. Писемскаго иногда бываетъ груба и, можетъ быть, нѣсколько грѣшитъ односторонностью, но зато вѣрна дѣйствительности какъ кисть прямо-великорусскаго человѣка, предъ которымъ простонародная жизнь проходила, такъ сказать, во-очію. Таковы главные представители того направленія въ нашей литературѣ послѣдняго десятилѣтія, предметъ котораго — разъясненіе междусословныхъ отношеній нашихъ. Второстепенные-же писатели этой категоріи, какъ напримѣръ г. *Успенскій*, который изображалъ нашихъ мужиковъ какими-то идіотами—отъ бѣдности и безцвѣтности жизни, и другіе развивали большею частью крайности Григоровича и Писемскаго и потому, въ подобномъ направленіи всегда должно опасаться оскорбленій и несправедливостей, то относительно крестьянъ, то относительно дворянскаго сословія.

Когда правительство наше въ началѣ шестидесятыхъ годовъ указало тотъ исходъ, который оно полагало справедливымъ дать дѣлу отиѣны крѣпостнаго права, то въ беллетристикѣ нашей стало замѣтно менѣе стремленія рѣзко противопоставлять высшее и низшее сословіе съ точки зрѣнія экономическихъ (но не *политическихъ*) интересовъ, изображать контрастъ между помѣщиками и крестьянами, между «угнетателями и угнетаемыми» (*soit-disant*). Это дѣло отходило въ область исторіи, становилось анахронизмомъ и вкусъ публики притуплялъ къ этому предмету. Тогда обнаружилось у нѣкоторыхъ писателей *стремленіе примѣнять систему отрица-*

нія, во что-бы-то ни стало, къ установившимся элементарнымъ понятіямъ о мірѣ духовномъ и нравственномъ, а вслѣдъ за тѣмъ—къ освященному времени и върваніями семейному и соціальному строю. Это стремленіе выразилось съ одной стороны произведеніями въ духѣ матеріализма и нигилизма, а съ другой, въ пропагандѣ утопій коммунизма и социализма. Такое на-строеніе воспроизведено г. Тургеневымъ, съ свойственной ему (какъ сказано выше) объективностью, въ повѣсти: *Отцы и дѣти*. Объективность этого замѣчательнаго произведенія г. Тургенева такъ велика, что сторонники нигилизма,—литературные враги г. Тургенева, г. Антоновичъ (въ «Современникѣ») и г. Писаревъ (въ «Русскомъ Словѣ») вступили съ свойственнымъ направленію этихъ журналовъ цинизмомъ въ площадный споръ и брань между собою по вопросу о томъ: какъ должно понимать упомянутую повѣсть г. Тургенева и что именно стремился выразить авторъ,—похвалу нигилизму, или порицаніе его? Полемика эта имѣла полезное послѣдствіе въ томъ отношеніи, что она въ глазахъ близорукихъ почитателей «Современника» и «Русскаго Слова» изобличила гг. Антоновича, Писарева, Блиосаптлова, Зайцева и tutti-quantі, какъ публицистовъ дерзкихъ, не безъ нѣкотораго таланта, но въ тоже время полуучешихъ циниковъ, всегда готовыхъ площадными ругательствами или пустозвонными фразами прикрывать свою крайнюю несостоятельность. При томъ-же въ этой полемикѣ упомянутые публицисты наговорили сгоряча другъ о другѣ столько закулистныхъ дрызгогъ, столько подвиговъ шарлатанства, что конечно личный авторитетъ ихъ долженъ поколебаться въ глазахъ каждаго сколько-нибудь серіознаго или развитаго человѣка. Хотя въ этой полемикѣ много заключается жесткаго и тривіальнаго, но цензура поступила искусно, обнаруживъ предъ глазами читателей собствен-

ныя признанія другъ о другѣ этихъ публицистовъ, слишкомъ легко приобрѣвшихъ авторитетъ въ глазахъ всего, что въ нашемъ обществѣ неразвито, незрѣло и недоучено. Тургеневъ въ своей повѣсти *Отцы и дѣти* изобразилъ грубый матеріализмъ, рисующійся на фонѣ весьма поверхностной науки, забавно-школьническую хвастливость всеотрицаніемъ, и придалъ всему этому типическое названіе *нигилизма*; но съ другой стороны г. Тургеневъ вложилъ въ героя этой повѣсти прямоту, искренность и стойкость характера, достойныя болѣе дѣльнаго направленія. Пока представители нашего журнальнаго нигилизма недоумѣвали и спорили по поводу повѣсти г. Тургенева, пока они излагали въ разныхъ руководящихъ статьяхъ «Современника» и «Русскаго Слова» свои основанія въ видѣ *отрицанія*,—глава и первый авторитетъ этого направленія г. Чернышевскій, въ романѣ *Что дѣлать?* попытался выразить коммунистическіе и социалистическіе идеалы свои *положительно*. ✓ Самое заглавіе этого произведенія какъ-бы стремится дать уразумѣть остановившимся въ недоумѣніи предъ системой всеотрицанія прозелитамъ нигилизма, что романъ укажетъ и научить *что имъ нужно дѣлать*. Программа, предлагаемая г. Чернышевскимъ въ его романѣ къ осуществленію на практикѣ весьма несложная. Члены коммуны или артели изъ лицъ обоего пола, безъ строгихъ понятій о семейномъ союзѣ и о взаимныхъ половыхъ отношеніяхъ, живутъ всѣ вмѣстѣ, въ видѣ какого-то пансіона, работая и дѣля между собою барыши. Согласіе и гармонія этой фаланстеры не нарушаются потому, что лица, выведенныя г. Чернышевскимъ, не люди полные жизни, а скорѣе куклы, которымъ авторъ придалъ тѣ свойства, которыя были ему нужны для достиженія цѣлей имъ преемѣдуемыхъ. Личныя стремленія, страсти и убѣжденія героевъ г. Чернышевскаго сильны или слабы, смотря по надобности, на столько, на сколько

это нужно для развитія романа. Нерѣдко, для окончательнаго ослѣпленія своихъ близорукихъ почитателей, г. Чернышевскій, написавшій цѣлую книгу *Объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ действительности*, гдѣ всѣ начала прекраснаго втоптаны въ грязь, гдѣ примѣняется нигилизмъ къ эстетикѣ до тривіальности, гдѣ *возвышенное и высокое, прекрасное и живое (здоровое)*—одно и тоже,—этотъ г. Чернышевскій въ романѣ своемъ *Что дѣлать?* спускается на степень аркадскихъ нравовъ, идиллическихъ сценъ и описаній. Его герои забавляются разными невинными «*petits-jeux*», говорятъ другъ другу нѣжности и готовы, по видимому, обратиться въ пастушковъ, лишь-бы г. Чернышевскому удалось доказать живучесть и практичность своей коммунистической артели. Не смотря на всѣ «бѣлыя витки», этотъ романъ имѣлъ большой успѣхъ между *поверхностно-образованною* нашею молодежью обо-его пола, которой у насъ огромное большинство, а это значитъ у большинства читающей публики. Не смотря также на всю бѣдность своего практическаго идеала и на отсутствіе всякихъ художественныхъ достоинствъ, романъ г. Чернышевскаго имѣлъ большое вліяніе даже на виѣшнюю жизнь нѣкоторыхъ недалекихъ и нетвердыхъ въ понятіяхъ оправственности людей, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ. Многіе рады были ухватиться за *теорію*, прикрывающую и оправдывающую безнравственность по отношенію къ брачному союзу: были примѣры, что дочери покидали отцовъ и матерей, жены—мужей, нѣкоторыя даже рѣшались на всѣ крайности отсюда вытекающія; появились попытки устройства на практикѣ коммунистическаго общежитія въ видѣ какихъ-то общинъ и ремесленныхъ артелей. Всего же хуже то, что всѣ эти нелѣпыя и вредныя понятія нашли себѣ сочувствіе, какъ *новыя идеи*, у множества молодыхъ педагоговъ... Это служить мѣриломъ всей ненормально-

сти нашего воспитанія и всей бѣдности, неосновательности нашего образованія. Но если большинство общества могло быть обморочено этой проповѣдью *новыхъ идей*, то у нѣкоторыхъ писателей обнаружилась однако *реакція* этому направленію. Романъ *Писемскаго—Взбаломученное море* прямо и сплеча обличилъ несостоятельность нашихъ современныхъ молодыхъ радикаловъ, агитаторовъ и модныхъ фельегошныхъ фразеровъ, считающихъ себя такъ-называемыми *передовыми* людьми. Однако, съ другой стороны, этотъ романъ грѣшитъ свойственнымъ вообще г. Писемскому недостаткомъ, — крайнимъ цинизмомъ и притомъ множество отдѣльныхъ эпизодовъ въ немъ такъ разбросаны, растянуты и чужды внутренней связи между собою, что общее впечатлѣніе, производимое романомъ, недовольно рельефно. Романъ г. *Ключникова—Марево*, изобразилъ этихъ *передовыхъ* людей нашихъ въ провинціи, въ соприкосновеніи съ польскимъ мятежемъ, съ агитаторской и революціонной дѣятельностью на практикѣ. Сумасбродство и недобросовѣстность этихъ людей обнаружены г. Ключниковымъ очень удачно. Наконецъ, романъ г. *Стебническаго* (Льскова) — *Некуда*, уже просто, такъ сказать фотографически наглядно представилъ самыя личности этихъ молодыхъ, школьническихъ заговорщиковъ, радикаловъ, нигилистовъ, ихъ фаланстеріи и разныя продѣлки. Сколько нибудь знакомые люди могутъ назвать даже по фамиліи каждое дѣйствующее лицо романа г. Стебническаго; такъ много разоблачено въ немъ закулисныхъ сторонъ этого кружка. — Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не убѣдиться, что это практическое и отрезвляющее направленіе, эта *реакція нигилизму* въ свою очередь нѣсколько парализуется въ глазахъ публики, лишенной всякаго политическаго воспитанія и серьезнаго образованія, тактикою, принятою петербургскими журналами крайнихъ убѣждений, каковы «Современникъ» и «Русское Слово» и по

преимуществу, такъ называемыми, «Сатирическими Листками,» которые какъ-бы поставили себѣ обязанностью глумиться въ каждомъ своемъ номерѣ надъ упомянутыми произведеніями, всячески поносить и унижать ихъ авторовъ и ихъ направленіе, писать на нихъ пасквили и каррикатуры и дѣлать на нихъ самыя оскорбительныя и неблаговидныя намеки. Подобный образъ дѣйствія этой которіи нашей неустановившейся и неразвитой публицистики имѣетъ успѣхъ потому, что въ большинствѣ читающей публики мало людей *самостоятельно мыслящихъ*. Въ этомъ большинствѣ еще существуетъ своего рода вѣра въ *печатное слово*, а тѣмъ болѣе, если оно льститъ грубымъ инстинктамъ полуобразованнаго челоуѣка, идетъ изъ столицъ и имѣетъ мнимое значеніе животрепещущей истины, послѣдняго вывода науки. Многіе люди изъ этого читающаго большинства и образовались только по однимъ русскимъ журналамъ, не подозрѣвая того, что въ нихъ нерѣдко, по причинѣ крайне-недостаточной образованности пишущихъ, бываютъ невѣжественно искажаемы самыя элементарныя свѣдѣнія и понятія. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются произведенія г. Антоновича въ «Современникѣ» и г. Писарева въ «Русскомъ Словѣ» (напримѣръ его оцѣнка Пушкина и многое подобное). А между тѣмъ, на мнѣнія большинства имѣетъ вліяніе *дерзость журнальныхъ крикуновъ*, болѣе или менѣе острыхъ, но по преимуществу *наглыхъ* насмѣшниковъ, и вообще та рѣзкость, которой благонамѣренная и серьезно образованная часть нашей журналистики не можетъ допустить въ себѣ, а потому, благодаря своей сдержанности, она и парализуется своими противниками. Какъ-бы то ни было, но это направленіе въ нашей литературѣ, эта постановка и рѣшеніе въ ту или другую сторону вопросовъ социальныхъ и матеріалистическихъ посредствомъ романа, повѣсти, или полемики, — это направленіе должно

быть предметомъ особеннаго вниманія цензуры въ настоящее время. Изъ практики видно, что появленіе романа: *Что дѣлать?* имѣло неблагопріятныя для общественной нравственности послѣдствія, а съ другой стороны, опубликованіе запальчивой и весьма нетрезвой полемики между г. Антоновичемъ—съ одной стороны и гг. Благосвѣтловымъ и Писаревымъ — съ другой, было полезно для упадка кредита крайнихъ органовъ нашей журналистики.

Въ заключеніе должно упомянуть еще одну категорію произведеній нашей литературы. Эта категорія не имѣетъ опредѣленнаго направленія, но въ ней жизнь со всѣми феноменами своими находитъ высшее воспроизведеніе свое и серьезное, художественное истолкованіе. Лучшія сочиненія лучшихъ прозаическихъ писателей нашихъ (которыхъ, впрочемъ, весьма немного) относятся къ этой категоріи. Тутъ нѣтъ задней мысли, нѣтъ предвзятаго направленія, искусство находитъ здѣсь естественное, правильное примѣненіе и литература не подчинена никакимъ постороннимъ цѣлямъ, не низводится до степени слѣпаго орудія въ рукахъ агитаціи. Первое мѣсто въ этой категоріи принадлежитъ безспорно произведеніямъ г. *Гончарова*, въ ряду которыхъ романъ: *Обломовъ* навсегда удержитъ за собою въ исторіи русской литературы значеніе звѣна, связующаго наше настоящее съ тѣми лучшими произведеніями нашей литературы, въ которыхъ нашла себѣ наиболѣе вѣрное и художественное отраженіе прошедшая жизнь русскаго человѣка. За тѣмъ, слѣдуетъ вспомнить тѣ сочиненія г. *Тургенева*, въ которыхъ изображены особенно развитые люди нашего поколѣнія, гибнущіе или мельчающіе въ средѣ, устроенной *исторически* и *политически* вовсе *не по нимъ*. Они дѣлаются въ этой средѣ *лишними* людьми, а подчасъ жалкими и даже смѣшными; все внутреннее содержаніе ихъ оказывается непригоднымъ при ихъ обстановкѣ и неумолима дѣйствитель-

ность обезволиваетъ, изнашиваетъ и осуждаетъ ихъ, не смотря на то, что они, относительно — *лучшіе люди*. Это трагическое отрицаніе, вытекавшее, до настоящаго времени, изъ самаго существа нашего общественнаго строя, было причиной *серіознаго* отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ и *отрицающаго нравоученія*, вытекающаго изъ самыхъ капитальныхъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, начиная отъ *разочарованія* Онѣгина и до *сна* Обломова включительно. Общественная жизнь наша до появленія этихъ произведеній еще не выработала вполнѣ ни положительнаго типа, ни положительной дѣятельности; это самое отразилось и въ лучшихъ образцахъ нашей литературы до послѣдняго времени, когда и въ жизни и въ литературѣ начинаетъ уже обозначаться матеріалъ, изъ котораго суждено, по видимому, сложиться у насъ и положительному типу и положительной дѣятельности... Должно наконецъ упомянуть еще произведенія графа *Л. Н. Толстаго* (*Дѣтство и отрочество, Военные рассказы, Очерки Севастополя* и проч.) принадлежащія къ этой же послѣдней категоріи, о которой слѣдовало упомянуть, но которую подробно анализировать здѣсь не представляется необходимымъ.

II.

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ СОВѢТА МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТА-
НІЯ И НАПРАВЛЕНИЕ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ.**

I.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СОВѢТА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧА- ТАНІЯ СЪ 22 ІЮНЯ ПО 31 ДЕКАБРЯ 1863 ГОДА.

Предложеніемъ отъ 15 іюня 1863 года г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ видахъ отстраненія неоднократно появлявшагося различія во взглядахъ цензоровъ и вообще для большаго единства въ высшемъ направленіи цензурнаго дѣла, изволилъ признать нужнымъ, установить коллегіальный порядокъ занятій членовъ Совѣта по дѣламъ книгопечатанія, подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра, съ участіемъ предсѣдателей столичныхъ цензурныхъ комитетовъ и въ извѣстныхъ случаяхъ — директора департамента полиціи исполнительной.

Образованному такимъ образомъ Совѣту по дѣламъ книгопечатанія вмѣнены были въ обязанность слѣдующія занятія:

а) разрѣшеніе сомнѣній, встрѣчаемыхъ цензурными комитетами или отдѣльными цензорами какъ по статьямъ, предназначаемымъ къ помѣщенію въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и по книгамъ, брошюрамъ и всякаго рода произведеніямъ печати, подлежащимъ разсмотрѣнію цензуры;

б) обсужденіе замѣчаній, вносимыхъ отдѣльными членами Совѣта о неправильномъ пропускѣ, по ихъ мнѣнію, въ печать статей и сочиненій или переводовъ, и вообще о направленіи повременныхъ изданій;

в) представленіе на усмотрѣніе г. Министра заключеній о мѣрахъ взысканій, коимъ надлежитъ подвергнуть повременное изданіе за обнаруженную неблагонадежность его направленія и за нарушеніе постановленій о цензурѣ;

г) представленіе заключеній, по предложеніямъ г. Министра, о мѣрѣ отвѣтственности и видахъ взысканій, коимъ подлежатъ цензоры за неисполненіе обязанностей, и

д) разсмотрѣніе общихъ вопросовъ, относящихся до постановленій о печати и книжной торговли, и представленіе г. Министру заключеній по дѣламъ о нарушеніи этихъ постановленій.

По открытіи Совѣта, 22 іюня 1862 года, 162 выходящія въ Имперіи періодическія изданія были распределены между членами Совѣта и состоящими при Министрѣ чиновниками особыхъ порученій по дѣламъ книгопечатанія, при чемъ вмѣнено было въ обязанность и тѣмъ и другимъ представлять на заключеніе Совѣта дѣлаемые ими замѣчанія какъ о несоблюденіи въ напечатанныхъ произведеніяхъ цензурныхъ правилъ, такъ и о необходимости сообщенія въ подлежащіе департаменты Министерства указаній на тѣ произведенія, которыя, по излагаемымъ въ нихъ свѣдѣніямъ, заключаютъ въ себѣ полезный матеріалъ для административныхъ соображеній или вызываютъ необходимость какихъ-либо мѣропріятій.

Въ теченіе втораго полугодія Совѣтъ имѣлъ *четырнадцать* засѣданій. На обсужденіе его поступило въ этотъ періодъ времени 347 отзывовъ членовъ и чиновниковъ особыхъ порученій. По разсмотрѣніи означенныхъ отзывовъ, относившихся къ наблюденію за періодическою прессою, за исключеніемъ 18, касавшихся другихъ предметовъ, Совѣтъ обратилъ особенное вниманіе на 43 статьи, помѣщенные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. По постановленіямъ Совѣта, утвержденнымъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ,

по этимъ статьямъ, вслѣдствіе обнаруженнаго въ нихъ нарушенія цензурныхъ правилъ, сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

1. Одинъ отдѣлъ газеты «Воронежскій Листокъ» былъ запрещенъ срокомъ на два мѣсяца.

2. Цензирующій означенную газету и Воронежскія губернскія вѣдомости, и редакторъ неофициальной части помянутыхъ вѣдомостей, уволены отъ этихъ занятій.

3. *Двумъ* цензорамъ объявлены выговоры.

4. *Одному* цензору объявлено строгое замѣчаніе.

5. *Четыремъ* цензорамъ объявлены замѣчанія.

6. Редакціи *одного* періодическаго изданія сдѣлано предостереженіе.

7. По 38 уклоненіямъ отъ цензурныхъ правилъ сдѣланы надлежащія сообщенія цензурнымъ комитетамъ, Новороссійскому и Прибалтійскому Генералъ-Губернаторамъ, Министрамъ: Военному и Народнаго Просвѣщенія, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода и нѣкоторымъ Начальникамъ губерній.

Сверхъ обсужденія отзывовъ членовъ и чиновниковъ особыхъ порученій по наблюденію за періодическою прессою, Совѣтомъ разсмотрѣны были 18 литературныхъ статей, представленныхъ на его разрѣшеніе цензурными комитетами; изъ числа этихъ статей, 12 были дозволены къ напечатанію, а 6 запрещены.

При разсмотрѣніи помянутыхъ отзывовъ и статей Совѣтъ неоднократно входилъ въ обсужденіе нѣкоторыхъ общихъ цензурныхъ вопросовъ и заключенія свои, согласно послѣдовавшимъ по онимъ резолюціямъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ сообщалъ циркулярно къ руководству подлежащимъ учрежденіямъ, а именно:

а) 29 іюля состоялся, по цензурному вѣдомству, циркуляръ о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя необходимо должны быть соблюдаемы

цензорами при разрѣшеніи къ напечатанію какъ обличительныхъ статей, такъ и тѣхъ, въ которыхъ излагаются преимущества представительстваго образа правленія, а также слишкомъ сочувственное и подробное описаніе дѣйствій польской революціонной партіи, въ сравненіи съ дѣйствіями законныхъ правительственныхъ властей.

б) 31 іюля сообщено было конфиденціально Начальникамъ губерній о недопущеніи въ неофициальной части губернскихъ вѣдомостей такихъ статей, которыя, противорѣча установленной для сихъ изданій по закону программѣ, направлены къ уничтоженію авторитета мѣстныхъ властей или носятъ на себѣ вообще характеръ обличительной литературы.

в) 25 сентября вмѣнено конфиденціально цензурнымъ комитетамъ въ обязанность: допускать въ частныхъ періодическихъ изданіяхъ перепечатку лишь тѣхъ статей освобожденнаго отъ общей цензуры «Русскаго Инвалида,» которыя вполне согласны съ дѣйствующими цензурными правилами.

г) 18 ноября предложено конфиденціально столичнымъ цензурнымъ комитетамъ: всѣ статьи о современныхъ дѣйствіяхъ, такъ называемой, раскольнической іерархіи, назначенія старообрядческихъ епископовъ, соборныхъ совѣщаніяхъ и тому подобныхъ вопросахъ представлять на предварительное разрѣшеніе Министерства.

д) 21 декабря вмѣнено конфиденціально въ обязанность столичнымъ цензурнымъ комитетамъ: соблюдать необходимыя ограниченія въ допущеніи политическихъ каррикатуръ и сатирическихъ статей по осмѣянію добрыхъ нравовъ.

Непродолжительность періода времени, въ теченіи котораго Совѣтъ занимался наблюденіемъ за періодическою прессою, лишаетъ его возможности представить подробную оцѣнку, съ цензурной точ-

ки зрѣнія, повременной прессы и ея направленія за весь минувшій годъ. Изъ тѣхъ данныхъ, которыя были въ виду Совѣта, оказывается, что на первомъ планѣ дѣятельности повременной прессы стояли правительственныя и частныя ежедневныя газеты, за тѣмъ нѣкоторыя еженедѣльныя, посвященныя вопросамъ внутренней и внѣшней политики, и сатирическія изданія; объемистые ежемѣсячныя литературно-политическіе журналы занимали вниманіе публики гораздо меньше, сохраняя за собою характеръ преимущественно сборниковъ; всѣ же прочія періодическія изданія: спеціальныя, педагогическія и губернскія вѣдомости, не смотря не рѣдко на свои фактическія достоинства, имѣли еще менѣе значенія. Преобладаніе ежедневныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ въ минувшемъ году было послѣдствіемъ не только того направленія, которое литература получила у насъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, съ начала 1857 года, но и сосредоточенія общественнаго вниманія на, такъ рѣзко выдавшихся съ начала весны минувшаго года, политическихъ событіяхъ и государственныхъ преобразованіяхъ. Изящная литература и техническіе вопросы были почти забыты въ виду польскаго возстанія, проекта земскихъ учрежденій, преобразованія учебныхъ заведеній, законодательства по дѣламъ прессы и другихъ важныхъ предметовъ внутренняго управленія, равно какъ крестьянской реформы, не перестававшей служить одною изъ главныхъ темъ для періодической прессы. Должно замѣтить, что обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ сопровождалось весьма немногочисленными нарушеніями цензурныхъ правилъ, причину чего должно искать какъ въ бдительности мѣстныхъ цензурныхъ учрежденій, такъ и въ предоставленіи большей свободы печатному слову, въ виду патріотическаго настроенія общества; тѣмъ не менѣе и эти нарушенія преимущественно истекали изъ самаго свойства предметовъ,

обсуждавшихся въ періодической прессѣ и относившихся преимущественно къ сферѣ правительственныхъ вопросовъ.

Совѣтъ внимательно слѣдилъ за направлениемъ періодическихъ изданій и преслѣдовалъ, по обязанности своей, всё, доводимые до его свѣдѣнія, случаи уклоненія отъ дѣйствующихъ по дѣламъ печати постановленій. Тѣмъ не менѣе, на основаніи полугодичнаго опыта дѣятельности Совѣта, нельзя не выразить убѣжденія, что настоящія временныя узаконенія по цензурѣ, составляющія переходную мѣру къ ожидаемому новому законодательству, съ трудомъ могутъ, по неопредѣлительности своей, долго сохранять нормальныя отношенія между Правительствомъ и прессою. Особенныя затрудненія Совѣтъ встрѣчалъ постоянно при опредѣленіи взаимной отвѣтственности цензоровъ и редакторовъ, тѣмъ болѣе, что отвѣтственность послѣднихъ, по практическимъ послѣдствіямъ, почти не существуетъ; затрудненія эти могутъ быть отклонены не иначе, какъ съ ожидаемою замѣною нынѣ дѣйствующихъ временныхъ по цензурѣ правилъ постояннымъ и положительнымъ закономъ.

II.

О НАПРАВЛЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВООБЩЕ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПЕРИОДИЧЕ- СКИХЪ ИЗДАНІЙ ВЪ ОСОБЕННОСТИ ВЪ 1863 ГОДУ.

ОБЩІЯ ЧЕРТЫ.

Уже въ концѣ 1862 г. были признаки, по которымъ можно было предвидѣть нѣкоторыя главныя черты характера нашей періодической литературы въ 1863 году. Не говоря о значительной степени напряженія, которая тогда чувствовалась во всѣхъ почти отправленіяхъ государственнаго и общественнаго организма нашего, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что въ концѣ 1862 года въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ одновременно преобразовались или создались главныя изъ тѣхъ ежедневныхъ періодическихъ изданій, на долю которыхъ выпала дѣятельность, позволяющая періодическую литературу нашу за 1863 годъ называть, по *преимуществу газетной*. Какъ будто предвидя, что условія журнала, выходящаго одинъ разъ въ мѣсяцъ, не будутъ соответствовать предстоявшему ряду важныхъ событій, для заявленія и обсужденія которыхъ невозможно допустить ни малѣйшей медленности, замѣчательнѣйшіе изъ редакторовъ нашихъ г. Катковъ въ Москвѣ и г. Краевскій въ Петербургѣ, удержавъ за собою прежнія свои ежемѣсячныя изданія, *Русскій Вѣстникъ* и *Отечественныя Записки*,

предприняли новыя ежедневныя, а именно, первый — *Московскія Вѣдомости*, второй — газету *Голосъ*. Въ то же самое время и *С.-Петербургскія Вѣдомости*, собственность Академіи наукъ, ежедневная газета, имѣвшая прежде большую извѣстность, но бывшая въ 1862 году въ упадкѣ, перешла въ руки новой редакціи и подверглась коренному преобразованію. Независимо отъ сего и органъ нашего Военнаго Министерства *Инвалиды* переданъ также новой редакціи и получилъ новую широкую программу, равно какъ и *Биржевыя Вѣдомости*, которыя имѣли во мнѣніи публики значеніе полуоффиціальнаго органа Министерства Финансовъ, стали издаваться въ обширнѣйшихъ противу прежняго размѣрахъ. Такимъ образомъ, пять, можно сказать, новыхъ ежедневныхъ газетъ, съ болѣе или менѣе серіозными средствами, выступили на сцену почти въ одинъ и тотъ-же моментъ. Надо было предвидѣть много пищи впереди для того, чтобъ не опасаться истощенія силъ при одновременной дѣятельности такихъ замѣтныхъ органовъ ежедневной періодической литературы, не считая даже тѣхъ ежедневныхъ-же газетъ, которыя перешли въ наслѣдіе отъ 1862 года. Вотъ почему, въ концѣ 1862 года существовало въ обществѣ мнѣніе, что 1863 годъ представить тоже самое, что случалось и въ предъидущихъ годахъ, то-есть появленіе массы новыхъ журналовъ въ началѣ года и вскорѣ затѣмъ прекращеніе многихъ изъ нихъ отъ недостатка матеріаловъ, или отъ несоразмѣрности количества періодическихъ изданій съ количествомъ наличныхъ публицистовъ. Между тѣмъ, вышло иначе. Матеріаловъ въ 1863 году явилось болѣе чѣмъ ожидали и за исключеніемъ газетъ *Очерки* и *Современное Слово* и журнала *Время* (о причинахъ прекращенія которыхъ будетъ сказано ниже) всѣ замѣчательнѣйшія почему либо изъ ежедневныхъ газетъ и лучшіе журналы пережили 1863 годъ, не смотря на то, что даже новыхъ особенныхъ публицистовъ

не явилось. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ другихъ, не столь извѣстныхъ журналовъ и газетъ нашихъ были, въ минувшемъ году, по справедливому выраженію «Книжнаго Вѣстника,» ¹⁾ «между жизнью и смертію,» и одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого явленія, по словамъ: «Книжнаго же Вѣстника,» та, «что гг. издатели и редакторы, не вникнувъ достаточно въ потребности общества и иногда безъ надлежащихъ средствъ, обезпечивающихъ годовое изданіе, пускаются, такъ сказать, въ воду, не спросясь броду. Многие изъ нихъ дѣлаются жертвами обманувшаго ихъ разчета и несбывшихся надеждъ.»

Кромѣ возникновенія и прекращенія журналовъ, въ ихъ существованіи происходятъ часто перемѣны: въ составѣ редакцій, въ программахъ (хотя въ этомъ отношеніи въ 1863 г., въ виду преобразованія законовъ о печати, было самое незначительное число измѣненій, сравнительно съ предъидущими годами), въ условіяхъ изданія и подписки, въ форматѣ и даже въ названіяхъ, слѣдить за которыми болѣе чѣмъ необходимо. Если не составлять ежегодно, вѣрнаго библиографическаго указателя этимъ перемѣнамъ, то лѣтъ черезъ десять, ни какимъ образомъ нельзя будетъ найти пути, въ этомъ лабиринтѣ нашихъ повременныхъ изданій, особенно тѣхъ, которыя не приобрѣли замѣтной извѣстности.

Еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, обнаружившееся уже въ концѣ 1862 г., имѣло неоспоримое вліяніе на общій характеръ и направленіе у насъ періодической литературы въ 1863 году. Превжній взглядъ журналистики на прямое значеніе гласности и такъ называемаго «обличенія,» существенно измѣнился къ лучшему. Въ послѣдніе годы и преимущественно со времени послѣдовавшихъ

¹⁾ «Книжный Вѣстникъ» № 22.

въ 1857 г. распоряженій по устройству быта крестьянъ, выпешшихъ изъ крѣпостной зависимости, періодическая литература наша подъ влияніемъ новости впечатлѣнія, производимаго духомъ реформъ, получила одностороннюю наклонность къ обличенію, къ самобичеванію, принимая это направленіе за истинную, благотѣльную гласность. Вскорѣ это увлеченіе перешло въ непрерывный рядъ скандальныхъ заявленій, диффамцій, оскорбленія личности и, за тѣмъ, въ духъ отрицанія. «Мы придавались этому занятію,» замѣчаетъ программа газеты *Голосъ* на 1863 г., «съ какимъ-то наслажденіемъ и часто для остраго слова, для красивой фразы, глумились надъ понятіями, принципами и учрежденіями, которыхъ замѣнить было пока нечѣмъ. Всякое умѣренное слово, малѣйшій намекъ на осторожность клеймили мы названіемъ отсталости, и, наоборотъ, всякое слово, всякій даже бредъ людей, пользующихся титуломъ *передовыхъ*, привѣтствовали жаркими рукоплесканіями...» Если въ началѣ 1863 года можно замѣтить еще слѣды этого печальнаго настроенія нашей прессы, то уже съ половины минувшаго года оно почти окончательно прекратилось въ сколько нибудь серіозныхъ изданіяхъ. Публика потеряла вкусъ къ такой превратной гласности, стала относиться къ ней почти съ презрѣніемъ и теперь это направленіе терпимо еще время отъ времени въ видѣ шутки, родясь и умирая въ одну минуту, вмѣстѣ съ другими эфемеридами нашихъ сатирическихъ листовъ: *Искры*, *Занозы*, *Осы*, и проч. Причины такой утѣшительной переменъ заключаются конечно: 1) въ положительныхъ, практическихъ результатахъ, принесенныхъ уже капитальными преобразованіями, послѣдовавшими въ нынѣшнее царствованіе, какъ напримѣръ: освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 2) въ дѣйствительной серіозности и въ многознаменательности событій нашей внутренней и внѣшней обще-

ственной жизни въ минувшемъ году и наконецъ, 3) въ томъ, что цензура, дѣйствуя систематичнѣе и послѣдовательнѣе прежняго, при-мѣнялась къ сложившемуся подъ вліяніемъ правительственныхъ дѣй-ствій и явленій общественной жизни, характеру современной нашей прессы и старалась направлять оную къ цѣлямъ соотвѣтственнымъ тре-бованіямъ Правительства и условіямъ общественной пользы.

Въ прошедшіе годы вообще, а въ минувшемъ году преимуще-ственно, развился у насъ еще особый родъ литературы, свойственной исклю-чительно ежедневнымъ газетамъ,—такъ называемыя—*руководящія статьи* по предметамъ внѣшней и внутренней политики. Эти статьи стали рѣшительно необходимою сколько нибудь замѣтной полити-ческой русской газеты. Въ этихъ статьяхъ газеты стремятся заявлять собственные свои взгляды и направленія. Не смотря однако на то, что въ этомъ родѣ литературы съ особымъ блескомъ, успѣхомъ и существенной пользою подвизались *Московскія Вѣдомости*, часто по ихъ же собственному отзыву, въ руководящихъ статьяхъ многихъ, особенно петербургскихъ газетъ проглядывала искусственность, жела-ніе, во что-бы то ни стало, подражать англійской и французской журналистикѣ и тогда, эти статьи превращались только въ пустую формальность, или, какъ выразились «Московскія Вѣдомости», «въ ребяческую игру въ руководящія статьи» ¹⁾. Однако нерѣдко эти статьи принимали совершенно иной тонъ, тонъ диктаторскій, съ при-тяжаніемъ подчинить себѣ мнѣнія общества, что вызывало протесты даже самой журналистики, какъ напримѣръ: въ статьѣ газеты *Рус-скій Листокъ*, подъ заглавіемъ: *Не пора-ли избавить общество отъ журнальной диктатуры?* ²⁾ Эта «игра въ руководящія

¹⁾ По этому поводу особая «замѣтка» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 27).

²⁾ «Русскій Листокъ» (№ 4).

статьи,» произвела болѣе чѣмъ когда-либо сильный разладъ между органами нашей періодической литературы, имѣвшими и безъ того уже, по духу журнальнаго соперничества и спекуляціоннаго соревнованія, наклонность къ личнымъ перебранкамъ и къ враждѣ. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ хаосъ, замѣчаемый въ нашей періодической литературѣ, объясняется тѣмъ, что «наше время—переходное». За тѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, «Отечественныя Записки»²⁾ указывали на это явленіе и призывали журнальные кружки наши къ примиренію для единодушнаго воздѣйствія на общественное мнѣніе и на дѣятельность Правительства. «Странное впечатлѣніе», замѣчаетъ статья, «должна производить армія русской журналистики на посторонняго наблюдателя. Знаменъ въ ней безчисленное множество, каждое—своего особеннаго цвѣта, подъ каждымъ собралась кучка мужественныхъ борцовъ. Противъ кого-же они дерутся? Идетъ междоусобная война,» отвѣчаетъ авторъ статьи, «въ междоусобной брани находятся тѣ самые люди, которые собрались дѣйствовать за одно и пока эта война продолжается, она приводитъ въ отчаяніе людей, возлагавшихъ надежды на литературную армію; кругомъ непроходимыя дебри, которыя расчищать—дѣло этой арміи». Но этому призыву публициста «Отечественныхъ Записокъ» не суждено было осуществиться. Журналы продолжали враждовать, соперничали, стараясь наперерывъ заманить къ себѣ публику, и эти споры разрѣшились въ концѣ 1863 года въ вопросъ о томъ, должны-ли существовать у насъ «казенныя» періодическія изданія и если должны, то въ какомъ количествѣ?—Первая статья этого рода прошла незамѣченною еще въ началѣ марта 1863 г., въ газетѣ «Современное

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости (№№ 35, 36 и 38) статья г. Забѣлина.

²⁾ Отечественныя Записки (№ 3) статья: *Нашъ скептицизмъ и наша потребность въ знаніяхъ.*

Слово» ¹⁾. Авторъ статьи предлагалъ вмѣсто всѣхъ официальныхъ журналовъ («Русскій Инвалидъ», «Сѣверная Почта», «Биржевыя Вѣдомости», «Сенатскія Вѣдомости») издавать только одинъ «Сенатскія Вѣдомости», расширивъ ихъ содержаніе. Обществу было-бы, по мнѣнію газеты, выгодно имѣть одинъ органъ, изъ котораго оно могло-бы видѣть въ связи всѣ распоряженія и постановленія различныхъ вѣдомствъ. Но въ послѣдствіи вопросъ этотъ, поднятый съ цѣлью удобства, перешелъ подъ вліяніемъ страсти и духа соперничества въ совершенно иную категорію, а именно въ вопросъ о томъ, до какой степени казенное періодическое изданіе можетъ быть признаваемо компетентнымъ органомъ общественнаго мнѣнія ²⁾? «Московскія Вѣдомости» ³⁾ увидѣли въ казенныхъ періодическихъ изданіяхъ своего рода монополию въ области общественнаго мнѣнія. Относясь къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ», какъ къ газетѣ официальной, «Московскія Вѣдомости» замѣтили, что кто обязанъ получать «Биржевыя Вѣдомости», или кому онѣ высылаются на казенный счетъ, тотъ навѣрное не заглянетъ ни въ какую другую газету и, слѣдовательно, будетъ въ полной зависимости отъ направленія навязанной ему газеты. Напрасно «Русскій Инвалидъ» поспѣшилъ замѣтить, что «интересы нашего Правительства вполне совпадаютъ съ интересами нашего государства и потому казенныя политическія изданія могутъ существовать у насъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ». «Московскія Вѣдомости» ⁴⁾ и газета «Голосъ» возразили, что чисто официальнымъ изданіемъ можно назвать у насъ только «Сенатскія Вѣдомо-

¹⁾ *Современное Слово* (№ 51) статья: *Официальная пресса Россіи*.

²⁾ *Вѣсть* (№ 14) «Замѣтки и слухи», стр. 11.

³⁾ *Московскія Вѣдомости* (№ 261).

⁴⁾ *Московскія Вѣдомости* (№ 280).

сти» и противъ нихъ ничего нельзя сказать. «Сѣверная Почта», отличающаяся духомъ сдержанности, трезвости и избѣгающая всякихъ личныхъ полемическихъ столкновѣній, тоже, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», болѣе другихъ газетъ имѣетъ свойства официального органа; другія же изданія, состоя изъ двухъ отдѣловъ,—официальнаго и неофициальнаго, суть собственно полу-официальныя и потому въ нихъ «частныя мнѣнія издаются на казенныя деньги, или на счетъ приписныхъ читателей.» Этотъ споръ перешелъ и къ настоящему году. Что-же касается до вопроса о казенныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ органахъ общественнаго мнѣнія, то, не смотря на существующее въ большинствѣ нашей публицистики убѣжденіе, что вся совокупность періодической литературы есть выраженіе общественнаго мнѣнія, «Московскія Вѣдомости», ¹⁾ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, рассматривая, какія именно въ политическомъ строѣ Россіи существуютъ элементы, при посредствѣ которыхъ Правительство могло-бы получать вѣрныя свѣдѣнія объ истинныхъ желаніяхъ и потребностяхъ страны, утверждали, что пресса вообще, какъ официальная, такъ равно и неофициальная, не должна быть въ этомъ отношеніи принимаема за нормальный источникъ. «Газета,—дѣло очень хорошее», замѣчаютъ «Московскія Вѣдомости», «въ ней всегда можетъ быть сказано болѣе или менѣе дѣльное слово. Но что она за арена для обсужденія вопросовъ?» Статья высказываетъ убѣжденіе, что журнальная полемика не можетъ самостоятельно и совершенно правильно отражать въ себѣ желанія и потребности страны и что *въ этомъ случаѣ газета не удовлетворяетъ*. Такимъ образомъ, вопросъ о періодическихъ изданіяхъ, какъ органахъ общественнаго мнѣнія, коснулся вопроса о *національномъ политическомъ представи-*

¹⁾ *Московскія Вѣдомости* (№ 200).

мелетель, который, въ слѣдствіе дѣятельности цензуры, отстранявшей все несвойственное въ настоящее время политическому и гражданскому строю нашего государственнаго организма,—не былъ допускаемъ къ обсужденію въ печати.

ХАРАКТЕРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ.

Количество всѣхъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ предѣлахъ Имперіи въ 1863 году, на русскомъ языкѣ было около 195.

Исключивъ изъ этого числа мѣстныя Губернскія Вѣдомости, равно какъ изданія подлежащія цензурѣ Духовной и изданія изъятыя въ 1862 году изъ общей цензуры, въ исключительномъ вѣдѣніи послѣдней было около 94 періодическихъ изданій.

Тѣмъ не менѣе, дѣятельность нѣкоторыхъ изъ специальныхъ періодическихъ изданій, какъ напримѣръ, *Православнаго Обозрѣнія* и *Русскаго Инвалида*, такъ тѣсно была въ минувшемъ году связана съ общей дѣятельностью нашей прессы, что говоря о характерѣ послѣдней, невозможно оставить въ сторонѣ эти изданія.

Переходя за тѣмъ къ органамъ періодической литературы нашей, которые по своему внутреннему значенію, или по какимъ-либо другимъ внѣшнимъ условіямъ (какъ напримѣръ, по дешевизнѣ своей) выделялись изъ всей массы повременныхъ изданій, были почему-либо замѣчательнѣе прочихъ и обращались болѣе другихъ въ обществѣ,—нельзя не замѣтить, что количество таковыхъ изданій было болѣе значительно чѣмъ въ прежніе годы. Должно упомянуть при этомъ, что, хотя по примѣру прежнихъ лѣтъ, журнальная, а потому и цензурная дѣятельность, сосредоточивалась преимущественно въ столицахъ и особенно въ С.-Петербургѣ, но по поводу экстренныхъ событій въ минувшемъ году, въ нашемъ западномъ и юго-западномъ краѣ, ха-

рактёръ тамошнихъ мѣстныхъ періодическихъ изданій былъ оживленнѣе чѣмъ въ прежнее время. Доказательствомъ этому могутъ служить, между прочимъ, многочисленныя выписки изъ *Кіевскаго Телеграфа* и изъ *Виленскаго Вѣстника*, производившіяся безъ всякихъ измѣненій всѣми столичными изданіями.

Вообще же слѣдующія періодическія изданія за 1863 годъ могутъ быть названы болѣе значительными:

I. Ежедневныя газеты:

1. Московскія Вѣдомости.	2. Голось.
3. Инвалидъ.	4. Биржевыя Вѣдомости.
5. С.-Петербургскія Вѣдомости.	6. Сѣверная Пчела.
7. Современное Слово.	8. Очерки.
9. Сынъ Отечества.	10. Народное Богатство.
11. Наше время.	

II. Газеты, выходившія три раза въ недѣлю:

1. Русскія Вѣдомости.	2. Одесскій Вѣстникъ.
3. Кіевскій телеграфъ.	4. Виленскій Вѣстникъ.

III. Газеты, выходившія разъ въ недѣлю:

1. День	2. Русскій Листокъ, преобразован-
шійся потомъ въ газету «Вѣсть».
3. Современная Лѣтопись.	

IV. Журналъ, выходившій два раза въ мѣсяцъ:

Книжный Вѣстникъ.

V. Журналы, выходившіе разъ въ мѣсяцъ:

1. Русскій Вѣстникъ.	2. Современникъ.
3. Отечественныя Записки.	4. Библіотека для Чтенія.
5. Русское Слово.	6. Время.
7. Военный Сборникъ.	8. Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи.
9. Архивъ.	10. Православное Обзорѣніе.
11. Духъ Христіанина.	

Всего тридцать періодическихъ изданій.

Московскія Вѣдомости, арендуемыя гг. Катковымъ и Леонтьевымъ у Императорскаго Московскаго Университета не имѣвшія особеннаго успѣха почти до половины февраля мѣсяца 1863 г., начали съ этого времени быстро пріобрѣтать извѣстность и со второй четверти года получили значеніе самой популярной у насъ газеты. Серіозная подготовка гг. Каткова и Леонтьева къ редакторской дѣятельности, преимущественно-же таланты ихъ, какъ публицистовъ и многосторонняя ученость, не могли не придать издаваемой ими газетѣ почетное значеніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія. При томъ-же, направленіе «Московскихъ Вѣдомостей» и нравственныя средства редакціи ихъ заранѣе были уже знакомы публикѣ по направленію *Русскаго Вѣстника* и *Современной Лѣтописи*, которые находились нѣсколько лѣтъ въ завѣдываніи той же редакціи. По этой, между прочимъ, причинѣ, изложеніе отчета о направленіи въ 1863 г. *Московскихъ Вѣдомостей* возможно лишь въ связи съ другимъ изданіемъ тѣхъ же редакторовъ—*Русскимъ Вѣстникомъ*. Нѣкоторая часть читающей публики видѣла въ направленіи періодическихъ изданій гг. Каткова и Леонтьева прежде всего крайнее сочувствіе къ характеру англійской конституціи. Безусловное уваженіе англичанъ къ существующему закону, рациональный строй политическаго и общественнаго организма

Англіи дѣйствительно выставялись и выставяются въ періодическихъ изданіяхъ гг. Каткова и Леонтьева, какъ образецъ достойный подражанія; но въ примѣненіи тѣхъ же началъ къ нашей отечественной почвѣ, «Русскій Вѣстникъ», «Современная Лѣтопись» и «Московскія Вѣдомости» вполне своеобразны. Доказательствомъ тому, могутъ служить такія статьи какъ, напримѣръ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 3) статья подъ заглавіемъ, *Что намъ дѣлать съ Польшей?* Говоря о той системѣ политическаго представительства, которая могла бы, по мнѣнію журнала, соответствовать нынѣшней степени развитія нашего отечества, «Русскій Вѣстникъ» предлагаетъ мѣры, неимѣющія ничего общаго съ характеромъ англійской конституціи, мѣры, основанныя на условіяхъ, свойственныхъ исключительно нашему быту и вытекающія изъ собственного нашего историческаго развитія. Тѣ-же самыя идеи разсѣиваются и въ руководящей статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 200) гдѣ также говорится о политическомъ представительствѣ. Вообще періодическія изданія гг. Каткова и Леонтьева могутъ быть по своему внутреннему направленію справедливо названы органами поддерживающими интересы нашего историко-органическаго развитія. За тѣмъ должно упомянуть о другой въ высшей степени оригинальной, полезной и блистательной общественной дѣятельности, которою Московскія Вѣдомости ознаменовались въ 1863 году. Независимо отъ тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ событій, которыя сами по себѣ способны уже были пробудить къ самосознанію основныя элементы русскаго общества, въ виду той наклонности къ матеріализму, къ нигилизму, и еще болѣе къ крайнему социализму, которая, къ сожалѣнію, какъ заносная, чужестранная немощь обнаруживалась въ нѣкоторыхъ кружкахъ нашего общества и въ тѣхъ органахъ нашей прессы, которые видятъ служеніе прогрессу въ постоянномъ раздраженіи и безъ того склоннаго къ запретному плоду вкуса

полуразвитыхъ людей,—въ виду этого-то направленія, входившаго въ моду, равдалось трезвое слово «Московскихъ Вѣдомостей», призывавшее общество къ вѣрѣ, къ высокому назначенію человѣка, какъ гражданина, къ безусловному уваженію существующаго закона и къ національной гордости, безъ всякой тѣни истеричности или ослѣпленія относительно другихъ національностей.

Что касается до полной искренности въ отношеніи къ чувству сознанія русской національности, то «Московскимъ Вѣдомостямъ» не уступаетъ издаваемая въ Москвѣ г. И. Аксаковымъ газета «День».

На сколько «Московскія Вѣдомости» реальны во взглядѣ на истинное значеніе у насъ народности, на столько же мнѣнія и цѣли газеты «День», въ этомъ отношеніи, идеальны. Обращаясь съ симпатіей къ нашей до-петровской старинѣ и съ свѣтлой надеждой къ будущему, газета «День», знамя которой, по ея же собственному выраженію, есть старое знамя славянофиловъ, видитъ въ послѣ-петровской эпохѣ протестъ, а въ настоящемъ—борьбу нашей народности съ чуждою и несвойственною будто-бы намъ цивилизаціей и сама газета немало содѣйствуетъ къ оживленію и къ успѣшному, съ ея точки зрѣнія, исходу, этой борьбы. Верхній слой нашего общества, дворянское сословіе, а потому и все, что изъ него выдѣляется въ сферу органической правительственной дѣятельности, по ученію газеты «День», есть среда, извращенная во всѣхъ отношеніяхъ результатами западно-европейской цивилизаціи, привитыми намъ насильственно реформою Петра. Всѣ же другія сословія, по убѣжденію газеты, на столько имѣютъ способности и права къ правильному развитію и къ совершенствованію, на сколько приближаются въ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ инстинктахъ къ безразличной массѣ простаго народа, къ «почвѣ», въ которыхъ газета «День» видитъ самородокъ, изобилующій всѣми идеальными свойствами. Такими-то принципами

объясняются всё демократическія тенденціи «Дня». Отсюда же происходят въ немъ такія явленія, какъ напримѣръ, сдѣланное имъ прежде всѣхъ другихъ газетъ нашихъ приглашеніе дворянскому сословію къ *самоуничтоженію*, названіе Петербурга съ его административнымъ элементомъ — *Русляндіей*, ненависть къ нѣмцамъ, къ путешествію и къ полученію русскими дѣтьми образованія внѣ предѣловъ Россіи, а съ другой стороны предложеніе уничтожить польскій элементъ въ нашемъ западномъ и юго-западномъ краѣ, возвысивъ тамошнее мѣстное крестьянство до степени поголовной подачи голосовъ (*suffrage universel*) въ пользу присоединенія къ Россіи или къ Польшѣ. Изъ того же источника произошло и заявленное въ «Днѣ» вскорѣ по основаніи этой газеты, еще въ 1862 году, мистическое ученіе объ отношеніи, въ которомъ должно состоять общество къ дѣятельности государственной и къ правительственной. Общество сравнивалось съ сердцевиною дерева, а государство, — съ его корой, и изъ взаимодѣйствія этихъ элементовъ выводились основанія для отношеній между государствомъ и обществомъ. Односторонняя и полная нетерпимости въ отношеніи къ чуждымъ національностямъ, односторонняя и полная нетерпимости въ отношеніи къ высшему сословію нашего общества, газета «День» не могла не встрѣтить и дѣйствительно встрѣтила въ 1863 г. сильный полемическій отпоръ со стороны большинства петербургской журналистики тамъ, гдѣ дѣло касалось вопроса о національностяхъ вообще, и особенно со стороны газеты «*Русскій Листокъ*» и «*Вѣсть*», тамъ гдѣ говорилось о высшемъ сословіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. въ вопросѣ о значеніи сословій, газета «День и Вѣсть» могутъ быть справедливо названы нашими журнальными антиподами, Редакторъ газеты «День», г. Аксаковъ обладаетъ болѣе талантомъ поэта, чѣмъ публициста и потому, «руководящія статьи» его газеты нрави-

лись публикѣ, какъ блестящая, хотя часто туманная импровизація идеалиста, чуждая положительныхъ, и еще менѣе—практическихъ цѣлей. Безъ таланта г. Аксакова направление «Дня» легко обпаружило бы тотъ-же крайній, полный нетерпимости характеръ, который петербургская журналистика ставила въ укоръ, издававшемуся въ минувшемъ году, въ Кіевѣ, г. Говорскимъ *Вѣстнику западной и юго-западной Россіи*. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній журналъ, съ его крайнимъ направлениемъ былъ въ 1863 году, по отзыву «Московскихъ Вѣдомостей», ¹⁾ не бесполезенъ, въ виду преступной дѣятельности со стороны польской пропаганды въ западномъ краѣ. При вышеизложенномъ направленіи газеты «День», всегда способномъ перейти къ увлеченію, цензура обязана была относиться къ этому періодическому изданію съ особеннымъ вниманіемъ и доказательствомъ тому служить нерѣдкое запрещеніе къ печати представляемыхъ редакцію руководящихъ статей этой газеты.

Съ направлениемъ газеты «День» въ кругу петербургской журналистики имѣли болѣе другихъ органовъ поврежденной литературы сходство *С.-Петербургскія Вѣдомости*, тамъ только впрочемъ, гдѣ рѣчь касалась отзывовъ объ официальной дѣятельности, направленной къ устройству у насъ междусловныхъ отношеній и отношеній между Правительствомъ и обществомъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» неоднократно высказывали свое сочувствіе въ этомъ отношеніи къ идеямъ газеты «День». Что-же касается до другихъ предметовъ журнальной дѣятельности, то «С.-Петербургскія Вѣдомости» существенно различались съ газетой «День», уже потому самому, что послѣдняя, какъ органъ кружка, называемаго у насъ славянофилами, держится принциповъ исключительной національности, тогда какъ

¹⁾ *Московскія Вѣдомости* (№ 30).

«С.-Петербургскія Вѣдомости» высказывались неоднократно въ космо-политическомъ духѣ. Этимъ-то послѣднимъ обстоятельствомъ можно объяснить и отсутствіе всякаго опредѣленнаго цвѣта въ общемъ направленіи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Редакція сама затруднялась выразить направленіе своей газеты. — «Въ наше время журналы читаются по сочувствію,» замѣтила Редакція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», открывая подписку на 1863 годъ, «и потому для общества очень важно знать, въ какой мѣрѣ оно можетъ довѣриться нашему литературному предпріятію. Къ сожалѣнію, мы должны отказать,» продолжаетъ Редакція «отъ попытки опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ наше направленіе. По многимъ причинамъ, это представляется намъ неудобнымъ. Если мы скажемъ, что будемъ чуждаться исключительности, односторонности и крайностей, то объяснимъ весьма мало нашу задачу». Какъ-бы то ни было, но не смотря на 77 именъ опубликованныхъ Редакціею въ качествѣ сотрудниковъ газеты, — «С.-Петербургскія Вѣдомости», неоднократно вызывавшія мѣры цензурной строгости, обращали на себя вниманіе другихъ органовъ періодической литературы ¹⁾, своею «сухостью» и тѣмъ, что имъ «не удалось исполнить своихъ обширныхъ предположеній.» Особенность этой газеты, преимущественно возбуждавшая интересъ къ ней публики, составляла болѣе чѣмъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ обширная и талантливая корреспонденція изъ царства польскаго и изъ западнаго края. Но и эта корреспонденція по индифферентизму, съ которымъ относилась она къ основнымъ элементамъ національностей и по идеальному колориту въ описаніяхъ нѣкоторыхъ сторонъ польскаго возстанія была неоднократно запрещаемая цензурою.

¹⁾ *Русскій Листокъ* (№ 14) стр. 11.

Вслѣдъ за «С.-Петербургскими Вѣдомостями» должно упомянуть цѣлый рядъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ минувшемъ году въ С.-Петербургѣ, которыя по направленію своему, если и не могли быть названы вполне однородными, то во всякомъ случаѣ представляли много оттѣнковъ одного и того-же цвѣта. Эти изданія были: газеты—*Народное Богатство*, *Очерки* и *Современное Слово*, а изъ журналовъ,—*Время*, *Современникъ*, *Русское Слово* и *Библіотека для чтенія*. Вся эта совокупность повременныхъ изданій, направленіе которыхъ, примыкая съ одной стороны къ серьезной литературной дѣятельности, касалась въ то-же время съ другой стороны, простаго спекуляціоннаго предпріятія,—можетъ быть раздѣлена на двѣ группы. Первую составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя не смотря на измѣнившійся духъ времени, на возникшіе капитальные вопросы въ нашей внѣшней и внутренней политической и соціальной жизни,—упорно продолжали быть органами вышеупомянутаго ложнаго и мелочнаго обличительнаго направленія и превратнаго пониманія гласности. Отрицательная польза, принесенная нашему обществу такими повременными изданіями, заключалась между прочимъ въ томъ, что постоянное примѣненіе ими высокихъ гражданскихъ принциповъ въ видѣ реактива къ самымъ мелкимъ, пошлымъ, а нерѣдко и вымышленнымъ фактамъ, отвратило большую часть общества отъ сочувствія подобнымъ журнальнымъ приѣмамъ въ смыслѣ служенія ихъ благодѣтельной гласности. Съ другой же стороны, неуловимая для официальной цензурной практики, но тонко-проглядывающая и понятная для читателей въ направленіи этихъ періодическихъ изданій, способность слишкомъ легко относится къ самымъ серьезнымъ нравственнымъ и политическимъ сторонамъ общественнаго организма,—подорвала ту довѣренность и то расположеніе, съ которыми въ прежнее время, (когда подобное направленіе вовсе не

находило себѣ выраженіе) общество готово было относиться ко всему, что могло быть предметомъ цензурнаго *veto*. Относительно такихъ-то органовъ повременной литературы потребно было въ 1863 году принять самую напряженную, искусственную и непрерывную цензурную дѣятельность, въ томъ отношеніи, чтобы съ одной стороны, излишней строгостью къ нимъ, не придать имъ соблазнительнаго авторитета въ глазахъ массы близорукихъ людей, а съ другой стороны, чтобы не допустить ихъ, въ то-же время, переступить за предѣлы безвредной дѣятельности. Къ этой-то группѣ могутъ быть отнесены: газеты «Народное Богатство», «Очерки» и «Современное Слово», а изъ журналовъ:—отчасти «Время» и «Русское Слово».—Упомянутое настроеніе общества и усиленная цензурная бдительность привели къ тому, что одни изъ этихъ періодическихъ изданій истощились и стали безцвѣтны, какъ напримѣръ: газета «Народное Богатство», газета «Очерки» должна была сама прекратиться отъ недостатка матеріаловъ при весьма незначительномъ числѣ подписчиковъ; а «Современное Слово» и «Время», какъ выпешедшія изъ дозволенной закономъ дѣятельности, были прекращены по распоряженію Правительства. Последнее изъ этихъ изданій, «Время», держась выпеска-заннаго псевдо-обличительнаго направленія, было впрочемъ серіознѣе такихъ газетъ, какъ «Очерки», или «Современное Слово». Журналъ «Время» имѣлъ цѣлью быть органомъ русскаго рационализма, быть безпристрастнымъ отраженіемъ русской дѣйствительности и исключительно—русскаго направленія, безъ нетерпимости и безъ идеализма, отличающихъ направленіе газеты «День»; но на четвертой книгѣ, гдѣ явилась статья *Роковой вопросъ*, это періодическое изданіе прекращено. Ко второй группѣ поименованныхъ петербургскихъ періодическихъ изданій принадлежатъ журналы: «Библіотека для Чтенія», «Русское Слово» и стоящій въ главѣ ихъ по своимъ мораль-

ныиъ и матеріальныиъ средстваиъ— «Современнииъ». Основанныиъ Пушкиныиъ, возобновленныиъ въ 1847 году Бѣлинскыиъ и Никитенко съ участіемъ самыхъ талантливыхъ дѣятелей того времени— «Современнииъ» получилъ прочную извѣстность, пользовался по преимуществу симпатіей общественнаго мнѣнія и игралъ въ періодической литературѣ нашей первенствующую роль въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, почти до конца пятидесятихъ годовъ, когда «Русскій Вѣстникъ» сталъ приобрѣтать предпочтеніе. Уже подъ редакціей гг. Панаева и Некрасова «Современнииъ» сталъ чуждаться прежняго, серьезнаго настроенія; со времени же ряда преобразованій, открытыхъ въ 1857 году распоряженіями по устройству быта крестьянъ, т. е. именно съ того времени, когда «Русскій Вѣстникъ» сталъ заявлять себя направленіемъ положительнымъ, въ которомъ такъ нуждалось тогда общество,— «Современнииъ» въ отдѣлѣ серьезныхъ статей началъ впадать въ цѣлый рядъ утопій, въ отдѣлѣ современной лѣтописи и политики, онъ наполнялся статьями диллетантическаго, космополитическаго и нигилистическаго свойства, а въ отдѣлѣ легкой, шутилой литературы,—относился очень легкомысленно и цинически ко всѣмъ сторонамъ общественнаго организма нашего. Направленіе это въ 1862 году подъ редакціей г. Чернышевскаго, при сотрудничествѣ г. Добролюбова и другихъ достигло той степени, что журналъ «Современнииъ», былъ приостановленъ по распоряженію Правительства на восемь мѣсяцевъ. Въ 1863 же г. внѣшнія и внутреннія исключительныя политическія событія въ жизни нашего отечества остались не безъ вліянія на «Современнииъ». Патриотическое одушевленіе общества, широкія внутреннія преобразованія въ пользу тѣхъ самыхъ сословій, къ которымъ обыкновенно относятся симпатично литературныя органы, подобныя «Современнику», и наконецъ, особенное вниманіе цензуры къ этому періодическому изданію послѣ приостановленія его въ 1862 году, все это исключало

всякую умѣстность принятаго «Современникомъ» за принципъ легкаго обращенія къ тѣмъ сторонамъ общественной и правительственной дѣятельности, на которыхъ сосредоточенъ былъ, такъ сказать, интересъ минуты. По этому такіе предметы какъ напримѣръ польскій вопросъ и внутреннія преобразованія были упоминаемы въ «Современникѣ» и въ «Русскомъ Словѣ» какъ-бы вскользь, а главный интересъ сосредоточенъ былъ на вопросахъ соціальнаго свойства, на отвлеченныхъ политическихъ и экономическихъ теоріяхъ. Направленіе это выразилось такими статьями, какъ напримѣръ *Что дѣлать?* романъ г. Чернышевскаго, *О народности въ политикѣ* статья Ю. Жуковскаго, *Славянскій Югъ*—изображеніе нравственнаго и политическаго упадка славянъ и т. п.

Отдѣльно отъ другихъ органовъ повременной литературы стоятъ періодическія изданія г. Краевскаго: журналъ *Отечественныя Записки* и газета *Голосъ*. Оба эти изданія, взятые вмѣстѣ, могутъ быть названы какъ бы посредствующимъ органомъ между направленіемъ московской газеты «День» и направленіемъ вышеупомянутыхъ петербургскихъ изданій. Не смотря на то что «Голосъ» и «Отечественныя Записки» состоятъ подъ одной редакціей, въ характерѣ ихъ замѣтна существенная разница. «Отечественныя Записки» въ весьма многихъ статьяхъ, а преимущественно въ отдѣлѣ «Современной хроники» (статьи г. Громеки) относились къ явленіямъ политической и соціальной жизни нашей въ 1863 году по большей части съ точки зрѣнія полнаго скептицизма, а газета «Голосъ» напротивъ стремилась разъяснить многія положительныя стороны нашего быта различныхъ мѣстностей Россіи. Что-же касается до, такъ называемыхъ, руководящихъ статей газеты «Голосъ» и до общаго ихъ направленія, то оно было крайне измѣнчиво и въ нихъ замѣтно отсутствіе опредѣленнаго характера. Такъ напримѣръ газета постоянно съ

сочувствіемъ отзывалась о дѣятельности русской дипломатіи по польскому вопросу, а между тѣмъ, въ полемикѣ своей съ «Московскими Вѣдомостями» и другими газетами о нашей администраціи въ Царствѣ Польскомъ, таже газета высказывалась въ духѣ совершенно противуположномъ тому направленію, которое господствуетъ въ депешахъ нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Этотъ недостатокъ опредѣленности въ направленіи газеты и ея измѣнчивость, доказываютъ отсутствіе самостоятельности и «независимости» ея взглядовъ, не смотря на то, что редакція, вѣроятно, предчувствуя эту слабую сторону своего изданія, какъ бы стремилась оградить себя въ этомъ отношеніи, утверждая въ объявленіи о подпискѣ на «Голосъ», что газета ея именно будетъ «независима». Тѣмъ не менѣе, въ слѣдствіе безцвѣтности и непопулярности «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», газеты дѣйствительно «независимой», и благодаря опытности редакціи въ издательской дѣятельности въ спекуляціи и въ умѣнніи примѣняться къ настроенію извѣстной минуты, газета «Голосъ» болѣе другихъ неофициальныхъ, петербургскихъ, ежедневныхъ газетъ, пришедшихъ по разнымъ причинамъ въ упадокъ, обращала на себя вниманіе читателей.

Не смотря однако на усиліе газеты «Голосъ» пріобрѣсть общее довѣріе своею наклонностью къ положительному тону, довѣріе это было въ 1863 году болѣе благосклонно къ *Русскому Инвалиду*. Много внѣшнихъ обстоятельствъ содѣйствовало этому. Еще въ началѣ 1862 года, вслѣдъ за упраздненіемъ 8 марта, по Высочайшему повелѣнію, Главнаго Управленія Цензуры, г. Управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія вошелъ въ сношеніе, отъ 15 того-же марта, съ подлежащими вѣдомствами объ изыятіи, по Высочайшему повелѣнію, отъ разсмотрѣнія общей цензурой всѣхъ *изданій правительственныхъ учреждений, а также — изданій разныхъ ученыхъ обществъ и чисто специальныхъ и техниче-*

скихъ изданій. Очевидно, что распоряженіе это, сопоставляя *изданія правительственныхъ учреждений* съ изданіями *чисто спеціальными и техническими*, имѣло въ виду при изыятіи изъ общей цензуры первыхъ, независимо отъ довѣрія къ правительственнымъ учрежденіямъ, также своего рода *спеціальную* сторону этихъ изданій, ту сторону, въ которой могутъ быть компетентными судьями, только издающія ихъ правительственныя учрежденія. Такъ напримѣръ: статьи по части стратегіи, или военной администраціи могутъ быть разрѣшаемы къ печати Военнымъ Министерствомъ; статьи по коннозаводству и охотѣ могутъ подлежать Главному Управленію Государственнаго Коннозаводства. Но вышло иначе. Кромѣ части официальной и статей, составляющихъ спеціальность вѣдомства, издающаго газету, — въ изданіяхъ правительственныхъ учреждений стали печатать безъ разсмотрѣнія общему цензурою статьи самаго разнообразнаго содержанія и направленія, какъ напримѣръ: руководящія статьи по части внутренней и внѣшней политики, статьи по всевозможнымъ предметамъ и фельетоны, не имѣющіе ровно никакого *спеціального* характера и притомъ совершенно не входящіе въ кругъ ихъ компетентности.

Въ заключеніе должно упомянуть о *Сѣверной Пчелѣ*, пришедшей въ 1863 г. въ упадокъ по скудности матеріальныхъ средствъ. Что-же касается газеты *Сынъ Отечества*, то она продолжала имѣть по прежнему свое небезполезное значеніе. Доступная по дешевизнѣ своей большинству читателей, газета «Сынъ Отечества» не отличалась оригинальными статьями, но достоинство ея состояло въ удачномъ и добросовѣстномъ выборѣ и въ перепечатываніи цѣликомъ, или въ извлеченіяхъ, заимствованныхъ изъ другихъ періодическихъ изданій, самыхъ замѣчательныхъ статей, и, такимъ образомъ, «Сынъ Отечества» былъ передаточнымъ пунктомъ между значительнымъ числомъ своихъ читателей и тѣми изданіями, статьи коихъ онъ заимствовалъ.

Оригинальнѣе «Сына Отечества» по своему составу, а равно отличавшаяся направлениемъ благонамѣреннымъ и умѣньемъ примѣняться по духу статей своихъ къ многочисленному классу небогатыхъ людей, была въ 1863 году, издававшаяся въ Москвѣ газета *Русскія Вѣдомости*.

ПРЕДМЕТЫ ОТЗЫВОВЪ НАШЕЙ ПРЕССЫ ВЪ 1863 Г.

Изложенное такимъ образомъ въ общихъ чертахъ направление замѣчательнѣйшихъ изъ періодическихъ изданій нашихъ въ 1863 г., выразилось по преимуществу въ отзывахъ ея по главнымъ вопросамъ государственной и социальной жизни нашего отечества. Предметы этихъ отзывовъ должно раздѣлить на двѣ слѣдующія категории:

I. Тѣ, которые возникли въ 1863 году. Сюда относятся:

1. Вопросъ польскій, или какъ выражался «Русскій Вѣстникъ», — польско-русскій вопросъ.
2. Вопросы внутренней политики, а именно: а) самоуправленіе; б) конституціонныя тенденціи; в) финляндскій сеймъ, и г) стремленія къ сепаратизму и къ федераціи.
3. Финансовые и экономическіе вопросы.
4. Вопросы, коихъ инициатива принадлежитъ жизни общественной.

II. Ко второй категоріи относятся тѣ предметы отзывовъ періодической литературы нашей, которые возникли уже прежде 1863 г. Сюда относятся:

1. Вопросъ крестьянскій.
2. Приготовительныя работы по преобразованію судебной части.

3. Приготовительныя работы по предмету земскихъ учреждений.
4. Духовенство.
5. Расколъ.
6. Народное просвѣщеніе.
7. Преобразование цензуры и
8. Военныя преобразованія.

Объемъ настоящаго Обзорѣнія не допускаетъ возможности, представить подробный анализъ главныхъ статей по вышеизложеннымъ предметамъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ эти статьи появлялись въ періодическихъ изданіяхъ; но и наглядная группировка тѣхъ статей можетъ быть не чуждою нѣкотораго значенія.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

Польскій вопросъ, или польско-русскій вопросъ составитъ въ исторіи развитія нашей журналистики замѣчательную ступень. Никогда еще идея національности, въ примѣненіи ея къ *практической* сторонѣ внѣшней и внутренней правительственной дѣятельности не бывала у насъ предметомъ такихъ многостороннихъ и открытыхъ обсужденій прессы какъ въ 1863 году. Это не имѣло уже характера прежнихъ теоретическихъ и нерѣдко утопическихъ преній такъ называемыхъ *славянофиловъ* съ *западниками*. Въ цѣлой массѣ статей по польскому вопросу въ минувшемъ году нашли себѣ отраженіе, какъ въ фокусѣ, общее направленіе нашей литературы и характеръ или, такъ сказать, цвѣтъ почти каждаго замѣтнаго періодическаго изданія. Открытый свѣдѣніемъ о злодѣйскомъ ночномъ нападеніи съ 10 на 11 декабря 1863 г. на нашихъ солдатъ, въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго, польскій вопросъ былъ нѣкоторое время допускаемъ къ обсужденію въ періодическихъ изданіяхъ не иначе какъ съ крайней осторожностью. Прежде всего Journal de

St.-Petersbourg, возражая на отзывы иностранной журналистики о рекрутском наборѣ въ Царствѣ, употребилъ извѣстное выраженіе: *La légalité nous tue*. Это выраженіе вызвало рѣзкую статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 23) и возраженіе въ той-же газетѣ (№ 26) главнаго редактора «*Journal de St.-Petersbourg*,» равно какъ статью по тому-же предмету въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 23). Во время пріостановки отзывовъ нашей журналистики о вспыхнувшемъ мятежѣ (въ февралѣ 1863 г.) обратили на себя вниманіе общества: статья г. Лебедева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 24 и 35) объ историческомъ происхожденіи и постепенной организаціи еще посредствомъ пропаганды Мирославскаго, нынѣшней революціи и отзывъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№№ 32 и 46) о прусско-русской конвенціи, 8 февраля 1863 г. Въ той-же газетѣ (№ 45) раздалась первая жалоба на недозволеніе обсужденій въ журналистикѣ польскаго вопроса. Эта жалоба повторена была и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ на-примѣръ въ газетахъ: «Голосъ» (№ 54), «Наше Время» (№ 46), въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№№ 2 и 3) и въ другихъ. Въ это же время пренія о дѣлахъ польскихъ во французскомъ сенатѣ, дерзкая рѣчь принца Наполеона, 18 марта, о которой особенно рельефно отзывались «Наше Время» (№ 61) и «Голосъ» (№ 70), клеветы на Россію иностранной журналистики и непожѣрная эфе-мерность польскихъ притязаній содѣйствовали къ болѣе открытымъ разсужденіямъ нашей прессы о польскомъ вопросѣ и съ этого вре-мени всѣ переходы польскаго вопроса въ жизни сопровождаются отзывами въ нашей журналистикѣ, а именно:

Нелпныя притязанія поляковъ на обладаніе нашимъ запад-нымъ и юго-западнымъ краемъ обсуждались, — въ «Русскомъ Инва-лидѣ» (№ 55) въ статьѣ г. Щебальскаго—Наша космополиты;

такъ же (№ 71) статья г. Гильфердинга—*За что борются Русские съ Поляками?* — «Отечественныя Записки» (№ 2); «Русскій Вѣстникъ» (№ 1) статья подъ заглавіемъ: *Польскій Вопросъ*, можетъ считаться собственно статьею отрывающею серьезное обсужденіе этого предмета въ нашей прессѣ.

Высочайшій указъ 31-го марта, съ предложеніемъ амнистіи. Замѣчательны статьи: газеты «Голосъ» (№№ 77, 78, 80), «Московскія Вѣдомости» (№№ 69 и особенно 71), «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 73) и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 2) въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Русскій Вопросъ*.

Всеподданнѣйшіе адреса: «Голосъ» (№№ 81, 93), «Московскія Вѣдомости» (№ 72), «Отечественныя Записки» (№ 3), «День» (№ 18), «Русскій Инвалидъ» (№ 92) и почти всѣ газеты.

Дипломатическія сношенія Россіи съ Западной Европой по вопросу о Польшѣ, выраженный въ иностранныхъ нотахъ и въ отвѣтахъ нашего Вице-Канцлера въ концѣ апрѣля, въ іюнѣ и въ сентябрѣ, — «Современная Лѣтопись» (№ 12) въ статьѣ *Русско-Польская дилемма*. — «Московскія Вѣдомости» (№№ 103, 157), «Русскій Инвалидъ» (№ 166) статья г. Гильфердинга, подъ заглавіемъ: *Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу*. «Голосъ» (№ 176), «День» (№ 28).

Полемика нашихъ журналовъ и газетъ по польскому вопросу достигла самаго широкаго размѣра въ маѣ мѣсяцѣ. Въ журналѣ «Время» (№ 4) явилась статья подъ заглавіемъ: *Роковой Вопросъ*, встрѣченная рѣзкимъ отзывомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 109). Этотъ моментъ должно считать и поворотной точкой въ разработкѣ нашей журналистикой въ 1863 г. польскаго вопроса. Журналъ «Время» подвергся запрещенію. Отзывы многихъ петербургскихъ журналовъ и газетъ стали сдержаннѣе и дѣятель-

ность цензуры получила болѣе послѣдовательности и энергіи. По поводу статьи «Роковой Вопросъ» отзывался позднѣе «Русскій Вѣстникъ» (№ 5), доказывая, что мысль статьи «Роковой вопросъ» была неясно понята читателями и что, по этому, въ полемикѣ по столь популярнымъ и щекотливымъ предметамъ, какъ польскій мятежъ, должно избѣгать туманности, крайней отвлеченности и крайней восторженности.

По поводу назначенія въ Западный край генерала Муравьева первый отзывъ явился въ «Русскомъ Листѣ» (№ 20), за тѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 131). Къ этому же времени должно отнести статьи г. Кояловича въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Днѣ» о польскохъ и русскохъ элементѣ въ отношеніи къ Бѣлоруссіи и о такихъ мѣрахъ, какъ напримѣръ, вооруженіе народной стражи въ западныхъ губерніяхъ.

Въ «Русскомъ-же Инвалидѣ» въ это время явился, отысканный на одномъ изъ убитыхъ поляковъ, документъ, извѣстный подъ именемъ «Польскаго Катехизиса.»

Въ концѣ іюня мѣсяца начинается *полемика сравнивающая администрацію нашу въ Царствѣ Польскомъ съ администраціей въ Западномъ краѣ*, а эту послѣднюю съ администраціей въ юго-западныхъ губерніяхъ. Замѣчательно то, что первыя разсужденія о недостаткахъ нашей администраціи въ Царствѣ явились въ газетѣ «Голось» (№ 99), которая, какъ извѣстно, съ такимъ жаромъ поддерживала потомъ ту же самую систему администраціи, когда на недостатки ея стали указывать другія газеты. Газета «Голось» первая утверждала, что «прямая причина слабости нашей власти заключалась въ «шаткости» тогдашняго полицейскаго порядка въ Польшѣ, шаткости, происходившей «отъ смѣшенія двухъ равнородныхъ властей—военной и гражданской,» которыя въ своихъ взаим-

ныхъ отношеніяхъ «не поддерживали другъ друга, а ослабляли» и потому, продолжаетъ статья, необходимо «подчинить гражданскую власть военной.» Когда-же «Московскія Вѣдомости» (№№ 168, 183, 187 и 188) поддерживая то-же самое, что говорилось въ газетѣ «Голосъ», стали отдавать преимущество системѣ администраціи, принятой въ Западномъ краѣ, тогда «Голосъ» (№№ 220, 234 и особенно 241, гдѣ было напечатано извѣстное письмо *изъ Варшавы* отъ 30-го августа) сталъ превозносить ту же самую систему администраціи въ Царствѣ, о недостаткахъ которой самъ *прежде всѣхъ* заявилъ. Къ направленію статей «Голоса» присоединились «С.-Петербургскія Вѣдомости», къ направленію-же, такъ сказать, срединному между «Голосомъ» и «Московскими Вѣдомостями» обратилась газета «День» (№№ 34, 36 и 37). По случаю-же свѣдѣній о преступныхъ и варварскихъ дѣйствіяхъ мятежниковъ-убійцъ въ Варшавѣ, въ то самое время, какъ въ «Голосъ» (№ 241), въ упомянутомъ письмѣ *изъ Варшавы*, превозносились тамошняя администрація, — «Русскій Инвалидъ» (№ 204) напечаталъ извѣстную статью *Дѣло логики* и вслѣдъ затѣмъ (№ 210) отнесся съ сочувствіемъ о рѣшительныхъ мѣрахъ, принятыхъ графомъ Бергомъ.

Что-же касается до *полемики о нашей администраціи въ юго-западныхъ губерніяхъ*, то начатая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 177), продолжающаяся въ спорахъ между «Кіевскимъ Телеграфомъ» (Статья г. Юзефовича) и газетою «День» (№ 33), эта полемика прекратилась послѣ статьи г. бывшего Кіевского губернатора г. Гессе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 59) и возраженія на эту статью въ № 267 «Московскихъ Вѣдомостей.»

Мысли о реформѣ крестьянскаго быта въ Польшѣ составляли предметъ отзывовъ нашей прессы въ концѣ минувшаго года. Въ этомъ отношеніи замѣчательны статьи: въ «Русскомъ Ин-

валидѣ» (№ 254) статья г. Гильфердинга подъ заглавіемъ: *Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ*, подавшая поводъ къ оживленной полемикѣ. Въ газетѣ «День» (№ 38) руководящая статья о примѣненіи нашихъ «Положеній» къ крестьянамъ въ Польшѣ и статья г. Самарина подъ заглавіемъ: *Современный объемъ польскаго вопроса*. Въ той-же газетѣ (№ 44) статья по тому-же предмету. «Московскія Вѣдомости» (№ 228), разсуждая объ известной брошюрѣ г. Питкевича *Письмо польскаго патріота къ національному правительству въ Польшу*, замѣтили о вредѣ возведенія польскаго крестьянства на степень политическаго элемента. Газета «Голось» (№ 258).

Въ концѣ же 1863 года явились полныя одушевленія статьи по поводу опубликованія письма Государя Императора въ отвѣтъ на приглашеніе Наполеона III на конгрессъ. «Биржевыя Вѣдомости» (№ 415), «Московскія Вѣдомости» (№ 259) и почти всѣ газеты наши.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

Самоуправленіе.

Самоуправленіе было уже и прежде предметомъ разсужденій нашей журналистики. Предметъ этотъ съ точки зрѣнія общиннаго начала болѣе всего и съ особенной односторонностью развивали въ прежніе годы органы славянофиловъ, а въ минувшемъ году газета «День». Съ точки-же зрѣнія англійской конституціи понятіе о самоуправленіи разсматривалось по преимуществу въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ 1863 году официальные заявленія о предстоявшихъ Земскихъ Учрежденіяхъ и разрѣшеніе ввести на новыхъ началахъ устройство Общей Думы въ Москвѣ и Одессѣ подало поводъ многимъ

органамъ нашей прессы смѣшать учрежденія мѣстныя, коихъ цѣль болѣе экономическая, съ учрежденіемъ общимъ политическаго свойства. А какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ является представительное начало, то журналистика и затрогивала неоднократно вопросъ о возможности или невозможности у насъ политическаго представительства (*конституции*). По вопросу собственно о самоуправленіи можно указать на статьи, которыя напечатали «Московскія Вѣдомости» (№ 29) подъ заглавіемъ: *Наканунъ общей думы въ Москву*; «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 67)—о необходимости участія всѣхъ гражданъ въ общественномъ управленіи и «Русскій Листокъ» (№ 16)—*что такое административная централизація*.

Политическое представительство.

Что-же касается собственно до представительнаго начала въ смыслѣ политическомъ, то по этому предмету самая замѣчательная статья явилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 3) подъ заглавіемъ: *Что намъ дѣлать съ Польшей?* Утверждая, что Польша можетъ быть удержана Россіею посредствомъ дарованія общей системы политическаго представительства, статья эта разсуждаетъ о системѣ представительства, свойственной историко-органическому развитію Россіи. По поводу же статьи напечатанной въ *Journal de St.-Petersbourg* отъ 11 сентября, въ которой возражаютъ на заграничныя толки о про странствѣхъ приготовляемыхъ у насъ внутреннихъ преобразованій, «Московскія Вѣдомости» (№№ 200 и 214) разсуждали о степени зрѣлости русскаго общества и народа къ принятію политическаго представительства. Замѣчательна также статья г. Альбертини въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 12) *О зависимости умственнаго со-*

стоянія общества отъ характера государственныхъ учреждений.

О сепаратизмъ въ Финляндіи.

Нельзя не видѣть связи вышеупомянутыхъ статей «Journal de St.-Petersbourg» и «Московскихъ Вѣдомостей» съ разсужденіями по поводу ожиданія и наконецъ *открытія сейма въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ*, 3-го сентября минувшаго года. «Русскій Инвалидъ» (№ 198), «День» (№ 37) и почти всѣ наши газеты встрѣтили съ сочувствіемъ это событіе; а «Московскія Вѣдомости» (№ 196) выразили, кромѣ того, опасеніе насчетъ наклонности Финляндцевъ къ сепаратизму. На эту статью возразила газета «Голосъ» (№ 242) и «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 260). Но когда на сеймѣ были произнесены такія рѣчи, какъ гг. Фуругельма и Грандта, то «Московскія Вѣдомости» (№ 238), «Русскій Инвалидъ» (№ 264), «Вѣсть» (№ 17), и другія газеты съ новой силой возобновили полемику о сепаратистическихъ наклонностяхъ Финляндіи,—и въ это время дальнѣйшая полемика, могшая принять слишкомъ раздражительное свойство, была остановлена цензурою.

О Украинофильствѣ.

Но не за одну Финляндію въ смыслѣ сепаратизма опасались «Московскія Вѣдомости». Слухи о переводѣ Евангелія на малороссійскій языкъ, изданіе на томъ-же языкѣ въ С.-Петербурѣ дешевыхъ книжекъ для народнаго употребленія и наконецъ, смуты польскихъ мятежниковъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, подали поводъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» (№ 191) предполагать способность къ сепаратизму и въ малороссянахъ. Но въ «Современникѣ» (№ 9), въ журналѣ «Время» (№ 4) въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Отъ Петербурга до Екатеринослава* и въ газетѣ «Очерки» (№№ 48 и 50) въ статьѣ:

Еще украинское дѣло и его враги, на основаніи историческихъ данныхъ и фізіологическихъ условій характера малороссіянъ, отвергается рациональность опасеній «Московскихъ Вѣдомостей» относительно Малороссіи.

ФИНАНСОВЫЕ ВОПРОСЫ.

Еще въ январѣ мѣсяцѣ 1863 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 18) въ статьѣ г. Скуратова—*О необходимости немедленнаго устройства желѣзныхъ дорогъ къ Черноморскимъ портамъ*, доказывалось, между прочимъ, что внѣшній заемъ, для поддержанія вексельнаго курса и приведеніе къ нормѣ кредитнаго рубля суть средства, недостаточныя для улучшенія нашего финансоваго положенія. Когда же, въ маѣ мѣсяцѣ явилось объявленіе Государственного Банка, что къ 1-му января 1864 г. цѣна звонкой монеты дойдетъ до своего нормальнаго состоянія, то «Московскія Вѣдомости» (№ 111) выразили увѣренность въ совершенной невозможности подобной операціи со стороны Банка. Но та-же самая газета (№ 175) признала рациональною мѣру, принятую Банкомъ въ началѣ августа о прекращеніи выдачи изъ размѣнной кассы золота, преимущественно требовавшагося для вывоза за границу. Кризисъ, происшедшій на С.-Петербургской биржѣ 1-го ноября, былъ обсуждаемъ почти во всѣхъ газетахъ, а именно: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 240 и 244), въ «Голосѣ» (№ 300), въ «Акціонерѣ» (№№ 44 и 45). Особенно выдавалась статья «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 401) объяснявшая, «что для публики видно и чего ей невидно,» въ происшедшемъ кризисѣ? На эту статью возразила газета «Вѣсть» (№ 15). «Московскія же Вѣдомости» постоянно развивали мысль о необходимости у насъ внутренняго займа.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ.

Самыми крупными явленіями въ журналистикѣ нашей въ 1863 году по предмету статей экономического свойства были сужденія, по поводу опубликованной въ августѣ мѣсяцѣ «концессіи» на линію желѣзной дороги отъ Москвы до Севастополя, предпринятую англійскою компанією. Въ этомъ отношеніи можно указать на статью газеты «Голосъ» (№ 210), возражающую «Московскимъ Вѣдомостямъ», которая признавала болѣе полезнымъ соединить посредствомъ желѣзной дороги Москву съ Кіевомъ. О концессіи разсуждала и газета «Акціонеръ» (№ 32).

Должно упомянуть также о статьяхъ «Акціонера» (№ 16) и «Голоса» (№ 198), въ которыхъ доказывалась необходимость учрежденія у насъ особаго Министерства торговли и промышленности.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ.

Говоря о разработкѣ въ минувшемъ году нашею прессой вопросовъ, инициатива коихъ принадлежитъ жизни общественной, должно замѣтить, что разработка эта шла въ виду приготовлявшагося положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ и новаго устройства городского управленія, т. е. въ виду дѣйствій самого Правительства, которыми оно призывало къ новой широкой дѣятельности нашу общественную среду. Съ другой стороны польскій мятежъ, возбуждая преимущественно патріотическое настроеніе и чувство національнаго достоинства въ нашемъ обществѣ, привелъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя дали справедливое основаніе упоминать о *русскомъ общественномъ мнѣніи* даже въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ съ западною Европой. Эти многозначительные факты не могли не имѣть весьма сильнаго и утѣшительнаго вліянія на успѣшное развитіе въ минувшемъ году нравственныхъ и гражданскихъ элементовъ въ русскомъ народѣ. Теорети-

ческія утопіи минувшаго поблѣднѣли и уступили свое мѣсто наклонностямъ къ полезной практической сторонѣ жизни. Только въ журналѣ «Современникъ» (№№ 2, 3 и 5) явилось произведеніе достойное минувшаго времени, когда всѣ слои нашего общества могли еще безъ презрѣнія, съ дѣтскимъ легкомысліемъ относиться къ мечтаніямъ разстроеннаго воображенія. Это произведеніе есть романъ г. Чернышевскаго подъ заглавіемъ: *Что дѣлать?* Авторъ этого романа стремится доказать необходимость эманципации женщины отъ всѣхъ условий и обязанностей, связанныхъ въ понятіяхъ нашихъ съ идеей о бракѣ. Къ сожалѣнію должно сказать, что этотъ романъ г. Чернышевскаго встрѣтилъ себѣ сочувствіе въ полуобразованной, легкомысленной, но довольно значительной части читателей. Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвелъ, напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ» романъ г. Писемскаго подъ заглавіемъ *Взбаломученное море*. Изобразивъ въ наглядныхъ очеркахъ всѣ сколько нибудь интересныя или замѣчательныя проявленія нашей общественной жизни, начиная съ сороковыхъ годовъ и до нашего времени, романъ г. Писемскаго собралъ воедино, еще недавно имѣвшія въ иныхъ кружкахъ обращеніе, разныя теоріи и утопіи, для того, чтобы, показавъ всю ихъ несостоятельность, отвергнуть ихъ въ область невозвратно-прошедшаго. Начиная отъ дѣтскаго увлеченія акціонерной дѣятельностью, до появленія преступныхъ прокламаций и подметныхъ листовъ, все заклеимлено въ романѣ г. Писемскаго беспощадной сатирой. Не смотря на очень значительную дозу цинизма, это произведеніе въ 1863 году было полезно, какъ соціальная исповѣдь на рубежѣ минувшей и предстоящей общественной дѣятельности. Что касается до отзывовъ нашей прессы въ 1863 году, относящихся къ общественной жизни, должно упомянуть еще о значительномъ количествѣ руководящихъ статей газеты «День», въ которыхъ этотъ органъ нашей журналистики постоянно преслѣ-

довалъ «пассивность» русскаго общества, его инерцію и предоставленіе имъ исключительно правительственной дѣятельности заботъ о нашемъ социальномъ развитіи. На эти статьи «Дня» явились рѣзкія возраженія въ журналѣ «Современникъ» (№ 10) въ статьѣ: *Premiers-Moscou газеты «День»* и въ «Библіотекѣ для чтенія» (№ 5). Гораздо болѣе упомянутыхъ статей «Дня» принесли пользу въ дѣлѣ общественнаго развитія весьма многія руководящія статьи, явившіяся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Что касается до отзывовъ періодической литературы нашей по тѣмъ вопросамъ, которые возникли уже прежде 1863 г., то объемъ настоящаго Обзорія принуждаетъ ограничиться простымъ указаніемъ на болѣе замѣчательныя статьи, не вдаваясь въ анализъ оныхъ.

1. По вопросу крестьянскому и дворянскому.

«Современникъ» (№№ 1 и 2) *Великъ Богъ земли русской* (очерки введенія въ практику манифеста 19 февраля) статья Якушкина.

«Отечественныя записки» (№ 1) въ отдѣлѣ «Современной хроники» разсужденія о должности мирового посредника, какъ лучшимъ отрезвляющимъ средствѣ для увлекающейся молодежи.

По поводу годовщины 19 февраля статьи въ газетѣ «День» (№ 7) О средствахъ къ облегченію участи дворовыхъ людей; въ газетахъ: «Голосъ» (№ 43), «Сынъ Отечества» (№ 43); «Наше Время» (№ 37) и во многихъ другихъ. Почти во всѣхъ газетахъ были статьи по поводу сокращенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ числа мировыхъ посредниковъ. По случаю дворянскихъ выборовъ въ С.-Петербургѣ и въ другихъ губерніяхъ были статьи, разсуждавшія о значеніи у насъ

дворянскаго сословія: въ «Русскомъ Листкѣ» (№ 10), въ «Голосѣ» (№№ 56 и 59). Замѣчательна была также статья въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 4) подъ заглавіемъ: *Кіевскія волненія въ 1855 г.*

2. По вопросу о преобразованіи у насъ судебной части.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 34) статья подъ заглавіемъ: *Будущее мировыхъ судей*. Въ «Русскомъ Листкѣ» (№ 8)—*Толки о мировыхъ судьяхъ* (№ 2) и *О судѣ присяжныхъ*. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 1—3) статья г. Спасовича: *Судебная реформа*. Въ «Современномъ Словѣ» (№ 38) статья—*О значеніи живаго слова въ виду совершающихся реформъ по судебной части*. Въ слѣдствіе указа объ отмініи наказаній, послѣдовавшаго 17 апрѣля, были отзывы въ газетѣ «Голосъ» (№№ 92 и 108), въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 85), въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 92), въ газетѣ «День» (№ 17) и почти во всѣхъ другихъ. Замѣчательна также статья г. Спасовича въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 4)—*Вопросъ о смертной казни*.

3. По вопросу о Земскихъ Учрежденіяхъ.

Въ виду приготовительныхъ работъ по предмету Земскихъ Учрежденій въ 1863 г., въ журналистикѣ было немного статей по этому предмету, но нѣкоторыя изъ нихъ достойны серіознаго вниманія. Послѣ замѣчательныхъ руководящихъ статей въ «Сѣверной Почтѣ» (№№ 138, 140, 141, 142) должно указать на статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 138, 140 и 143). Въ газетѣ «День» (№№ 29 и 30) статья г. Самарина. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№№ 182 и 184) и наконецъ нѣсколько статей въ газетѣ «Вѣсть» (№ 7).

4. По вопросу объ улучшеніи быта нашего бѣлаго духовенства.

Вопросъ этотъ обсуждался въ нашей свѣтской и духовной журналистикѣ въ минувшемъ году очень дѣятельно. Въ журналѣ «Православное Обозрѣніе» посвященъ этому предмету специальный отдѣлъ. Отзѣвы нашей прессы особенно оживились со времени опубликованія Извлеченія изъ, составленной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Записки по предмету изысканія способовъ для улучшенія матеріальнаго быта духовенства. Объ этой Запискѣ отозвался съ сочувствіемъ журналъ «Православное Обозрѣніе» (№ 9). Замѣчательны также статьи по вопросу о духовенствѣ: въ газетѣ «Наше Время» (№ 35), гдѣ выражено сомнѣніе въ успѣшномъ ходѣ реформы; въ журналѣ «Время» (№ 1) и въ газетѣ «День» (№ 8) указаніе на нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта духовенства. Въ той же газетѣ (№ 4) и въ «Православномъ Обозрѣніи» (№ 1) о порядкѣ веденія дѣлъ въ новоучрежденномъ Присутствіи. Статьи эти отдають предпочтеніе системѣ созванія выборныхъ отъ приходскаго духовенства. На это возражала «Современная Лѣтопись» (№ 9), предпочитая путь обсужденія вопросовъ посредствомъ прессы. Въ газетѣ «Голосъ» (№ 178) указываются причины бѣдности духовенства. Замѣчательна статья г. Хвостова въ «Православномъ Обозрѣніи» (№ 10) подъ заглавіемъ *Одна изъ мѣръ къ улучшенію быта православнаго духовенства*. Должно обратить вниманіе на статьи «Дня» — *О проповѣдяхъ и объ отношеніяхъ между духовенствомъ и его начальниками*, соч. г. Никитинскаго.

5. По вопросу о расколѣ.

Въ 1863 г. было болѣе чѣмъ въ прежніе годы, въ періодической литературѣ нашей, статей по предмету раскола. Самыя замѣчательныя изъ статей этого рода явились въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и

въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Отзѣвы повременныхъ изданій о раскольникахъ стали особенно замѣтны со времени представленія старообрядцами Государю Императору всеподданнѣйшихъ адресовъ. Достойныя вниманія статьи были: Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 4 и 5) статья г. Мельникова—*Старообрядческіе архіереи*. Тамъ-же (№№ 5 и 7)—*Современныя движенія въ расколѣ*. Въ «Современной Лѣтописи» (№ 33)—статья г. Ерилова—*Гражданскія думы старообрядца-безпоповца*; въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 228)—0 статья г. Ерилова.—Тамъ-же (№ 78)—*Голосъ старообрядца-безпоповца къ старообрядцамъ всѣхъ сословій, обитающихъ въ Россіи*. Въ «Русскомъ Иезуидѣ» (№ 92)—Разсужденія по поводу всеподданнѣйшаго адреса раскольниковъ-безпоповцевъ.—Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 250)—0 поступкъ раскольника Ивана Заморина.

6. Отзѣвы относительно дѣятельности по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ этомъ отношеніи замѣчательна полемика продолжавшаяся почти непрерывно въ 1863 г. между «Современной Лѣтописью» и г. Вороновымъ, статьи котораго помѣщаются были преимущественно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Предметъ этой полемики касательно *Проекта устава народныхъ училищъ*, а также о классическомъ и реальномъ методѣ образованія весьма ясно изложенъ въ журналѣ «Современникъ» (№ 9) въ статьѣ: *Классическія или реальныя гимназіи?* Въ «Современной Лѣтописи» (№ 18) достойна вниманія статья подъ заглавіемъ: *Замѣчанія иностранныхъ ученыхъ на проекты уставовъ нашихъ учебныхъ заведеній*, равно какъ руководящая статья въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 117). Весьма

интересна въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 6) статья г. Щербины *О народной грамотности и распространеніи просвѣщенія въ народѣ*. Въ концѣ же ноября, по случаю составленія новыхъ правилъ для студентовъ С.-Петербургскаго университета, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 243) явилась статья, доказывавшая несостоятельность этихъ правилъ на томъ основаніи, что они не допускаютъ студентческихъ читаленъ, кассъ и тому подобныхъ учреждений, способствовавшихъ въ свое время сходкамъ и беспорядкамъ въ университетѣ. «Сынъ Отечества» (№ 265), какъ-бы возражая на эту статью, въ сущности поддерживалъ основательность ея замѣчаній. Это вызвало опроверженія въ «Сѣверной Почтѣ» (№ 246) и возраженія въ газетѣ «Вѣсть» (№ 15). Въ заключеніе должно упомянуть о помѣщенныхъ въ газетѣ «Голосъ» (№№ 317, 318 и 319) письмахъ г. Парогова подъ заглавіемъ: *Изъ Гейдельберга*.

7. По вопросу о преобразованіи цензуры.

Разработка этого вопроса въ 1863 году въ правительственной средѣ болѣе отразилась въ практической цензурной дѣятельности, нежели въ журнальныхъ разсужденіяхъ. При томъ-же пока официальные труды по этому предмету еще не были доступны для всеобщаго свѣдѣнія, то и повременныя изданія не могли представить чего-либо цѣльнаго и разносторонняго въ своихъ отзывахъ. Впрочемъ должно упомянуть о статьяхъ: Въ «Русскомъ Словѣ» (№ 6)—О новомъ законоположеніи о печати. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 1) статья г. К. Арсеньева—*О лицахъ, отвѣтствующихъ передъ судомъ за преступленія, совершаемыя печатнымъ словомъ* и въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 61) статья—*Цензурныя постановленія въ Австріи*.

8. По вопросу о военных преобразованіяхъ.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 30) статья подъ заглавіемъ: *Черты нравовъ*. Въ газетѣ «Голосъ» (№ 310) корреспонденція изъ Варшавы о духѣ нашихъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ «Военномъ Сборникѣ» (№ 1) статья г. Богдановича— *О средствахъ къ распространенію просвѣщенія въ арміи*. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 200) По поводу новаго «Положенія» объ охраненіи воинской дисциплины. Въ журналѣ «Время» (№ 3) статья: *Нуженъ-ли флотъ Россіи*, и относительно нашего-же флота статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 118) и въ газетѣ «Голосъ» (№ 143).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ вышеизложеннаго очерка направленія въ 1863 г. періодической литературы нашей вообще, замѣчательнѣйшихъ періодическихъ изданій въ особенности и отзывовъ сихъ послѣднихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ,—видно, что:

1. По общему направленію своему въ 1863 году періодическая литература наша можетъ быть раздѣлена на двѣ категоріи, соприкасавшіяся между собою и крайними точками которыхъ были съ одной стороны журналъ «Современникъ», а съ другой,—«Московскія Вѣдомости».

2. На долю цензурной дѣятельности въ С.-Петербургѣ пришлось постоянное наблюденіе за цѣлой массой газетъ и журналовъ, болѣе близкихъ по направленію ихъ къ характеру «Современника». Въ Москвѣ же главное вниманіе цензуры должно было сосредоточиваться преимущественно на статьяхъ газеты «День» и затѣмъ на нѣкоторыхъ

сторонахъ въ направленіи періодическихъ изданій гг. Каткова и Леонтьева.

3. Направление этихъ послѣднихъ изданій, какъ соотвѣтствовавшее мѣропріятіямъ Правительства, стремленіямъ консервативной среды нашего общества, патріотическому настроенію массъ и условіямъ серьезнаго публицизма,—дозволяло примѣнять къ нимъ предупредительную дѣятельность цензуры съ меньшей требовательностью, чѣмъ къ другимъ періодическимъ изданіямъ, въ особенности же къ тѣмъ, коихъ нагляднѣйшимъ выраженіемъ можетъ служить направление журнала «Современникъ» въ 1862 г. и въ началѣ 1863 года.

4. Въ слѣдствіе дѣятельности цензуры въ связи съ практически ми результатами, принесенными обширными преобразованіями нынѣшняго царствованія, въ періодической литературѣ нашей за 1863 г. замѣтно значительное уменьшеніе и даже отсутствіе въ серьезныхъ современныхъ изданіяхъ статей, такъ называемаго, обличительнаго свойства и изъ понятія о гласности исключается прежнее раздражительное и оскорбительное направленіе.

5. Листки и сборники предназначаемые для дешевой уличной продажи не были допускаемы, коль скоро въ содержаніи ихъ заключалось что-либо соблазнительное, или вообще предосудительное, въ какомъ-бы то ни было отношеніи и

6. Допуская самыя противоположныя направленія высказываться до извѣстной степени,—цензура зорко наблюдала за періодическими изданіями, немедленно останавливая все, что выходитъ изъ круга правительственной, общественной и нравственной терпимости и потому, хотя картина направленія періодической литературы нашей въ 1863 году была очень разнообразна, но общій характеръ ея оказывается совершенно удовлетворительнымъ.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ОТЧЕТА О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СОВѢТА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ЗА 1864 ГОДЪ.

Кругъ дѣятельности Совѣта по дѣламъ книгопечатанія, опредѣленный г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, оставался безъ измѣненія и въ 1864 году. По связи дѣлъ общей цензуры съ нѣкоторыми вопросами цензуры иностранной, Предсѣдателю С.-Петербургскаго Комитета Цензуры Иностранной предоставлено было, съ Высочайшаго соизволенія, присутствовать въ Совѣтѣ на правахъ Члена; кромѣ сего, въ томъ-же году, не произошло никакихъ перемѣнъ и въ личномъ составѣ Совѣта.

Въ теченіе 1864 года Совѣтъ имѣлъ 23 засѣданія. — На его обсужденіе поступило 626 отзывовъ членовъ и чиновниковъ особыхъ порученій по дѣламъ книгопечатанія.

По рассмотрѣніи означенныхъ отзывовъ, относившихся къ наблюденію за періодическою прессою, за исключеніемъ 30, касавшихся другихъ предметовъ, Совѣтъ обратилъ особенное вниманіе на 104 статьи, помѣщенные въ разныхъ поврежденныхъ изданіяхъ. По постановленіямъ Совѣта, утвержденнымъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и Управлявшимъ Министерствомъ, вслѣдствіе обнаруженнаго въ этихъ статьяхъ нарушенія цензурныхъ правилъ, сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

1) объявлены: выговоръ 1 цензору, и замѣчанія 2 цензорамъ;

2) сдѣланы указанія къ руководству: Московскому Цензурному Комитету—6 разъ, и С.-Петербургскому—4;

3) сообщено, для зависящаго распоряженія: Военному Министру, Главнымъ Начальникамъ: С.-Петербургской губерніи, прибалтійскаго края и юго-западнаго края, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Предсѣдателю Академіи Наукъ и пяти Начальникамъ губерній (по нарушенію цензурныхъ правилъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ) всего по 13 случаямъ,

4) сдѣланы два циркулярныхъ указанія Начальникамъ губерній: а) о недозволеніи полемики въ губернскихъ вѣдомостяхъ и б) объ однообразіи цензурныхъ подписей на тѣхъ же вѣдомостяхъ.

Въ общемъ выводѣ, вызванныя несоблюденіемъ цензурныхъ правилъ распоряженія группируются слѣдующимъ образомъ: всѣхъ замѣчаній, имѣвшихъ послѣдствіемъ принятіе какихъ-либо мѣръ, было 25, въ томъ числѣ: 7 относились къ правительственнымъ изданіямъ (1—къ Русскому Инвалиду и 6 къ Губернскимъ Вѣдомостямъ), 5—къ Прибалтійскимъ, и 13 къ прочимъ частнымъ и арендуемымъ у правительственныхъ учрежденій изданіямъ (Развлеченіе—4, Голосъ и Библіотека для чтенія по 2, остальные—по 1 замѣчанію). Въ означенномъ перечнѣ замѣчаній не заключаются тѣ изъ нихъ, которыя были сдѣланы по непосредственному распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Кромѣ того, для разслѣдованія на мѣстѣ и принятія соотвѣствующихъ мѣръ къ пресѣченію заявляемыхъ въ періодической прессѣ злоупотребленій или допускаемыхъ мѣстною администраціею безпорядковъ, сообщено было въ подлежащіе Департаменты Министерства о 26 случаяхъ.

Въ теченіе минувшаго года, на разсмотрѣніе Совѣта было представлено 50 статей—отчасти Комитетами, по причинѣ встрѣченныхъ

ими сомнѣній, отчасти редакторами поврежденныхъ изданій, вслѣдствіе запрещенія этихъ статей къ напечатанію мѣстными Комитетами. Изъ этого числа 24 статьи были Совѣтомъ дозволены или исполнѣны, или съ нѣкоторыми исключеніями, а 26 запрещены.

Вообще же, въ виду близкаго преобразованія Цензурнаго Управленія, Совѣту предстояло въ 1864 году заведываніе лишь текущими предметами по дѣламъ печати; возникавшіе за тѣмъ нѣкоторые общіе вопросы: какъ напр. о передачѣ въ публичную библіотеку хранящихся въ Комитетѣ Цензуры Иностранной книгъ, не востребованныхъ обратно книгопродавцами и пассажирами; объ установленіи штрафовъ за неправильную доставку издателями экземпляровъ ихъ изданій въ Министерство, объ усиленіи средствъ Одесскаго Цензурнаго Комитета и т. п., были или вовсе отклоняемы, или разрѣшаемы, въ случаѣ настоятельной необходимости, посредствомъ принятія лишь частныхъ и временныхъ мѣръ.

Сравнивая результаты дѣятельности Совѣта съ соотвѣтствующими данными за предшествующій годъ, нельзя не вывести заключенія, что направленіе поврежденной прессы въ 1864 г. представляетъ нѣкоторыя новыя, благопріятныя черты.—Хотя ежедневныя и еженедѣльные изданія по прежнему преобладали надъ ежемѣсячными и специально-учеными, но въ 1864 году изданія сатирическія, сдѣлавшись гораздо блѣднѣе по своему содержанію, имѣли менѣе значенія въ глазахъ читающей публики, а посему и не производили того раздражающаго впечатлѣнія, которымъ они отличались до того времени. Духъ всеобщаго обличенія, страсть къ исключительному отысканію злоупотребленій въ частной, общественной и правительственной сферахъ утратили въ значительной степени свое обаяніе. Одновременно съ тѣмъ и система отрицанія, находившая свое крайнее выраженіе въ литературномъ нигилизмѣ, перестала составлять

приманку въ изданіяхъ, посвященныхъ публицистикѣ. Журналы такъ называемой нигилистической школы столь мало въ 1864 году пользовались сочувствіемъ, что, для поддержанія интереса къ своимъ изданіямъ въ читающей публикѣ, нерѣдко помѣщали на своихъ страницахъ беллетристическія произведенія, діаметрально противорѣчившія признанному редакціей знамени. Даже политическій либерализмъ часто прикрывался умѣренностью и приличіемъ, чуждыми прессѣ въ 1863 г. Такой видимый и рѣшительный, хотя далеко еще неокончательный переворотъ былъ послѣдствіемъ не одной бдительности цензурныхъ учрежденій. Достоинно особеннаго вниманія то обстоятельство, что не только случаи нарушенія цензурныхъ правилъ въ 1864 году были сравнительно рѣже, но что и самая борьба редакцій съ цензурою, ихъ притязательность и настойчивость были теперь гораздо слабѣе.—Причину сего должно искать въ томъ послѣдовательномъ отрезвленіи общественнаго мнѣнія, признаки котораго были замѣтны уже въ 1863 году. Наряду съ этимъ должно отдать дань и вліянію событій. Пораженіе польской революціи не только послужило успокоеніемъ національному суевѣству, но и было ударомъ для ультралиберальныхъ, социалистическихъ тенденцій нѣкоторой части нашей литературы. Политическія утопіи сдѣлались или смѣшны, или отвратительны, пройдя чрезъ практику народоваго жонда. Съ другой стороны вражда иностранной прессы къ Россіи не ослабляла патріотическаго настроенія отечественной прессы, а нападки заграничной прессы на наши внутреннія преобразованія возбуждали въ журналистикѣ желаніе отстаивать эти преобразованія съ похвальною ревностью.

Обращая, какъ и прежде, наиболѣе вниманія на вопросы внутренней политики, наша журналистика во второе полугодіе *отчетнаго* года занималась предпочтительно разработкою вопросовъ о *Восточныхъ*

Учрежденіяхъ, классическомъ образованіи, внутреннемъ займѣ, а также о направленіи южной желѣзной дороги, и, не мало содѣйствуя къ разъясненію этихъ вопросовъ, выказала, съ немногими исключеніями, замѣчательную сдержанность въ тонѣ.—Полемика о племенномъ антагонизмѣ съ прибалтійскою прессою не имѣла прежней рѣзкости, и только брошюра Шедо-Ферроти подала Московскимъ Вѣдомостямъ, не смотря на всю ихъ патріотическую ревность, поводъ къ нѣкоторымъ, достойнымъ сожалѣнія, уклоненіямъ отъ соблюденія цензурныхъ правилъ. Вообще-же, наибольшее раздраженіе выразилось, въ этомъ году, въ борьбѣ той же газеты съ петербургскими повременными изданіями, какъ по поводу означенной брошюры Шедо-Ферроти, такъ и по вопросамъ о классическомъ образованіи и направленіи желѣзныхъ дорогъ. Одна газета «День» не измѣнила въ 1864 году своихъ пріемовъ; но почти всѣ ея энергическіе возгласы о народности, либерализмѣ и вредѣ бюрократіи не находили вовсе отголоска въ остальной прессѣ.

Что касается до правительственныхъ изданій, то и здѣсь въ 1864 году замѣтно было болѣе строгое соблюденіе указанныхъ программами оныхъ границъ, чѣмъ въ 1863 году; исключеніе составляли губернскія вѣдомости, не смотря на сдѣланныя относительно ихъ въ 1863 году циркулярныя распоряженія о строгомъ соблюденіи въ этихъ изданіяхъ предписанныхъ закономъ правилъ.—Уклоненія губернскихъ вѣдомостей нерѣдко были обнаруживаемы даже частными періодическими изданіями. Сообщаемыя Губернаторамъ замѣчанія Совѣта о неудовлетворительномъ направленіи губернскихъ вѣдомостей по разнымъ отдѣльнымъ случаямъ не всегда приносили желаемую пользу, вслѣдствіе чего оказалась необходимость въ новыхъ общихъ указаніяхъ Начальникамъ губерній; дальнѣйшія подробности по сему предмету относятся уже къ 1865 году.

При семъ прилагается Записка о направленіи главныхъ поврежденных изданій, составленная на основаніи отзывовъ членовъ Совета и чиновниковъ особыхъ порученій по дѣламъ книгопечатанія.

Въ заключеніе необходимо объяснить, что замѣченное въ 1864 году благопріятное вообще направленіе поврежденной прессы въ значительной степени обусловливалось ожиданіемъ новыхъ законоположеній по дѣламъ печати; увѣренность въ скоромъ появленіи ихъ сдерживала то раздраженіе, которое обнаруживалось въ періодическихъ изданіяхъ, подчиненныхъ предварительной цензурѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ОТЧЕТУ СОВѢТА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧА- ТАНІЯ ЗА 1864 ГОДЪ.

Предлагаемый отчетъ о направленіи главныхъ періодическихъ изданій распредѣляется, согласно принятому въ отчетѣ за предъидущій годъ порядку, на слѣдующія рубрики:

I. Частныя и правительственныя изданія съ политическимъ и литературнымъ отдѣлами.

II. Изданія сатирическія.

III. Изданія педагогическія.

IV. Изданія духовныя (частныя и епархіальныя).

V. Изданія спеціальныя и ученыхъ обществъ.

VI. Губернскія Вѣдомости и прочія правительственныя изданія.

I. Частныя и правительственныя изданія съ политическимъ и литературнымъ отдѣлами.

Эта группа повременныхъ изданій, самая важная и наиболѣе многочисленная, раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: А.—Изданія ежедневныя, Б.—Изданія недѣльныя, В.—Изданія ежемѣсячныя и Г.—Особый отдѣлъ острейскихъ изданій.

А. ИЗДАНІЯ ЕЖЕДНЕВНЫЯ.

Ежедневныя газеты въ 1864 году представляли, въ сравненіи съ 1863 годомъ, новую, замѣчательную черту. Хотя каждое изда-

не сохраняло свое прежнее направленіе, изъ за котораго нерѣдко вело ожесточенную борьбу съ журналами противоположныхъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе, по весьма многимъ крупнымъ вопросамъ, выразилось замѣчательное сходство въ воззрѣніяхъ всѣхъ газетъ. По этой причинѣ, въ настоящемъ отчетѣ оказывается необходимымъ предпослать характеристикѣ отдѣльныхъ изданій краткій очеркъ общаго имъ всѣмъ содержанія.

Изъ числа внѣшнихъ событій преимущественно разрабатывался Шлезвиг-Гольштинскій вопросъ, обсуждавшійся въ русскихъ газетахъ съ точки зрѣнія датскихъ интересовъ. Только *St.-Petersburger Zeitung*—отстаивала интересы Германіи.

Пренія во Французскомъ законодательномъ корпусѣ по вопросамъ о Польшѣ, о развитіи личной свободы и о свободѣ прессы вызвали энергическія передовыя статьи въ нашихъ газетахъ. Тьеръ явился героемъ возникающей борьбы за прогрессъ и былъ радостно приветствуемъ въ Петербургской прессѣ, но потерпѣлъ поражение, какъ отжившій риторъ, на столбцахъ Московскихъ Вѣдомостей. Возраженія, сдѣланныя въ законодательномъ корпусѣ защитникамъ Польши, вызвали сочувствіе во всѣхъ органахъ нашей прессы.

Статьи Воловскаго, напечатанныя въ *Revue des deux Mondes* и имѣвшія цѣлю доказать «безнадежность» русской финансовой системы, были разоблачены перомъ одесскаго банкира Рафаловича и окончательно опровергнуты ѣдкимъ, но спокойнымъ возраженіемъ профессора Бунге.

Судъ надъ Итальянскими заговорщиками въ Парижѣ переданъ былъ русской публикѣ со всею полнотою: не оставлено безъ вниманія и подозрѣніе, павшее на агентовъ французскаго правительства, не упущены изъ виду и сужденія англійской газеты *Times* о

безполезности и вредѣ таинственнаго наблюденія за виновными вмѣсто быстрого и открытаго полицейскаго образа дѣйствій.

Превія Англійскаго парламента, нападки оппозиціи противъ Министрства Пальмерстона и Росселя подробно были переданы въ русской прессѣ. Не менѣе мѣста заняли въ ней: пріемъ Гарибальди въ Англіи, непріязненная противъ Россіи рѣчь Папы, сужденія заграничной прессы о смертной казни, свиданіе государей и Франко-Итальянская конвенція 15 сентября.

Изъ внутреннихъ событій «Положеніе 1 января 1864 года о Земскихъ Учрежденіяхъ» было сочувственно встрѣчено почти всѣми органами прессы, хотя при подробномъ разборѣ этого Положенія каждая газета высказалась сообразно съ своимъ господствующимъ направленіемъ.

Рекрутскій наборъ, бывшій въ *отчетномъ* году, подвергнутъ былъ многостороннему историческому изслѣдованію. Допущенныя въ послѣднее время въ правилахъ объ ономъ измѣненія возбудили всеобщее сочувствіе.

Указы объ освобожденіи польскихъ крестьянъ вызвали во всѣхъ газетахъ статьи самаго одобрительнаго свойства, равно какъ указы о народномъ обученіи и, даже въ большей мѣрѣ, объ упраздненіи въ Царствѣ католическихъ монастырей.

Высочайшее повелѣніе 23 марта о льготахъ, личныхъ преимуществъ и денежныхъ ссудахъ для покупки имѣній въ 9 западныхъ губерніяхъ и уставъ о прессѣ въ Финляндіи были предметомъ обширныхъ и разнообразныхъ статей.

Окончаніе кавказской войны провозглашено было во всѣхъ газетахъ какъ событіе, обильное самыми полезными послѣдствіями, и вызвало многочисленныя описанія этой вѣковой борьбы.

Гласное судопроизводство и внутренний заемъ обсуждались преимущественно со стороны благотѣтельнаго ихъ вліянія на будущность Россіи.

Прочія капиталныя событія минувшаго года вызвали въ разныхъ органахъ ежедневной прессы, какъ и въ 1863 году, самыя разнообразныя сужденія.

а) *Изданія правительственныя.*

Въ этой категоріи слѣдуетъ упомянуть лишь о Русскомъ Инвалидѣ, отличавшемся значительно отъ прочихъ двухъ ежедневныхъ правительственныхъ газетъ: «Journal de St.-Petersbourg» и «Сѣверной Почты». Эти двѣ послѣднія газеты служили точнымъ выраженіемъ взглядовъ тѣхъ вѣдомствъ, отъ которыхъ они издавались, а именно: Journal de St.-Petersbourg—Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—по вопросамъ иностранной политики, а Сѣверная Почта—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—по вопросамъ внутреннего управленія, входящимъ въ кругъ дѣятельности сего Министерства. Въ отношеніи же къ прочимъ сферамъ, обсуждавшимся въ повременной прессѣ, эти двѣ газеты передавали свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, безъ всякаго предвзятаго направленія или противорѣчія видамъ прочихъ вѣдомствъ. Русскій же Инвалидъ въ 1864 году, подобно какъ и въ предыдущемъ, будучи органомъ Военнаго Министерства по военной части, въ неофициальномъ отдѣлѣ не придерживался подобной безцвѣтности и впадалъ часто въ тонъ частнаго изданія.

Эта газета посвятила не мало статей оцѣнкѣ новыхъ правительственныхъ мѣръ касательно крестьянской реформы, училищной и монастырской въ Царствѣ Польскомъ. Въ семъ отношеніи военная газета имѣла почти значеніе прямого въ Россіи органа преобра-

звательныхъ тенденцій нашего правительства по части Царства Польскаго.

Въ Положеніи 1 января о Земскихъ Учрежденіяхъ Русскій Инвалидъ замѣтилъ преобладаніе землевладѣльческаго элемента и выражалъ надежду, что въ губернскихъ собраніяхъ будетъ болѣе равновѣсія между сословіями. Военная газета обращала вниманіе читателей между прочимъ на то, что земство устранено отъ вѣдѣнія значительной части земскихъ доходовъ и капиталовъ, чрезъ что оно лишилось 21.226.000 руб., и при этомъ проводила мысль, что болѣе важнаго, болѣе обширнаго служенія интересамъ и государства, и земства должно ожидать отъ новыхъ учреждений со временемъ. Въ своихъ пожеланіяхъ новымъ земскимъ собраніямъ газета объясняла, что учрежденія эти должны впослѣдствіи сохранять свою самостоятельность, а не обращаться въ одну изъ исполнительныхъ инстанцій администраціи.

Проектъ Главнаго Управленія путей сообщенія о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи подвергся критической оцѣнкѣ со стороны стратегической, политической и экономической.

По вопросу о сокращеніи мировыхъ посредниковъ газета настойчиво доказывала, что этою мѣрою нужно бы пріостановиться, что она не можетъ оказать прямого и рѣшительнаго вліянія на сокращеніе расходовъ, между тѣмъ какъ неудобство отъ слишкомъ большихъ участковъ даетъ себя сейчасъ же чувствовать; къ этому газета прибавляла, что въ положеніи 19 февраля ничего нѣтъ объ отрѣшеніи мировыхъ посредниковъ иначе, какъ высшею властію, и въ строго опредѣленныхъ случаяхъ».

Вообще, изъятая отъ общей цензуры, военная газета не была разборчива въ своихъ сообщеніяхъ русской публикѣ. Рѣчи самыхъ рѣшительныхъ нашихъ противниковъ во Французскомъ Законодатель-

номъ Корпусъ—гг. Пельтана и Жюля—Фавра—переданы были съ возмутительными для русской публики подробностями, пятнающими грязью и историческія событія, и историческихъ дѣателей нашего отечества. Здѣсь же появилась рѣчь революціонера изъ «Новой прусской газеты», объясняющая, что герцога аугустенбургскій—необходимое зло въ наше время; что при всеобщемъ движеніи нѣмецкаго народа противъ своихъ государей, «онъ послѣдуетъ общему пути, что онъ не болѣе какъ мостъ, ведущій къ осуществленію правъ народа». Эта же газета объявила «о помраченіи умственныхъ способностей королевы Викторіи», рассказала подробно о скандальныхъ демонстраціяхъ парижскихъ студентовъ при представленіи новой комедіи Жоржа-Санда, и находила необходимымъ теперь же составить по возможности полный сборъ фактовъ изъ польской революціи и коренныхъ учреждений жонда, съ присовокупленіемъ взгляда современниковъ на эти событія.

б) Издавія, арендуемая у правительственныхъ учреждений.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Въ ряду ежедневныхъ газетъ Московскія Вѣдомости занимали въ 1864 году такое же видное мѣсто, какъ и въ 1863 году. Общее направленіе газеты равнымъ образомъ не измѣнилось. Прежде обсуждавшіеся вопросы: Польско-Русскій, дѣла Западнаго края, крестьянскій вопросъ, финансовое положеніе Россіи, составляли и теперь главнѣйшія темы для передовыхъ статей; но кромѣ того, и даже болѣе видное мѣсто, заняли новые предметы, обращавшіе на себя вниманіе правительства и общества въ 1864 г. Пламенный патріотизмъ редакціи не ослабѣлъ; фактическій запасъ данныхъ тоже не переставалъ составлять характеристическое достоинство газеты.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1864 году, редакція нерѣдко усвоивала себѣ тотъ диктаторскій, а иногда запальчивый тонъ, ту легкость обвиненій въ зломъ умыслѣ всякаго несогласнаго со взглядомъ редакціи направленія, которыя не были и не могли быть одобряемы даже самыми постоянными почитателями этой газеты. Такое направленіе неизбежно вызвало со стороны редакціи весьма частыя, почти систематическія уклоненія отъ соблюденія цензурныхъ правилъ, потребовавшія прекращенія силою правительственной власти. Это обстоятельство было поводомъ къ обвиненіямъ газеты въ неблагонамѣренности и даже въ исключительномъ преслѣдованіи противу правительственныхъ цѣлей. Хотя Московскія Вѣдомости отчасти были сами причиною подобныхъ недоразумѣній умалчивая упорно или сознательно игнорируя о самыхъ капитальныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, какъ напримѣръ: о Земскихъ Учрежденіяхъ, судебной реформѣ, внутреннемъ займѣ и т. п., тѣмъ не менѣе такое обвиненіе, въ виду несомнѣннаго патріотизма газеты, не могло быть признано основательнымъ. Впрочемъ временное усиленіе цензурнаго надзора прекратило возможность дальнѣйшаго нарушенія газетою цензурныхъ правилъ, и нельзя не замѣтить, что съ началомъ 1865 года Московскія Вѣдомости возвратились къ своему нормальному направленію—весьма благонамѣренному и не лишенному сдержанности.

Въ отношеніи къ вопросамъ иностранной политики, въ связи съ интересами Россіи, Московскія Вѣдомости высказали слѣдующія воззрѣнія:

Въ римскомъ вопросѣ Россія не должна поддерживать свѣтской власти папы. Въ венеціанскомъ вопросѣ Россія не можетъ допустить вознагражденія Австріи за Венецію на счетъ турецкихъ владѣній. Въ шлезвигъ—голштинскомъ вопросѣ присоединеніе Шлез-

вита—Голштейна къ Пруссіи не согласно съ интересами Россіи. Свиданіе монарховъ въ Ниццѣ возбуждало въ газетѣ худо скрываемыя опасенія, въ послѣдствіи вполне разсѣявшіяся.

По вопросамъ внутреннимъ, Московскія Вѣдомости начали 1864 годъ порицаніемъ многихъ проектовъ предшествовавшаго года по Министерствамъ: Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и Военному. По мнѣнію этой газеты, проекты отдѣльныхъ комиссій трудно поправить и въ Государственномъ Совѣтѣ, въ который они поступаютъ. Многія же мѣры по военной части не проходятъ чрезъ Государственный Совѣтъ, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія мирныхъ гражданскихъ интересовъ военныя преобразованія должны представляться иначе, чѣмъ съ военной.

Военная диктатура вообще признавалась и полезною, и вредною. Диктатура генерала Муравьева при началѣ управленія краемъ одобрялась, но потомъ газета замѣчала, что этой системѣ вмѣстѣ съ мужествомъ необходима и честность, въ сферѣ подчиненныхъ исполнителей. Неодобреніе высказывалось потому, что общія мѣры, принятые въ Западномъ краѣ, подводили подъ одинъ уровень виноватаго и невиннаго.

Юго-западный край преимущественно обращалъ на себя вниманіе Московскихъ Вѣдомостей; въ немъ они находили печальное положеніе дѣлъ, продолжающееся существованіе измѣны, дѣлающей невозможнымъ всякое примиреніе съ польскою національностью.

Сочиненіе «Шедо-Ферроти Que fera-t-on de la Pologne» вызвало цѣлый рядъ энергическихъ, но къ сожалѣнію не отличавшихся надлежащею сдержанностью статей. Газета признавала эту книгу оскорбительною для Русскаго народа и неприличною для помѣщенія въ библіотеки учебныхъ заведеній.

Юридическая Центральная Комиссія въ Дерптѣ была представлена какъ попытка Прибалтійскихъ губерній къ общему представительству, напрасно допущенная главнымъ мѣстной администраціею безъ участія общей государственной власти. Сдѣлавъ обзоръ всему написанному объ Остзейскомъ краѣ въ газетахъ заграничныхъ и въ мѣстныхъ того края, газета вообще приходитъ къ увѣренности о стремленіи Прибалтійскихъ губерній къ политическимъ нововведеніямъ, усиливающимъ нѣмецкій элементъ на окраинѣ Россіи, въ смыслѣ особой государственно-устроенной національности.

Интересы Евреевъ встрѣтили большое сочувствіе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Разрѣшеніе Еврейскаго вопроса должно, по мнѣнію этой газеты, начаться съ отмены узаконеній объ особой организаціи Еврейскихъ обществъ и съ освобожденія Евреевъ отъ деспотизма Еврейскихъ властей, поддерживающихъ между ними духъ замкнутости. Законъ о дозволеніи образованнымъ Евреямъ вступать въ государственную службу находится, по мнѣнію газеты, въ противорѣчій съ отнятіемъ у нихъ права повсемѣстнаго жительства.

Въ нѣсколькихъ статьяхъ о поземельномъ кредитѣ Московская газета старалась доказать, что онъ ведетъ не столько къ поддержкѣ сельскаго хозяйства, сколько къ охраненію землевладѣнія. Вопросъ о поземельномъ кредитѣ, по увѣренію газеты, есть вопросъ гораздо болѣе политическій, нежели экономическій.

Подчиненіе мѣстной полиціи контролю мировыхъ судей признавалось необходимымъ въ виду неурядицы сельскаго быта. — Вообще же будущій характеръ мировыхъ судей разъяснялся съ особенною подробностію. Желая, чтобы мировые судьи были хозяевами своего дѣла, въ чемъ и состоитъ по мнѣнію газеты то самоуправленіе, къ которому Россія должна стремиться; Московскія Вѣдомости ука-

зывали на существующій въ Англіи институтъ мировыхъ судей, какъ на образецъ. Исключительное уваженіе къ простонародью подвергалось осмѣянію, какъ вреднѣйшее и нелѣпѣйшее изъ самообольщеній. Мысль эта высказана была преимущественно по поводу самоуправленія крестьянъ и крестьянскаго суда.

Польское положеніе о крестьянахъ, основанное на системѣ участковаго, а не общиннаго владѣнія землею, возбудило въ газетѣ сочувствіе, выразившееся въ слѣдующемъ заключеніи:

«Опытъ большей экономической свободы, допущенный въ законѣ, изданномъ для Царства Польскаго, въ свое время окажетъ воздѣйствіе на Русское законодательство и поможетъ нашему быту освободиться отъ двухъ стѣснительныхъ условій—неотчуждаемости крестьянскихъ участковъ и круговой поруки».

Но вообще по внутреннимъ вопросамъ, наибольшую часть своихъ статей Московскія Вѣдомости посвятили защитѣ системы классическаго образованія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и направленія предполагаемой южной желѣзной дороги отъ Москвы чрезъ Кіевъ въ Одессу.

По вопросу о классическомъ образованіи газета приводила, въ подкрѣпленіе своего взгляда, не только теоретическія разсужденія, но всевозможныя свѣдѣнія объ устройствѣ средне-учебныхъ заведеній въ разныхъ Европейскихъ государствахъ. Опровергая сверхъ того проекты преобразованія средне-учебныхъ заведеній, составленные въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, она вела самую энергическую полемику съ Петербургскими газетами, поддерживавшими систему реальнаго обученія. Полемика эта съ обѣихъ сторонъ доходила до неприличной рѣзкости, но сила доводовъ и вѣрность данныхъ оставалась постоянно на сторонѣ Московской газеты.—Встрѣтивъ горячимъ привѣтствіемъ принятіе Правительствомъ

классической системы, эта газета обратилась къ разработкѣ вопросовъ о примѣненіи означенной системы на практикѣ, чѣмъ она продолжаетъ заниматься и въ 1865 году.

Вопросъ о направленіи южной желѣзной дороги, столь же подробно разработанный Московскими Вѣдомостями, какъ и предыдущій, возбудилъ съ нѣкоторыми Петербургскими газетами еще болѣе ожесточенную полемику. Послѣдователей направленія желѣзной дороги не чрезъ Кіевъ, газета клеймила подозрѣніемъ въ польской интригѣ. Ея доводы въ этомъ дѣлѣ не опирались на столь фактическую почву, какъ въ дѣлѣ классическаго образованія, и нерѣдко гнѣвная фраза служила отвѣтомъ на серіозное возраженіе противника.

С. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Нося на себѣ по прежнему демократическій оттѣнокъ, толкуя съ любовью и настойчивостью о народѣ, С.-Петербургскія Вѣдомости радостно привѣтствовали Земскія Учрежденія, находя въ нихъ живыя основанія, а не старинное дворянское преданіе. Разсуждая объ этомъ предметѣ, газета увлеклась государственнымъ значеніемъ будущихъ дѣйствій земства и, забывая о мѣстно-хозяйственномъ характерѣ этихъ учрежденій, поставила ихъ дѣятелей во всѣхъ отношеніяхъ выше мѣстныхъ губернскихъ властей.

Волостные суды, не смотря на нелюбовь къ нимъ крестьянъ, слѣдуетъ считать, по мнѣнію газеты, изъ всѣхъ мѣстныхъ учреждений самымъ прочнымъ, самымъ живучимъ; мировые судьи будутъ у нихъ учиться не «обычному праву, а умѣнью обособлять каждый отдѣльный случай, доходить до самой сути дѣла, а не формальнаго подведенія подъ среднюю цифру, подъ извѣстное правило». Заботясь о выгодахъ крестьянскаго сословія, газета указывала на

невыгоду продажи у несостоятельныхъ крестьянъ того, что не составляетъ необходимости въ ихъ хозяйствѣ, и объясняла недостатки мировыхъ съѣздовъ.

Вромѣ того газета помѣстила нѣсколько статей о судебныхъ преобразованіяхъ, о польско-крестьянской реформѣ, о направленіи желѣзныхъ дорогъ, объ Остзейскомъ краѣ, о Финляндскомъ сеймѣ, о лѣсномъ управленіи, объ улучшеніи быта духовенства, о тюрьмахъ и т. п.

Либеральное направленіе газеты по вопросамъ иностраннымъ выразилось преимущественно: въ горячемъ отзывѣ о заслугахъ Гарибальди и сравненіи ихъ съ дѣяніями Аристиды и Вашингтона, въ укоръ Московскимъ Вѣдомостямъ за названіе Аспромонтской катастрофы «постыдною»; въ насмѣшкѣ надъ Французскимъ законодательнымъ собраніемъ, которое водится правительствомъ на помочахъ, а президентъ котораго Морни даетъ депутатамъ наставленія, хотя благоразумныя, но совершенно такія, какія даются дѣтямъ.

Вобщемъ С. Петербургскія Вѣдомости не играли замѣтной роли въ нашей журналистикѣ за 1864 годъ. Причина сего заключается въ томъ, что, не смотря на попытки поддерживать ультра-либеральное направленіе, газета постоянно отличалась безталантностью, а посему и безцвѣтностью. Было бы несправедливо искать причину этой безцвѣтности въ цензурныхъ только стѣсненіяхъ. Опытъ доказалъ, что при самой упорной борьбѣ съ цензурою журналъ сохраняетъ интересъ и приманчивость для публики, чего не сумѣли нисколько достигнуть С. Петербургскія Вѣдомости въ прошломъ году.

ST.-PETERSBURGER ZEITUNG.

Эта газета защищала наши государственные интересы, но и не измѣняла своимъ нѣмецкимъ привязанностямъ, твердо поддерживая

Германию въ Шлезвигъ-Гольштинской борьбѣ и привилегіи Прибалтійскаго края, и ратуя по Остзейскому вопросу съ Московскими Вѣдомостями. Усвоивъ себѣ впрочемъ охранительный характеръ, газета преслѣдовала ультра-либеральныя стремленія русскихъ газетъ, умно и ловко пользуясь ихъ взаимными распрями.

в) Частныя изданія.

ГОЛОСЪ.

Это изданіе представляло собою, по преимуществу, оппозиціонную газету Московскимъ Вѣдомостямъ по вопросамъ финансовымъ и народнаго образованія.

Хотя полемика Московскихъ Вѣдомостей дѣйствительно была направлена наиболѣе противъ Голоса, тѣмъ не менѣе послѣдняя газета не ограничивалась отвѣтами лишь первой; она вообще сдѣлала изъ этой полемики любимый и самый объемистый предметъ своего содержанія. Особенно сильна, скорѣе даже бранчива, была борьба изъ-за системы средне-учебныхъ заведеній. Голосъ, не отвергая участія въ этой системѣ и классическихъ наукъ, не признавалъ ихъ однако неизбѣжнымъ условіемъ средне-учебныхъ курсовъ и видимо склонялся въ пользу реальныхъ гимназій. По вопросу о желѣзныхъ дорогахъ полемика Голоса была слабѣе. Но независимо отъ полемики по тому или другому вопросу, газета Голосъ пользовалась каждымъ случаемъ заявить вражду, или представлять въ смѣшномъ видѣ Московскую газету: даже фельетонъ газеты Голосъ служилъ для этого постояннымъ орудіемъ.

За тѣмъ, самое видное мѣсто въ газетѣ занимали статьи о судебной реформѣ и въ особенности о Земскихъ Учрежденіяхъ.

Обсуждая Земскія Учрежденія, «Голосъ» напомнилъ о существованіи автономіи и въ концѣ XVII вѣка, но только по закону, съ которымъ юридическая и административная практика находились въ діаметральной противоположности. Изложивъ объемъ дѣятельности и значеніе новыхъ Земскихъ Собраній, газета указала на 200 лѣтній сонъ, въ который была погружена Россія со времени послѣдняго Земскаго Сбора.

Государственная Роспись подверглась разбору «касательно расходовъ по взиманію доходовъ», причѣмъ было замѣчено чрезвычайное разнообразіе въ распредѣленіи и наименованіи статей расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ, и обращено вниманіе на четыре главные отрасли государственнаго управленія по взиманію сборовъ: на Министерство Финансовъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, Главное Управленіе Путей Сообщенія и Главное Управленіе Почтъ. Газета преимущественно указывала на выводъ, «во что обходится вся центральная администрація въ нашемъ государствѣ».

Здѣсь же, въ защиту прежняго управленія Сѣверозападнымъ краемъ, помѣщены были возраженія противъ слѣдующихъ обвиненій: во 1-хъ, противъ того, что инвентари составлялись въ 1845 году, самими помѣщиками, во 2-хъ, что будто мировые посредники оставляли крестьянъ вездѣ въ невѣденіи о дарованныхъ имъ Высочайшею властью правахъ и льготахъ, и въ 3-хъ, что будто крестьяне вездѣ были лишены лучшихъ угодій. Сособенное вниманіе произвела руководящая статья этой газеты, доказывавшая, что управленіе Сѣверозападнымъ краемъ до вступленія въ должность генерала Муравьева совершалось въ томъ же направленіи, какое приписываютъ только распоряженіямъ этого Главнаго Начальника края.

Кромѣ того въ Голосѣ было помѣщено нѣсколько серіозныхъ статей о преобразованіяхъ въ организаціи военныхъ силъ, о поко-

реніи Кавказа, о крестьянской реформѣ, о польскомъ вопросѣ, о рабочемъ классѣ и т. п.

Либеральное направленіе этой газеты по вопросамъ иностранной политики выражалось въ разъясненіи характера Гарибальди, въ корреспонденціяхъ изъ Франціи, исполненныхъ оппозиціи тамошнему правительству, въ прославленіи датской конституціи, въ напоминаніи, что «сила обстоятельствъ оказалась гораздо выше власти королей», въ изложеніи демократическаго циркуляра работника Толена, въ восхваленіи Станефильда—младшаго лорда адмиралтейства, радикала и друга—Мадзини, и въ неодобреніи полицейской роли оппозиціи, принятой въ отношеніи къ нему.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ И НАРОДНОЕ БОГАТСТВО.

Биржевыя Вѣдомости не имѣли особаго направленія; все ихъ значеніе ограничивалась передачею официальныхъ свѣдѣній Министерства Финансовъ и Почтоваго Управленія. Газета эта отличалась сдержанностію тона и въ своихъ передовыхъ статьяхъ касалась по преимуществу интересовъ экономическихъ. Въ томъ же направленіи, хотя съ меньшимъ успѣхомъ, издавалась и газета «Народное Богатство».

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Изданіе это наполнялось перепечатками изъ другихъ газетъ, а посему и не старалось выказать особаго самостоятельнаго направленія.—Отличаясь совершенною безцвѣтностью, журналъ этотъ, по своей дешевизнѣ, имѣлъ, подобно Русскимъ Вѣдомостямъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, болѣе значительное число читателей, нежели Московскія Вѣдомости и другія большія ежедневныя политическія газеты.

Б. ИЗДАНИЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЯ.

ДЕНЬ.

Послѣ усмиренія польскаго мятежа и водворенія порядка въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, газета День съ новою силою обратилась къ внутренней дѣятельности Россіи. Редакція газеты неуспинно слѣдитъ за каждой мѣрой Правительства въ дѣлѣ преобразованій, откровенно выражая неодобреніе нѣкоторыхъ изъ мѣръ, и находя, что въ нихъ вообще преобладаетъ бюрократическій произволъ и весьма мало началъ, свободно вытекающихъ изъ потребностей и духа народа. Она почти въ каждой передовой статьѣ настойчиво требуетъ не только матеріальнаго, но духовнаго и нравственнаго сближенія общества и власти съ народомъ. Это сближеніе или сліяніе—любимый идеалъ газеты. Но она не высказываетъ ясно, въ чемъ должно состоять и какъ должно формулироваться это сліяніе. Только положеніе о поземельной общинѣ высказывается опредѣлительно.—Все прочее кроется въ туманныхъ намекахъ, или въ разливѣ патріотическихъ пожеланій, возбудительныхъ возгласовъ и общихъ фразъ. Впрочемъ всюду редакція стоитъ за коренныя русскія основы, за православіе и народность. Редакція враждебно относится къ парламентаризму, какъ къ чуждому, несвойственному русской почвѣ явленію; она же, не смотря на любовь къ до-Петровской Руси, возстаетъ противъ боярства и аристократизма вообще. Находя, что Россія развивается неправильно, одною государственною, официальною стороною, и что такое ненормальное развитіе истощаетъ духъ и силы народа, редакція, въ большей части своихъ передовыхъ статей, указываетъ на казенность нашего внутренняго строя, деспотизмъ теоріи надъ жизнью, ломку жизни по произволу либеральной партіи, объясняя вмѣстѣ съ симъ, что государственный

элементъ долженъ ограничиваться только внѣшнимъ, не вторгаясь въ дѣла церкви и народной совѣсти; по мнѣнію газеты, вторженіе государственнаго начала въ эту сферу умертвить все живое, на томъ основаніи, что усиленіе государственнаго элемента вообще похоже на неестественное утолщеніе коры, которое можетъ истощить соки, подавить ростъ и силу дерева.

Этому направленію или господствующей мысли болѣе или менѣе близко соотвѣтствуетъ и все содержаніе газеты День. Разныя статьи, корреспонденціи, замѣчанія самой редакціи—все сводится къ разрабѣткѣ коренныхъ источниковъ народной жизни, къ отпору чуждыхъ народностей, всего болѣе полонизма; къ утвержденію православія, къ сохраненію русскихъ обычаевъ и нравовъ, къ порицанію уклоненій отъ славянства къ западничеству и т. п.

ВѢСТЬ.

Эта газета какъ въ 1863, такъ и съ 1864 году, продолжала ратовать исключительно въ интересахъ дворянскаго сословія.

Сущность ея сужденій о крестьянскомъ вопросѣ вообще, о характерѣ нынѣшнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и крестьянской администраціи, и о настоящемъ экономическомъ положеніи помѣщиковъ, заключается въ слѣдующемъ:

1) Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія—актъ въ высшей степени необходимый, справедливый и благотѣльный для Россіи. Но въ положеніи 19 февраля, со стороны законодательной власти, допущена важная ошибка въ томъ, что, въ устройствѣ новаго управленія крестьянами, она выбрала систему крестьянскаго самоуправленія, создавъ для этой цѣли сельскія и волостныя управленія и мировыя учрежденія, вмѣсто того, чтобы административную власть оставить, по прежнему, въ рукахъ помѣщиковъ.

2) Крестьяне, дурно понимая дарованную имъ волю, предаются пьянству, воровству, лѣни, умышленно травятъ помѣщичьи посѣвы и луга, истребляютъ лѣса, воруютъ даже хлѣбъ на полѣ, въ снопахъ; приглашенные на полевые работы помѣщиками, запрашиваютъ непомерныя цѣны и, договорившись, самовольно оставляютъ работу въ самомъ разгарѣ ея, не исполнивъ договора, а нерѣдко забравъ и деньги впередъ. И все это совершается крестьянами съ необыкновенною наглостію и дерзостію, потому что:

3) Нѣтъ на нихъ нигдѣ ни суда, ни расправы; всѣ мѣстные власти, сельскія и волостныя управленія, земская полиція и мировыя учрежденія потворствуютъ имъ. Да и вообще, по мнѣнію газеты, административные дѣятели стараются истребить всѣ слѣды прежней заботливости помѣщиковъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ зависимости, уничтожая благотворительные капиталы, хлѣбные магазины, лечебницы и богадѣльни, учрежденія, которыя помѣщики желали бы сохранить и на дальнѣйшее время. Въ Западныхъ же губерніяхъ, сверхъ всего этого, дѣятельность повѣрочныхъ комиссій, по словамъ Вѣсти, отличается тѣмъ, что тѣ, потворствуя народнымъ массамъ, уничтожаютъ весь авторитетъ помѣщичьяго сословія съ уклоненіемъ отъ справедливости и закона.

4) Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, помѣщики раззоряются, большая часть имѣній едва даютъ $\frac{1}{10}$ долю прежняго дохода, а другія и ничего не даютъ. — Оттого помѣщики часто ограничиваютъ запашку полей до крайнихъ предѣловъ, но большею частію, во избѣжаніе бесполезныхъ хлопотъ и ежедневныхъ оскорбленій со стороны крестьянъ и мѣстныхъ властей, отдаютъ земли въ наемъ крестьянамъ за самую ничтожную цѣну и удаляются на житье за границу. Отсюда, по мнѣнію Вѣсти, происходитъ общее обѣдненіе,

которое, при настоящихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, угрожаетъ Россіи безвыходностью экономическаго положенія.

По вопросу объ улучшеніи государственныхъ финансовъ, полагая главную причину настоящихъ затрудненій въ избыткѣ безпроцентныхъ бумагъ, Вѣсть поддерживала мнѣніе о замѣтѣ, по крайней мѣрѣ, половиннаго ихъ количества 6°/о облигаціями. По вопросу о торговлѣ, газета сильно отстаивала пользу покровительственной системы.

Прочихъ вопросовъ Вѣсть или касалась слегка, или довольствовалась печатаніемъ извлеченій изъ другихъ газетъ и, преимущественно, изъ Московскихъ Вѣдомостей и Русскаго Инвалида. — Въ концѣ *отчетнаго* года, газета Вѣсть получила характеръ главнаго отголоска бывшаго въ это время въ Москвѣ собранія дворянства; послѣдніе ея нумера были переполнены описаніемъ малѣйшихъ подробностей этого собранія и выраженіемъ восторженнаго сочувствія какъ къ рѣчамъ, говорившимся въ собраніи, такъ и къ личностямъ, произносившимъ рѣчи. Наконецъ въ началѣ 1865 г. редакція позволила себѣ напечатать въ столбцахъ своей газеты, безъ цензурнаго разрѣшенія, извѣстную рѣчь гр. Орлова-Давыдова и проектъ всеподданнѣйшаго адреса, принятый собраніемъ, что и было причиною приостановки сего изданія, по распоряженію г. Министра Внутреннихъ дѣлъ, на восемь мѣсяцевъ, съ преданіемъ редакторовъ суду.

НАРОДНАЯ ГАЗЕТА.

Изданіе это, по видимому назначенное для читающаго просто-народья, обращало свою дѣятельность преимущественно на разъясненіе условий лучшаго устройства матеріальнаго быта крестьянъ,

вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. — Главнымъ предметомъ для самостоятельныхъ статей газеты служили обсужденіе качествъ и недостатковъ нашихъ крестьянъ. Къ числу дурныхъ сторонъ крестьянскаго сословія Народная газета относитъ: недостатокъ честности въ рабочихъ по найму; плохую обработку земли и оттого плохое производство жизненныхъ потребностей; излишнее стремленіе къ занятіямъ по торговлѣ, или вѣрнѣе къ нечестному барышничеству на счетъ труда своихъ же братьевъ; нищенствующее бродяжничество; вкоренившійся разгулъ и развратъ между рабочимъ людомъ и домашнею прислугою по городамъ и особенно въ столицахъ; многія суевѣрія и предрассудки; взяточничество со стороны крестьянъ и наконецъ, главную всему злу причину — крайнее невѣжество. — Къ хорошимъ качествамъ крестьянства принадлежатъ, между прочимъ, по мнѣнію газеты: стремленіе имѣть свой собственный клочокъ земли, независимый отъ общины; усердіе, съ какимъ, въ настоящее время, крестьянство принялось кое-гдѣ за собственное хозяйство; замѣтная честность русскаго рабочаго при отвѣтственной работѣ, которую онъ предпочитаетъ, и, главное, повсюду обнаруживающееся въ крестьянахъ сознаніе пользы грамотности. Мѣры къ лучшему устройству крестьянскаго быта Народная газета, между прочимъ, предлагаетъ слѣдующія: правильное учрежденіе крестьянскихъ ссудныхъ кассъ и ассоціацій между крестьянами для болѣе выгодной гуртовой закупки жизненныхъ припасовъ и другихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ нужныхъ товаровъ; опредѣленіе врачей, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ, по крайней мѣрѣ по одному на каждыя 5.000 душъ; взаимное застрахованіе; и наконецъ, народныя школы, гдѣ бы, однакожъ, обучали не одной только грамотѣ, а также, изданіе полезныхъ книгъ для читающаго простонародья, принаровленныхъ къ его понятіямъ и потребностямъ.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Эту газету можно, по справедливости, назвать добровольнымъ Петербургскимъ сыщикомъ. Она приняла на себя обязанность обнаруживать темныя и даже скандальныя стороны жизни по всемъ частямъ города и предмѣстьямъ, по всемъ улицамъ и переулкамъ, и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ они отдаленнѣе, глуше, малоизвѣстнѣе; заглядывать во все дома-заѣздыя, увеселительныя, питейныя, въ рестораны, трактиры и харчевни, въ лабазы, лавки, магазины, наконецъ во все закоулки и трущобы, даже въ городскія больницы; слѣдить за исправностью конторъ городскихъ дилижансовъ, невскихъ пароходовъ, городскихъ, дворниковъ, за правами домашней прислуги. Газета повсюду подмѣчаетъ всякія неисправности, упущенія и злоупотребленія, всякое грубіяństwo, самодурство и безобразіе, всякія плутни и мошенничества. Обо всемъ этомъ газета доводитъ печатно до свѣдѣнія публики, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣхъ, кому надлежитъ о томъ вѣдать.

ТОРГОВЫЙ СБОРНИКЪ.

Журналъ этотъ выходитъ въ Петербургѣ еженедѣльно подъ редакцію г. Красильникова, съ 1-го февраля 1864 года, и содержитъ весьма дѣльныя, самостоятельныя статьи по современнымъ вопросамъ финансоваго міра, извѣстія о биржевыхъ курсахъ, бывшихъ и текущихъ, и разныя статистическія обозрѣнія финансовыхъ и торговыхъ операций. Тонъ газеты серьезный и направленіе благонаправленное, старающееся проложить дорогу къ развитію отечественной промышленности, въ чемъ газета видитъ единственное средство къ поднятію нашихъ курсовъ. Въ небольшомъ объемѣ этотъ журналъ даетъ много матеріаловъ для мыслящаго торговца.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Изданіе это, по видимому, имѣетъ цѣлью служить органомъ гласности для промышленныхъ классовъ народа. Нѣтъ почти нумера, въ которомъ бы не сообщалось весьма полезныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи различного рода фабричнаго, заводскаго, ремесленного, земледѣльческаго производства той или другой мѣстности, и преимущественно Москвы; о дѣятельности городскихъ думъ и сельскихъ управленій, о мѣстной торговлѣ, ярмаркахъ; торговыхъ рынкахъ, даже о плутняхъ особаго рода торговыхъ барышниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ кулаковъ, булынь и проч., а также о поддѣлкѣ чая, коровьяго масла, объ обманахъ въ вѣсѣ, мѣрѣ и проч.

Газета не оставляетъ въ тоже время безъ обсужденія, въ большихъ передовыхъ статьяхъ, и важнѣйшихъ иностранныхъ политическихъ событій, ровно какъ и замѣчательнѣйшихъ политическихъ, экономическихъ и социальныхъ вопросовъ русской жизни. Но въ этихъ сужденіяхъ нѣтъ самостоятельности воззрѣнія; однѣ изъ нихъ въ духѣ и направленіи «Дня,» другія — «Московскихъ Вѣдомостей».

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.

О направленіи этого журнала можно судить по однимъ только его передовымъ статьямъ, такъ какъ лишь онѣ однѣ не лишены оригинальности и самостоятельнаго воззрѣнія. Изъ этихъ статей ⁴/₅ относятся исключительно къ разъясненію стоящаго на очереди вопроса о нынѣшнемъ стѣснительномъ положеніи и о мѣрахъ улучшенія матеріальнаго быта нашего православнаго приходскаго духовенства, въ городахъ и селахъ. Изъ остальныхъ статей, замѣча-

тѣлѣннѣйшія посвящены были слѣдующимъ вопросамъ: 1) о неестественности участія женщины въ общественныхъ дѣлахъ, такъ какъ, по закону божественному и по самой природѣ ея, назначеніе женщины—быть хозяйкою дома, вѣрною подругою мужа, матерью дѣтей, или доброю дочерью; 2) о вредѣ и опасности, которыми угрожаютъ православной церкви съ одной стороны проповѣдуемая нѣкоторыми изъ нашихъ публицистовъ неумѣстная терпимость въ отношеніи раскольническихъ сектъ, съ другой стороны пропаганда идей о предоставленіи имъ свободы публичнаго богослуженія по своимъ обрядамъ; 3) о недостаткахъ казенной и частной благотворительности и о необходимости устройства благотворительности приходской.

Всѣ же текуція извѣстія, какъ заграничныя, такъ и внутреннія, помѣщавшіяся въ этомъ изданіи, были ничто иное, какъ болѣе или менѣе дословныя перепечатки изъ другихъ русскихъ газетъ и журналовъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Судя, слѣдовательно, по содержанію и духу самостоятельныхъ статей Современнаго Листка, можно заключить, что направленіе его имѣло характеръ нашей духовной журналистики.

ЯКОРЬ.

Означенная еженедѣльная газета, съ приложеніемъ къ ней карикатурно-сатирическаго изданія подъ заглавіемъ «Оса», заключала въ себѣ, какъ и въ 1863 г., политическое и внутреннее обозрѣнія, корреспонденціи, небольшіе рассказы и разныя извѣстія, болѣею частію изъ музыкальнаго и театральнаго міра. Перемѣна редактора, за смертію Апполона Григорьева, не принесла замѣтнаго измѣненія въ самыхъ изданіяхъ—они остались тѣмъ, чѣмъ до того были, т. е. безцвѣтными и безинтересными. Якорь продолжаетъ

быть сборникомъ ходячихъ заграничныхъ [и внутреннихъ] извѣстій, а Оса пошлою сатирическою газеткою, наполняющеюся псевдо-юмористическими статейками, стихами и рисунками, составляющими варіаціи на давно уже избитыя темы угасшей обличительной литературы, лишенными всякой соли и таланта. Якорь и Оса, какъ кажется, не составляютъ главной задачи редакціи; они служатъ какъ бы оберткою для музыкальныхъ, прилагаемыхъ къ нимъ нотъ, сбываемыхъ такимъ образомъ издателемъ, который есть вмѣстѣ и владѣлецъ большаго магазина музыкальныхъ произведеній.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

Это изданіе, не сообщая ничего самостоятельнаго, повторяло въ извлеченіяхъ только то, о чемъ говорили и разсуждали наши большія газеты и преимущественно Петербургскія. Что же касается до литературной части, то, по числу и разнообразію статей, Иллюстрированная газета не уступала ни одному изъ нашихъ толстыхъ журналовъ. Кромѣ множества объяснительныхъ статей къ рисункамъ, въ ней появлялись цѣлые переводные романы, оригинальныя нравоописательныя повѣсти и разсказы изъ русскаго быта, статьи историческія, этнографическія, статистическія какъ о Россіи, такъ и о другихъ государствахъ новаго и древняго міра; ученые путешествія (Тишendorfа), и, въ популярномъ изложеніи, статьи изъ области наукъ политическихъ, юридическихъ, естественныхъ и проч. Но всѣ эти многочисленныя статьи стоятъ особнякомъ, какъ бы случайно попавшіяся на страницы газеты. Никакая общая мысль не связываетъ ихъ. Очевидно, что редакція напечатала ихъ не съ тѣмъ, чтобы проводить какія либо изъ своихъ завѣтныхъ идей и убѣжденій, а съ единственною цѣлью доставить своимъ фешенебельнымъ читателямъ

*

пріятное умственное развлеченіе и посильно удовлетворить ихъ любознательности. Можно по сему смѣло сказать, что Иллюстрированная газета принадлежитъ къ тому, довольно многочисленному, роду нашихъ періодическихъ изданій, которыя не имѣютъ никакого направленія.

ВОСКРЕСНЫЙ ДОСУГЪ.

Изданіе это совершенно похоже на Иллюстрированную газету, отличаясь отъ послѣдней не столь хорошимъ изложеніемъ и менѣе изящными рисунками.

LE GRELOT.

Направленіе этого французскаго изданія, издаваемаго въ С.-Петербургѣ, строго говоря, довольно безнравственно, такъ какъ оно преимущественно поставило себѣ задачей описаніе быта падшихъ женщинъ: не проходитъ ни одного нумера, въ которомъ бы онѣ не являлись въ разныхъ видахъ, и постоянно съ одинаковымъ цинизмомъ. — Анекдоты, печатающіеся въ изданіи — которое опрятно только снаружи — большей частью весьма скандалезны и, въ переводѣ на Русскій языкъ, были бы даже иногда невозможны въ печати. Вообще Le Grelot, составляетъ нѣчто въ родѣ петербургскаго органа парижскаго полу-свѣта.

REVUE AMUSANTE.

Отличаясь вполне приличнымъ тономъ, это изданіе представляетъ совокупность повѣстей, рассказовъ, анекдотовъ, взятыхъ изъ французскаго быта и французскихъ нравовъ; въ Петербургскихъ же письмахъ, которыя помѣщались въ этомъ изданіи, заключалось описаніе

нашихъ аристократическихъ баловъ, танцевальныхъ вечеровъ и т. п. предметовъ фешенебльнаго міра.

Независимо отъ упомянутыхъ столичныхъ еженедѣльныхъ изданій, къ этой же группѣ относятся нѣкоторыя провинціальныя, а именно:

ВОЛГА.

Эта газета главный органъ Поволжскихъ низовыхъ губерній, издающійся въ Астрахани. Изъ первоначальнаго небольшого полулиста «Волга» разрослась къ августу 1864 г. до двухъ большихъ листовъ въ нумеръ. — Вопросы, которые она затрогиваетъ по части мѣстныхъ потребностей, разрабатываются съ знаніемъ дѣла и въ весьма либеральномъ направленіи.

РЫБИНСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Начавъ выходить съ 1-го мая 1864 года, сообщалъ торговыя и судоходныя свѣдѣнія изъ Рыбинска, затрогивая вопросы о кредитѣ, организаціи торговыхъ дѣлъ и о прочихъ насущныхъ потребностяхъ края, подъ рубриками: что дѣлается въ городѣ? что дѣлается въ уѣздѣ? Скромно иногда обличая случаи мѣстныхъ злоупотребленій, газета сія отличалась тѣмъ не менѣе полною благонамѣренностью и дѣльнымъ направленіемъ, но съ конца іюня перестала выходить.

РОСТОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Печатавшій одни только мѣстныя извѣстія и то, большею частью, официальныя, пересталъ выходить съ 6 сентября 1864 г.

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ своей неофициальной части, всѣ отдѣлы которой съ іюня мѣсяца печатались уже исключительно на русскомъ языкѣ, Вилен-

скій Вѣстникъ старался преимущественно выполнить двѣ главныя задачи: 1-е, сообщать современныя извѣстія о внутреннемъ состояніи Сѣверо-Западныхъ губерній, представлять въ живой картинѣ всѣ благія послѣдствія принятыхъ, по предначертанію Верховной Власти, главнымъ начальникомъ энергическихъ мѣръ для успокоенія ввѣреннаго ему края, и прочнаго возстановленія въ немъ русскихъ началъ въ сферѣ религіозной, умственной, соціальной, а равно въ частной жизни всего тамошняго населенія; 2-е, обнаруживать, путемъ историческихъ и мѣстныхъ изслѣдованій, всѣ притѣсненія, жестокости, насилія и козни, которыя, въ теченіи четырехъ столѣтій, употребляла въ этой, искони русской православной странѣ, польская религіозная, національная и соціальная пропаганда для подавленія православія и всѣхъ другихъ элементовъ русской народности.

КРОНШТАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Имѣеть характеръ мѣстнаго изданія по морской части. Изрѣдка, впрочемъ, упоминаніе о нѣкоторыхъ мѣстныхъ событіяхъ служило для редакціи поводомъ къ заявленіямъ о необходимости большаго полицейскаго надзора за безопасностію жителей и чистотою города.

КІЕВЛЯНИНЪ.

При своемъ появленіи эта газета заявила о независимомъ образѣ мыслей, и за тѣмъ представила обширный очеркъ управленія краемъ. Кромѣ того газета эта посвящала себя по преимуществу оцѣнкѣ внутреннихъ событій, всего же болѣе мѣстныхъ, съ національной точки зрѣнія, но не всегда съ надлежащею сдержанностію.

КИЕВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Слѣдя за мѣстными интересами, нерѣдко входилъ въ столкновѣніе съ Кіевляниномъ; въ фельетонѣ помѣщались иногда юмористическія статьи.

ОДЕССКИЙ ВѢСТНИКЪ И JOURNAL D'ODESSA.

Обѣ газеты занимались разработкою преимущественно мѣстныхъ интересовъ края, живо интересуясь земскимъ устройствомъ, судебною реформою и желѣзными дорогами; въ первомъ изданіи помѣщено было нѣсколько статей о бытѣ духовенства и о неудовлетворительности управленія семинарій чернымъ духовенствомъ.

ODESSAER ZEITUNG.

Кромѣ политическихъ извѣстій, означенное изданіе, заключало статьи о нѣмецкомъ протестантизмѣ, изложенныя съ надлежащею, впрочемъ сдержанностію.

В. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ ИЗДАНИЯ.

РУССКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Русскій Вѣстникъ не столько журналъ, сколько сборникъ статей, преимущественно серьезнаго содержанія и имѣющихъ отношеніе къ Россіи, особенно къ современнымъ вопросамъ. Выборъ статей дѣлался съ большимъ тактомъ и знаніемъ нуждъ и интересовъ нашего общества. Произведенія, наиболѣе обратившія на себя въ семъ журналѣ вниманіе публики, были слѣдующія: романъ Ключникова «*Маревъ*» и *Записки Вишеля*. Авторъ перваго хотѣлъ представить картину странныхъ умственныхъ и нравственныхъ явленій въ нашемъ молодомъ поколѣніи—его незрѣлыя и нелѣпыя понятія

о прогрессѣ, его стремленія къ какимъ то для него самого непонятнымъ идеаламъ социальныхъ и политическихъ реформъ, все это современное, такъ называемое, движеніе, которое, слившись съ польскимъ возстаніемъ, составляетъ такую пеструю, печальную и оригинальную страницу въ исторіи развитія нашего общественнаго духа и народности. Авторъ всматривается въ вещи несравненно глубже, нежели Писемскій въ своемъ романѣ: «*Взбаламученное море*»; онъ умѣетъ даже подчинять свойственный послѣднему лиризмъ требованіямъ психологической наблюдательности и изученія. Къ сожалѣнію художественныя средства Ключникова не соотвѣтствуютъ его задачѣ, которая можетъ быть выполнена только великимъ талантомъ. Главныя недостатки его—отсутствіе ясно очерченныхъ и твердо поставленныхъ характеровъ и какая то суматошность въ развитіи и изложеніи основы романа. Во всякомъ случаѣ *Мареево* принадлежитъ къ знаменательнымъ произведеніямъ нашей современной бельетристики. *Записки Вигеля* очень интересны по изложенію, и составили бы весьма полезный историческій матеріалъ нравовъ и духа времени, еслибы можно было имъ довѣрять; къ сожалѣнію, личныя претензіи автора, пристрастіе и недостатки серьезнаго обсуживанія лицъ и событій такъ ярко выступаютъ вездѣ въ этомъ сочиненіи, что возбуждаютъ въ читателѣ невольное сомнѣніе и недоувѣрчивость даже къ тому, что, можетъ быть, и правдиво рассказывается. Изъ прочихъ статей Русскаго Вѣстника за 1864 годъ заслуживаютъ вниманія: 1) Современныя движенія въ расколѣ, 2) Польская пропаганда на Волыни, 3) Историческіе очерки поповщины, 4) Монографія—«Магницкій», 5) Дѣятельность Я. И. Ростовцова по крестьянскому дѣлу, 6) Изъ рассказовъ Сопѣлкина о расколѣ, 7) Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи, 8) О Греко-Уніатской церкви въ западномъ краѣ, Архіепископа Антонія.—Послѣдняя

статья принадлежит къ лучшимъ статьямъ Русскаго Вѣстника за минувшій годъ, относящимся къ Россіи. Авторъ, участникъ и сѣмьвидецъ событій, съ простотою истины и ясностію здраваго, не предубѣжденнаго ума, излагаетъ обстоятельства, предшествовавшія воссоединенію униатовъ съ православною церковію въ царствованіе Николая 1-го, равно какъ и нѣкоторыя важнѣйшія подробности этого знаменательнаго дѣла. Въ заключеніе нельзя не упомянуть также о переводной статьѣ: *Университетская жизнь въ Англіи*. Изображая строгость дисциплинарныхъ правилъ и порядка въ университетахъ самой свободной страцы въ мірѣ, она представляетъ назидательныя, не безполезныя примѣры и для нашихъ университетовъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

Журналъ этотъ, по прежнему, старается быть умѣреннымъ въ своихъ политическихъ и социальныхъ воззрѣніяхъ, въ сужденіяхъ о литературѣ и современныхъ явленіяхъ жизни. Характеръ его серьезный и въ смыслѣ цензурномъ не укоризненный.—Оригинальныхъ статей важнаго содержанія въ немъ очень мало. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ въ Отечественныхъ запискахъ была: *Изъ записокъ о Славянскихъ земляхъ—Ламанскаго*, написанная авторомъ во время путешествія его въ этихъ странахъ. Авторъ принадлежитъ къ школѣ такъ называемыхъ Славянофиловъ; однако въ статьѣ своей онъ не очень благосклонно отзывается объ Австрійскихъ Славянахъ и порицаетъ ихъ за ихъ разномысліе, антагонизмъ въ отношеніяхъ одного племени къ другому. Изъ статей беллетристическихъ особенное вниманіе обратила на себя повѣсть Крестовскаго *Петербургскія трущобы*. Это родъ Петербургскихъ *Mystères*. Такъ какъ она не окопчена, то о духѣ и направленіи ея

ничего опредѣлительнаго сказать нельзя. Вообще авторъ, кажется, намѣренъ представить исключительно темныя стороны быта и нравовъ низшаго и среднего слоевъ общества, которое, по видимому, ему хорошо извѣстно.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

Еще недавно журналъ этотъ соблазнительно дѣйствовалъ на молодое поколѣніе, блистая смѣлостью и новизною крайнихъ доктринъ новѣйшихъ западныхъ мыслителей, щеголяя пафосомъ отрицанія въ наукѣ и жизни, чѣмъ возбуждалъ живое любопытство и вниманіе въ своей публикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно ставилъ въ большое затрудненіе цензуру.

Съ удаленіемъ одного изъ главныхъ дѣятелей (Чернышевскаго), дававшего тонъ извѣстному, эксцентрическому направленію журнала, успѣхъ этого изданія замѣтно поколебался, а въ прошломъ и предпрошломъ году Современникъ не только утратилъ прежнее вліяніе и значеніе, но и въ общемъ литературномъ значеніи уступилъ мѣсто другимъ. Онъ сталъ пустъ, вялъ и не привлекаетъ болѣе массы читателей, какъ прежде. Главная причина этому заключается въ томъ, что въ самомъ обществѣ, въ его настроеніи и направленіи, произошло много благопріятныхъ перемѣнъ, вслѣдствіе преобразованій и улучшеній въ общественномъ и государственномъ ходѣ дѣлъ, вслѣдствіе сильно пробудившагося патріотизма по случаю польскаго мятежа и вообще вслѣдствіе разныхъ важныхъ событій и вопросовъ, которыми поглощено было все вниманіе и участіе русскаго общества отъ стараго до малаго. Молодое поколѣніе, заплативъ дань увлеченіямъ, не осталось, конечно, равнодушнымъ въ призыву строгихъ обязанностей жизни и поспѣшило отрезвиться отъ крайностей своихъ утопій; цензура не дремала, и

съ своей стороны полагала преграды пропагандѣ новыхъ, незрѣ-
лыхъ и соблазнительныхъ ученій и началъ. А отсутствіе серьез-
ныхъ дарованій довершило паденіе журнала.

Въ 1864 году Щедринъ, статьи котораго были цвѣтомъ Сове-
ренника, далъ двѣ-три статьи, а въ послѣдніе мѣсяцы уже не
печаталъ ничего. Прочіе бельетристы съ дарованіемъ (наприм.
Слѣпцовъ) напечатали по нѣсколько страницъ; а за тѣмъ журналъ
наполнялся балластомъ: повѣстями, очерками и стихами, не выдаю-
щими изъ общаго уровня. Разработывалась, безъ дарованія (въ
повѣсти Ставленникъ), прежняя задача, которую съ замѣчательнымъ
талантомъ вдвинулъ въ сферу литературы покойный Помяловскій,—
уродливость семинарскаго воспитанія и грубость нравовъ духовен-
ства. Затрогивались, но также не слишкомъ ярко, (въ повѣстяхъ
и очеркахъ: *Биржевые артельщики*, *Подлиповцы*, *Деревенское
веселье въ Вологодскомъ уездѣ*, *Баня*, *Ирище* и проч.) нравы
деревенскихъ и ремесленныхъ классовъ народа.

Въ стихотвореніяхъ большею частію господствуетъ духъ недо-
вольства, иногда мрачной ироніи, но такъ неопредѣленно, въ такихъ
неясныхъ намекахъ, что ихъ трудно примѣнить къ кому-нибудь и
чему-нибудь: напримѣръ, въ стихотвореніи *Поэту* (въ сентябр-
ской книжкѣ), *Доля Бѣдняка* (въ іюлѣ), *Изъ стихотвореній
Фаллерслебена*.

Въ Сентябрьской книжкѣ напечатана повѣсть *Фантазерка*,
(по слухамъ истинное происшествіе), замѣчательная противорѣченіемъ
старому, основному направленію Современника. Герой повѣсти,
изъ *новыхъ* людей молодого поколѣнія, является въ невыгодномъ
свѣтѣ: онъ увлекается *новыми* идеями молодую дѣвушку, потомъ
бросаетъ ее для свѣтской кокетки, самъ предается службѣ и иска-
нію карьеры, а та кончаетъ самоубійствомъ.

Отдѣлъ наукъ не представилъ ни одного оригинальнаго дѣятели и ни одной серьезной статьи. Публикѣ, большею частію, предлагались труды иностранныхъ писателей въ критической оцѣнкѣ, съ цѣлію знакомить читателей съ Смитомъ, Рикардо, Прудономъ, и съ намѣреніемъ, конечно, провести въ публику свой взглядъ на этихъ писателей.

Между прочимъ помѣщались также статьи *объ ассоціаціи рабочихъ классовъ* заграницею, съ изложеніемъ теорій Шульце-Делича и Лассаля. Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и отчасти во Франціи общества рабочихъ классовъ раздѣлились на партіи относительно примѣненія обѣихъ теорій къ практикѣ: это животрепещущій современный вопросъ на западѣ, волнующій классы рабочихъ населеній и озабочивающій правительства. Но въ нашихъ журналахъ статьи съ изложеніемъ подобныхъ теорій являются безъ всякой пользы и цѣли и едва-ли кѣмъ нибудь читаются, кромѣ развѣ немногихъ специалистовъ по этой части, но и тѣ вѣроятно предпочтутъ ознакомиться съ трудами Шульце-Делича и Лассаля изъ иностранныхъ источниковъ.

Особенное вниманіе обращала на себя въ прошломъ году полемика Современника съ другими журналами, а именно: съ Эпохой и Русскимъ Словомъ. На этой полемикѣ почти исключительно сосредоточивалась дѣятельность редакціи и изощрялось ея остроуміе. Журналъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ служилъ ареной частныхъ, личныхъ ссоръ между журналистами, при чемъ не были пощажены даже подробности домашней жизни; едва-ли въ журналистикѣ нашей былъ другой примѣръ такого неприличнаго препиранія на словахъ, доходившаго до брани, до школьническихъ выходокъ, прозвищъ и прочаго безобразія. Серьезные журналы не преминули указать на этотъ турниръ и публика замѣтно была сканда-

лизирована этимъ явленіемъ. Современникъ, отличавшійся болѣе другихъ въ этой схваткѣ, спохватился, но поздно: онъ уже подорвалъ свой кредитъ и съ этого времени началъ быстро клониться къ упадку.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Въ 1864 году не произошло въ изданіи этого объемистаго журнала ничего такого, что замѣтно измѣняло бы характеристику его за 1863 годъ. Онъ продолжалъ быть вмѣстилищемъ статей разнообразнаго содержанія, колорита и литературнаго достоинства. — Дѣятельность самой редакціи проявлялась только въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ началѣ нѣкоторыхъ нумеровъ подъ заглавіемъ «Петербургъ», заключающихъ обзоръ за извѣстный періодъ общественной и литературной жизни, и въ статьяхъ критическихъ. — Отдѣлъ «Иностранная Литература», гдѣ помѣщались отчеты о новыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ этой литературы, преимущественно англійской, представлялъ не мало интереснаго и полезнаго. — Переводныя драмы и романы съ Англійскаго, Нѣмецкаго и Польскаго, занимали почти половину всего изданія.

Съ половины прошедшаго лѣта продолжается и еще не конченъ романъ г. Стебницкаго (псевдонимъ), подъ заглавіемъ «Некуда», имѣющій претензію быть однимъ изъ капитальныхъ произведеній беллетристики. Сколько по вышедшимъ уже главамъ можно судить, авторъ имѣетъ цѣлью выказать всю сумасбродную несостоятельность попытокъ въ Россіи лже-либеральной партіи вообще, а вмѣстѣ съ идеями опошлить и типы лицъ, предающихся добросовѣстно или даже притворно развитію и осуществленію подобныхъ утопій. Къ сожалѣнію авторъ не въ состояніи совладѣть съ этою задачею. Скудное изложеніе не окупается ни множествомъ дѣйстви-

щихъ лицъ, ни калейдоскопическимъ разнообразіемъ вводимыхъ характеровъ и положеній. Русское броженіе авторъ приводитъ въ связь съ польскою интригою, которой въ тоже время придаетъ характеръ чисто іезуитскій. Въ этомъ мѣстѣ романа есть сцены, живьемъ взятые изъ «Вѣчнаго Жида» Сю.

Что-же касается до прочихъ статей, напечатанныхъ въ Библіотекѣ для чтенія въ 1864 году, то въ нихъ замѣчается болѣе разборчивости нежели прежде, какъ по качеству, такъ и по сдержанности изложенія.

РУССКОЕ СЛОВО.

Половину, если не болѣе, мѣста въ годовомъ изданіи этого журнала заняли переводные романы, поэмы и драматическія произведенія (въ томъ числѣ «Чайльдъ Герольдъ» Байрона и трагедія «Ченчи» Шелли). Въ нѣсколькихъ нумерахъ продолжается рассказъ «Ливановъ», написанный на довольно избитую тему семинарской жизни. За-то было довольно научныхъ статей въ томъ числѣ теорія Дарвина о прогрессѣ въ органическомъ мирѣ, заняла много страницъ, какъ бы въ состязаніе съ «Библіотекою для чтенія», гдѣ эта самая теорія излагалась въ тоже время. За симъ наиболѣе рѣзкій характеръ въ этомъ журналѣ проглядывалъ въ статьѣ о протестантизмѣ и въ рассказѣ подъ заглавіемъ: «Въ гостяхъ у Бабушки», написанномъ по очень безнравственнымъ воспоминаніямъ 14-лѣтней дѣвочки.

Э П О Х А.

Эклектическій характеръ этого журнала препятствуетъ вывести сколько нибудь опредѣленное заключеніе объ общемъ его направленіи.—Можетъ быть у редакціи «Эпохи» (а прежде «Времени») было

и есть другое, болѣе серьезное желаніе быть органомъ какой-нибудь новой мысли, строгаго убѣжденія. По крайней мѣрѣ въ программахъ и объявленіяхъ о журналѣ много говорилось о разработкѣ русской почвы. Но мысль эта въ дѣло не перешла и журналъ явился простымъ складомъ разсказовъ, повѣстей, стиховъ, иногда статей съ претензіей на ученость, а также и мелочной полемики съ другими журналами.

Нѣкоторымъ отличительнымъ признакомъ «Эпохи» отъ другихъ Петербургскихъ журналовъ служить то, что журналъ этотъ какъ будто по временамъ вспоминаетъ о своемъ общаніи относительно разработки русской почвы и подлаживается подъ направленіе нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ, задавшихся мыслию о старыхъ русскихъ началахъ и т. п. Но изъ этого ничего опредѣленнаго не выходитъ, кромѣ только того, что петербургскіе журналы отличаютъ «Эпоху» въ подражательности газетъ «День» и въ угодли-вости «Московскимъ Вѣдомостямъ.»

Въ цензурномъ отношеніи журналъ ничего вреднаго не представляетъ.

МІРСКОЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ этомъ ежемѣсячномъ журналѣ помѣщались извлеченія изъ новыхъ узаконеній относящихся къ крестьянскому быту, и изъ постановленій волостныхъ и сельскихъ управленій и мірскихъ сходокъ; полезныя свѣдѣнія въ сельскомъ хозяйствѣ; литературныя статьи духовно-религіознаго и нравственнаго содержанія, повѣсти и разсказы изъ народнаго быта, разсказы изъ отечественной исторіи и этнографіи, жизнеописанія знаменитѣйшихъ Русскихъ людей, а также статьи изъ космографіи, естественной исторіи и физиологіи. Такое содержаніе журнала принаровлено весьма успѣшно къ духов-

нымъ, умственнымъ, юридическимъ и хозяйственнымъ потребностямъ крестьянскаго быта; по простотѣ изложенія—оно вполне соответствуетъ умственному уровню простонарожда.

МІРСКОЕ СЛОВО.

Журналъ этотъ только объемомъ отличается отъ Мірскаго Вѣстника; направленіе же его то самое, которое характеризуетъ предыдущее изданіе.

ВѢСТНИКЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Журналъ сей, издававшійся сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ началѣ 1864 года, подъ названіемъ «Вѣстника западной Россіи» въ Вильнѣ, остается вѣренъ своему направленію, состоящему въ томъ, чтобы всѣми силами противодействовать католической и польской пропагандѣ и защищать интересы Россіи и ея единство противу всякихъ сепаратическихъ покушеній. По существу своей задачи, онъ полемическаго характера. Полемика его рѣзка, откровенна и иногда груба; но въ ней вездѣ видно честное убѣжденіе. Такъ какъ журналъ не придерживается никакихъ отвлеченныхъ и хитросплетенныхъ умозрѣній, а прямо идетъ въ цѣли, опираясь на исторію и очевидные современные факты, то слѣдуетъ ожидать, что это изданіе будетъ имѣть значительное и весьма полезное вліяніе на край, въ которомъ и для котораго издается.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

Въ семь изданій помѣщаются любопытные, иногда драгоценные матеріалы для отечественной исторіи, (изъ открытой для Московской пубрики Чертковской Библіотекѣ), какъ то: письма, извлеченія изъ мемуаровъ извѣстныхъ историческихъ лицъ, анекдоты,

біографіи и т. п. безъ всякой системы, по мѣрѣ того, какъ попадаютъ подъ руку издателямъ. Не смотря на это, «Русскій Архивъ» составляетъ весьма полезное изданіе, и, чуждый духа коммерческой спекуляціи, представляетъ собою достойный примѣръ безкорыстнаго служенія на пользу отечественной науки.

Г. ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНИЯ ВЪ ПРИБАЛТИЙСКОМЪ КРАѢ.

Въ сравненіи съ направленіемъ Прибалтійской прессы въ 1863 году, въ ней произошли важныя перемѣны. Главнѣйшая изъ тамошнихъ газетъ *Dorpatser Tagesblatt* вскорѣ послѣ волненія, причиненнаго рѣчью Суперъ-Интендента Вальтера, перестала выходить въ свѣтъ, и чрезъ это мѣстное дворянство лишилось того органа, который, отстаивалъ его интересы съ наибольшою самостоятельностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ горячо поддерживалъ въ краѣ германизмъ. Въ настоящее время, первое, по своему значенію, мѣсто занимаетъ между тамошними изданіями «Рижская Газета,» которая посвящала себя чаще другихъ отраженію оскорбительныхъ для Остзейскаго края и незаслуженныхъ, по ея мнѣнію, нападокъ Московскихъ Вѣдомостей. Главная цѣль печатаемыхъ по этому поводу статей заключалась въ томъ, чтобы доказать, что Остзейскія провинціи и не помышляютъ объ отдѣленіи отъ Россіи, а добиваются только разширенія мѣстнаго ихъ самоуправленія. Вообще, во второе полугодіе прошедшаго года, «Рижская Газета,» и прежде впрочемъ отличавшаяся умѣренностію, не высказала ничего предосудительнаго, въ какомъ-бы то ни было отношеніи: каждая изъ ея передовыхъ статей, посвященныхъ полемикѣ съ «Московскими Вѣдомостями,» проникнута чувствомъ непризнаннаго патріотизма и служить только отвѣтомъ на нападки съ ихъ стороны, не заключая въ себѣ никакого вызова.

Въ такомъ же духѣ появилось нѣсколько статей и въ журналъ *Baltische Monatsschrift*, подъ рубрикою «Лифляндская Корреспонденція.» Что же касается петербургскихъ корреспонденцій этого журнала, то онѣ въ началѣ года имѣли фельетонный характеръ, отзываясь обо всѣхъ явленіяхъ петербургской жизни саркастически, а потомъ сдѣлались, подъ стать другимъ отдѣламъ, болѣе серьезными, хотя любимая мысль ихъ автора оставалась все та же—отставаніе правъ Евреевъ. Вообще можно сказать, что еврейскій элементъ играетъ въ *Baltische Monatsschrift* не маловажную роль, журналъ этотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, ратуетъ за полную вѣротерпимость въ Россіи—въ примѣненіи, конечно, и къ Евреямъ.

Объ остальныхъ Остзейскихъ изданіяхъ слѣдуетъ повторить тоже, что высказано въ прошлагодномъ отчетѣ: онѣ или совершенно спеціальны (какъ *Baltische Wochenschrift*, *Notizblatt des technischen Vereins*, *Archiv für die Geschichte Liv-Est-und-Kurlands*, *Pharmaceutische Zeitschrift*, *Mittheilungen für die evangelischen Kirchen Russlands* и *Evangelischen Sonntagsblatt*), или, по характеру своему, совершенно безцвѣтны; къ послѣднимъ относятся газеты: «Ревельская», «Дерптская» и «Либавская», а также *Pernauesches Wochenblatt* и *Rigache Stadtblätter*, которыя почти никогда не говорятъ отъ себя, ограничиваясь перепечаткой чужихъ извѣстій. Первый разрядъ изданій увеличился въ минувшемъ году небольшою газетою *Kirchlicher Anzeiger* имѣющей, какъ показываетъ самое ея названіе, религіозное направленіе въ протестанскомъ духѣ, а второю газетою *Narvsche Stadtblätter*, которая не выходитъ изъ круга совершенно мѣстныхъ интересовъ.

II. САТИРИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

И С К Р А.

Хотя этотъ журналъ и не оставилъ своего прежняго отрицательнаго и обличительнаго направленія, тѣмъ не менѣе въ 1864

году замѣтна была въ немъ значительная доля, если не трезвой умѣренности, то хотя невольной сдержанности. Изъ каррикатуръ только одна (№ 6), подверглась замѣчанію; прочія же каррикатуры скорѣе можно было принять за родившіяся въ фантазін живописца, и при томъ довольно неудачныя характеристики тѣхъ или другихъ общечеловѣческихъ слабостей и попопзновеній, чѣмъ за намеки на какія нибудь дѣйствительныя личности.

Что-же касается до литературнаго текста Искры, то и здѣсь, въ ея сатирахъ на житейскіе нравы, обычаи и требованія большинства, нѣтъ прежней язвительной ѣдкости, а проглядываетъ только легкая, игривая, хотя и жѣткая иронія (напр. статья: «житейскіе выводы и размышленія»). Даже обличенія Искры, напримѣръ, въ плутняхъ торговцевъ, во взяточничествѣ чиновниковъ и проч., были замаскированы съ 1864 году болѣе, нежели прежде, вымышленными названіями лицъ и мѣстностей. Рѣзкій тонъ этого журнала значительно вообще смягчился съ устраненіемъ отъ редакціи В. Курочкина.

З А Н О З А.

Ни каррикатуры, ни сатирическія насмѣшки и обличенія въ литературномъ текстѣ Занозы никого не задѣваютъ за живое. При неудачѣ остротъ своихъ эта газета не столько насмѣхается, сколько старается шутить. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что каррикатуры ея слишкомъ иногда каррикатурны, а шутка ея нерѣдко принимаетъ характеръ неприличнаго шутовства.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

Это Московское еженедѣльное изданіе съ карриатурами, по своей дешевизнѣ, внѣшнему неизяществу и простонародному языку,

предназначено, по видимому, для читателей изъ низшихъ классовъ. Оно, какъ слышно, расходуется въ большомъ количествѣ даже по деревнямъ, гдѣ томы «Развлеченія» за прошедшіе годы разносятся странствующими торговцами и продаются нерѣдко по 1 руб. за годовой экземпляръ. Нѣсколько разъ было предписываемо мѣстной цензурѣ, чтобы «Развлеченіе» было цензируемо съ особою осмотрительностію. При своей притворной простоватости и грубости, эта газета заключаетъ несравненно болѣе юмора и мѣткой остроты, чѣмъ другія. Хотя въ направленіи «Развлеченія», не проглядываетъ ничего злонамѣреннаго, антирелигіознаго или противу-правительственнаго, но она грѣшитъ часто поползновеніемъ къ цинизму и пасквильности. Справедливость заставляетъ впрочемъ сказать, что ея обличительныя статьи, имѣющія наиболѣе предметомъ Московскую полицію, тамошнюю городскую думу, продѣлки и плутни купцовъ и фабрикантовъ, наконецъ безобразное поведеніе молодежи изъ того же сословія, носятъ на себѣ почти всегда признаки достовѣрности.

Не излишне также замѣтить, что въ теченіе 1864 года помѣщены были въ «Развлеченія» двѣ довольно обширныя повѣсти, «Бракъ по расчету» и «Пустоцвѣтъ». Оба произведенія написаны занимательно, и, что въ текущей беллетристикѣ рѣдкость, нравственны и благонамѣренны.

III. Изданія педагогическія.

Позревшія изданія этой категоріи, строго сообразуясь съ своими программами, были въ 1864 году чужды нарушеній цензурныхъ правилъ; двухлѣтній опытъ доказалъ, что нѣтъ вовсе надобности въ постоянномъ за ними надзорѣ.

IV. Изданія духовныя.

(частныя и епархіальныя).

Духовные журналы рассматривали различные догматическіе и историческіе вопросы церкви. Слѣдя за современнымъ развитіемъ наукъ, они не упускали изъ виду и тѣхъ явленій духовной жизни народовъ, которыя касались религіи вообще, такъ,—направленія новѣйшей философіи, успѣхи естествознанія, изслѣдованія исторіи возбуждали духовную литературу дѣйствовать противъ стремленій новѣйшаго времени поколебать основанія христіанской религіи. Съ этою цѣлію помѣщаемы были въ духовныхъ журналахъ критическія изслѣдованія о новѣйшей философіи, Штрауса, Фейербаха, Ренана и др. (Христіан. чт., Творенія св. отц., Духовный Вѣстн., Правосл. Обзор. и друг.), объ ученія Дарвина о видахъ животныхъ и растений (Твор. св. отц.), объ исторіи цивилизаціи Бокля (Христ. чт.), о пантеизмѣ (Странникъ), о спиритизмѣ (Радуга), о свободѣ совѣсти (Христ. чт.). Настоящее состояніе раскола въ Россіи вызвало во многихъ духовныхъ журналахъ рядъ критическихъ и историческихъ статей, направленныхъ противъ его заблужденій, съ цѣлію или устранить его притязанія на новыя права, или болѣе примирить его съ православіемъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательны статьи, помѣщенные въ «*Православномъ Собесѣдникѣ*», подъ названіемъ: «*Русскій расколъ предъ судомъ истины и церкви*». Современные вопросы, касающіеся преимущественно положенія духовенства, его внутренняго устройства, его отношеній къ обществу, участія въ народномъ образованіи, были рассматриваемы почти во всѣхъ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ, въ границахъ, предписанныхъ закономъ.

Епархіальныя вѣдомости, кромѣ офіціальныхъ извѣстій по епархіи, заключали въ себѣ мѣстные историческія изслѣдованія, касающіяся церкви, религіозно-нравственныя поученія и событія, соображенія объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго быта духовенства и народа.

Уклоненія отъ цензурныхъ правилъ составляли въ изданіяхъ этой категоріи весьма рѣдкое исключеніе. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе заслуживаетъ статья о православіи между Эстами и Латышами (Вятскія Епарх. вѣд.), въ которой проводится идея не только религіознаго антогонизма между православіемъ и протестантствомъ, но и возбуждается та неумѣстная полемика о прибалтійскомъ сепаратизмѣ, которая была отстраняема Правительствомъ даже и свѣтскихъ журналахъ.

V. Специально - ученныя изданія, издаваемыя правительственными, учеными и учебными учрежденіями и частными лицами.

Объ этой группѣ повременныхъ изданій, весьма многочисленной, слѣдуетъ повторить тоже, что было сказано въ предшествовавшемъ отчетѣ: они вѣрны своей цѣли и утвержденнымъ для нихъ программамъ, а потому строже, чѣмъ изданія прочихъ категорій, соблюдаютъ цензурныя правила и почти не нуждаются въ постоянномъ наблюденіи.

VI. Губернскія вѣдомости и прочія правительственныя изданія.

Губернскія и областныя вѣдомости, и также листки Таганрогскаго и Керчь-Эникольскаго градоначальствъ въ продолженіе 1864 года, отличались хотя и благонамѣреннымъ направленіемъ, но не всегда слѣдовали узаконенной для нихъ программѣ: нѣкоторыя уклонялись отъ нея иногда, а другія постоянно.

Къ первой категоріи принадлежатъ

1. Нижегородскія, которыя въ официальной части, выходящей отдѣльно отъ официальной части, и допускающей иногда передовыя статьи, по образцу частныхъ періодическихъ изданій, высказали мнѣніе о нѣкоторой даже пользѣ коммунистическихъ и социалистическихъ учений, осужденныхъ Правительствомъ.

2. Пермскія, открывшія у себя духовный отдѣлъ, въ которомъ начали печатать, такъ называемые, миссіонерскіе отчеты, заключающіеся единственно въ свѣдѣніяхъ о неудачныхъ попыткахъ миссіонеровъ къ обращенію раскольниковъ въ православіе; кромѣ того въ этихъ вѣдомостяхъ помѣщено было извѣстіе о безуспѣшности распоряженій духовнаго начальства къ поимкѣ двухъ раскольническихъ лжеепископовъ.

3. Владимірскія, которыя вели полемику между частнымъ лицомъ и членомъ Владимірской квартирной комиссіи о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ распределеніи квартирной повинности.

4. Оренбургскія, высказывавшія жалобы на мѣстныя гражданскія власти за равнодушіе ихъ къ совращенію православныхъ въ расколъ.

5. Енисейскія, которыя допустили полемику между частными лицами по дѣламъ золотопромышленности, обращая тѣмъ губернскія вѣдомости въ органъ для частныхъ цѣлей.

6. Тобольскія, отзывавшіяся о чиновникахъ и канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ вообще въ выраженіяхъ рѣшительно неумѣстныхъ въ официальномъ губернскомъ органѣ.

Ко второй категоріи, т. е. къ числу постоянно уклонявшихся отъ программы, принадлежатъ Воронежскія и Московскія губернскія вѣдомости. Отдѣливъ отъ официальной части неофициальную, почти въ видѣ самостоятельнаго изданія, редакціи ихъ старались

стать на ряду и по со-и, а, и по способу изложенія статей,
съ столичными частными бѣ м. Въ каждомъ почти номерѣ
помѣщались передовыя статьи, но-1 совершенно противоположныя пѣли
означенныхъ изданій, а иногда и разсказы въ фельетонномъ тонѣ.
Все сіе ослабляло officialный характеръ означенныхъ изданій, и
даже совсѣмъ устраняло этотъ характеръ.

Изъ остальныхъ губернскихъ вѣдомостей, Полтавскія отличались замѣчательною твердостью и постоянствомъ въ строгомъ соблюденіи программы, а также въ сообщеніи интересныхъ статистическихъ, этнографическихъ и другихъ очень полезныхъ мѣстныхъ свѣдѣній; въ противоположность этому: Архангельскія, Астраханскія, Саратовскія и Остзейскія (всѣхъ трехъ губерній) обращали на себя вниманіе совершенно пустотою своихъ неофициальныхъ отдѣловъ. Прочія губернскія вѣдомости занимали середину между первыми и послѣдними.

Журналы, издаваемые Министерствами, не подали, въ теченіе всего прошлаго года, поведовъ ни къ одному замѣчанію о несоблюденіи цензурныхъ правилъ. Изъ числа ихъ, особое на себя вниманіе обращали, по разнообразію содержанія и тщательному выбору статей, слѣдующія два изданія: 1. Морской Сборникъ, посвященный преимущественно разработкѣ специальныхъ вопросовъ, какъ .н. п. объ устройствѣ панцырныхъ судовъ и распространеніи усовершенствованныхъ орудій, и 2. Журналъ Министерства Юстиціи.

Princeton University Library

32101 067477461

